

Министерство образования Республики Беларусь
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (БГУ)

УДК 321 (4/9)
№ гос.регистрации 20151078
Инв. №

УТВЕРЖДАЮ
Зам. проректора по научной
работе – начальник ГУН

_____ В. П. Кутавичюс

« ____ » _____ 2017 г.

ОТЧЕТ
о научно–исследовательской работе
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

согласно договору с БРФФИ № Г15–048 от “4” мая 2015 г.

(заключительный)

Зав. кафедрой политологии
юридического факультета,
научный руководитель НИР
д-р полит. наук, профессор

С. В. Решетников

« ____ » _____ 2017

Нормоконтролер

С. Ю. Галкина

« ____ » _____ 2017

Минск 2017

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель работы
зав. кафедрой политологии,
д-р политических наук,
профессор

С.В.Решетников
(введение, подразд. 2.1;
2.2; 2.3; 2.4; 2.7; раздел 4;
заключение, общая
редакция отчета)

Исполнители темы:

Доцент кафедры политологии,
канд. политических наук,
доцент

Н.А.Антанович
(определения, реферат,
введение, подразд. 1.1;
1.2; 1.3; 2.1; 2.2; 2.3; 2.4;
3.2; 3.3; 3.4; 3.5; раздел 4;
заключение)

Доцент кафедры политологии,
канд. политических наук

В.С.Михайловский
(определения, реферат,
подразд. 2.5; 2.6; 3.1; 3.2;
3.4; 3.5; 3.6; раздел 4;
заключение)

Зав. учебной лабораторией
политических технологий,
доцент кафедры политологии,
канд. политических наук

О.Е.Побережная
(определения, реферат,
введение, подразд. 2.3;
2.4; 2.7; 3.1; 3.2; 3.3;
раздел 4; заключение)

Аспирант кафедры
политологии

А.С.Писарчик
(определения, подразд.
3.6; раздел 4; список
использованных
источников, оформление
отчета)

Нормоконтролер

С.Ю.Галкина

РЕФЕРАТ

Отчет 121 с., 3 табл., 127 источников.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕТЬ, СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Объектом исследования выступает организация государственного управления социальным и политическим пространством.

Цель НИР – раскрытие основных направлений государственного управления социальным пространством с учетом специфики политического управления и выработки официального политического курса в Республике Беларусь.

При проведении исследования использованы общенаучные, социально-гуманитарные и политологические методы. Использована методология системного, коммуникативного и сетевого подходов, а также дискурс-анализа.

В ходе исследования была проведена концептуализация понятий «социальное пространство», «политическое пространство», «политическое поле», «политико-административная система»; исследована эволюция политического мышления в социальном пространстве и механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем; выявлены тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси.

Разработана *концептуальная модель* государственного управления социальным пространством, включающая: механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем; технологии дискурсивного контроля в структуре массовой культуры; механизмы социально-проектной деятельности (социальное партнерство, государственно-частное партнерство, социальная работа) как управленческого инструментария в сфере социальной политики; инструментарий государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства в системе высшего образования

Сделан вывод об эвристическом потенциале социального конструктивизма для анализа политической реальности в коммуникативном пространстве взаимодействия политических субъектов в условиях борьбы идеологических проектов устройства и управления социальной реальностью. Выявлено, что эффективность государственного управления социальным пространством связана с социально-проектной деятельностью и установлением государством дискурсивного контроля над постановкой социально значимых проблем на повестку дня политики с опорой на истинные ценностные ориентации массового политического сознания.

В результате исследования государственное управление социальным пространством определено как деятельность государственных институтов по реализации социально значимых целей с использованием средств ценностно-символического регулирования и применения механизмов социально-проектной деятельности в конструировании социальной реальности.

Результаты исследования реализованы в публикациях, отчетах по этапам НИР, актах внедрения в учебный процесс, типовой и учебной программах.

СОДЕРЖАНИЕ

Определения.....	5
Обозначения, сокращения	8
Введение	9
1 Пространственное измерение социальности: концептуализация понятий «социальное пространство» и «политическое пространство».....	14
1.1 Концептуальная динамика в политической науке: от системных измерений к сетевым	14
1.2 Основные подходы к исследованию понятия «социальное пространство».....	16
1.3 Понятие «политическое пространство»	19
2 Символическая организация социального пространства	22
2.1 Политическое осмысление социальности: эволюция политического сознания и мышления	22
2.2 Дискурс-анализ в исследованиях символического уровня социального пространства	30
2.3 Символизация социального пространства: механизмы постановки на повестку дня политики проблем различной значимости.....	32
2.4 Органичная символизация социального пространства: эволюция и тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси	36
2.5 Репрессивная символизация социального пространства: роль массовой культуры в политике	41
2.6 Дискурсивный контроль: неолиберальный вызов Республике Беларусь	48
2.7 От мышления к действию: мотивационные факторы ценностного ориентирования в социальном пространстве	51
3 Инструментарий государственного управления социальным пространством	52
3.1 Политическое проектирование социального пространства: сущность и субъекты (концептуальный анализ).....	52
3.2 Конкуренция социально-проектной деятельности в политическом пространстве Республики Беларусь.....	54
3.3 Регулятивные механизмы социально-проектной деятельности в политическом пространстве Республики Беларусь.....	57
3.4 Государственно-частное партнерство в формулировании и решении социально значимых проблем и их переводе в политический дискурс (сравнительный анализ). .	75
3.5 Государственно-частное партнерство в Республике Беларусь.....	78
3.6 Государственное регулирование совокупной капитализации субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь	84
4 Основные направления проектной деятельности органов государства по управлению социальным пространством в соответствии с потребностями национально-государственного строительства в Республике Беларусь, перспективы дальнейшего развития и практического использования полученных результатов	93
Заключение.....	102
Список использованных источников.....	112

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем отчете по НИР используются следующие определения:

Государственная политика – совокупность целей, задач, приоритетов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной власти с привлечением общественных объединений и организаций.

Государственное управление – целенаправленная деятельность институтов государственной власти по реализации целей общественного развития и определенных целей в конкретных социальных областях с применением правовых, экономических, административных методов воздействия, с опорой на ресурсы, имеющиеся в распоряжении властных институтов.

Социальное пространство – это:

1) место (система координат, протяженность), в котором действуют субъекты в зависимости их диспозиций и формирующихся социальных дистанций; сеть действий, совершаемых в определенном пространственно-временном континууме (ситуация) социальными акторами/агентами;

2) характеристика социального восприятия и конструирования окружающего мира отдельными субъектами и/или социальными группами с учетом географических условий, территориальной протяженности, исторической памяти народа и определенной ценностной системы.

Политическое пространство – часть социального пространства, в которой осуществляются действия и взаимодействия политических акторов; символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

Общественная политика – целенаправленная деятельность институтов государства (как центров принятия политических решений) с привлечением институтов гражданского общества по формированию, выработке и реализации политического курса.

Публичная политика – программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий социальных групп (страт) их представителями. Публичная политика отражает процессы агрегации и артикуляции групповых интересов, формирование определенного типа политики государства.

Политический анализ – научно обоснованная деятельность по выработке знаний о политических процессах, позволяющая принимать рациональные политические решение и действия.

Политическое мышление – составная частью понятия «политическое сознание», отражающая специфику аргументации как формы социально-

политического дискурса и особенности эмоционально-психологического восприятия политики.

Политическое сознание – совокупность представлений, оценок и установок о содержании политического поля, а также сопровождающих их эмоциональных компонентов.

Дискурс (в данном исследовании) – коммуникативная практика, направленная на формирование социального согласия (воспроизводство культуры) или несогласия (диалектическое развитие культуры).

Политический дискурс – речевые практики субъектов власти и политики, формирующие политическое пространство.

Символическая политика – это сфера глобальной и национальной конкуренции за интерпретацию социальности.

Символизация социального пространства – это практика социального конструктивизма, направленная на символическую организацию социума с целью его определенного развития посредством воспроизводства или регулирования общественного дискурса. Символизация социального пространства может иметь *органичную (естественную)* или *репрессивную (манипулятивную)* направленность. Последняя определяется ролью массовой культуры в политике.

Социальное проектирование – это конструирование индивидом, группой или социальной организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели либо преобразование социального пространства и локализованного по месту, времени и ресурсам.

Социально-проектная деятельность – деятельность по научному и практическому обоснованию прообраза социального будущего и путей достижения ожидаемого, рационально обоснованного состояния социально-политической системы; составная часть управления.

Политическая социально-проектная деятельность – это комплексная практика по получению описания нового общественного уклада (или его основных составных частей), обладающего бифуркационным потенциалом по отношению к существующему общественному укладу.

Социальный конструктивизм – деятельность, направленная на разработку приемов институциональной и символической организации общества.

Социальное партнерство – это система отношений между наемными работниками и работодателями при посреднической роли государства по согласованию экономических интересов в социально-трудовой сфере и урегулированию социально-трудовых конфликтов.

Социальная работа – специфическая деятельность, направленная на оптимизацию субъективной роли человека во всех сферах жизни общества в процессе жизнеобеспечения и деятельного существования личности, семьи и других социальных групп.

Государственно-частное партнерство – это направление в современной управленческой практике, представляющее собой сотрудничество государства и бизнеса в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля; это организационно оформленное взаимодействие государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов.

Человеческий капитал – это совокупность качеств человека как активного социального актора, которые формируются благодаря общественным инвестициям в его развитие и имеют обратный эффект в виде конструктивной социальной отдачи.

Социальный капитал – это социальное доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешного сотрудничества в условиях, основанного на демократии социального и политического взаимодействия (на макросоциальном уровне); это знания и ресурсы отдельной личности, формируемы и используемые в рамках социальны организаций (на макросоциальном уровне).

Совокупная социальная капитализация – совокупная капитализация субъектов социального пространства нами определена как целенаправленная деятельность государства во взаимодействии с гражданским обществом и коммерческим сектором по развитию человеческого капитала по следующим составляющим: инновационно-технологической, интеллектуальной, профессиональной и информационной, а также социального капитала, отражающего развитость социальной структуры в средство инновационного развития и политической эффективности.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

БГУ – Белорусский государственный университет,
БРФФИ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований,
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика,
ГЧП – государственно-частное партнерство,
ЕС – Европейский Союз,
НГО – негосударственные объединения,
НКО – некоммерческие организации,
КНР – Китайская народная республика,
НИР – научно-исследовательская работа,
НИУ – национальный исследовательский университет,
НЦПИ – Национальный центр правовой информации,
ООН – Организация Объединённых Наций,
ПРООН – Программы развития Организации Объединённых Наций,
РФ – Российская Федерация,
СМИ – средства массовой информации,
СНГ – Содружество Независимых Государств,
СССР – Союз Советских Социалистических Республик,
США – Соединённые Штаты Америки,
ТНК – транснациональные корпорации,
ФГБУ – федеральное государственное бюджетное учреждение,
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ВВЕДЕНИЕ

Целью НИР «Государственное управление социальным пространством: политологические аспекты» является раскрытие основных направлений государственного управления социальным пространством с учетом специфики политического управления и выработки официального политического курса в Республике Беларусь.

Для выполнения НИР были поставлены следующие задачи:

– выявить проектный потенциал применения понятий «политическое пространство» (как часть социального пространства) и «политическое поле» в политической науке и в сфере государственного управления, разработать их дефиниции;

– исследовать эволюцию политического мышления в социальном пространстве посредством раскрытия механизмов постановки на повестку дня политики социально значимых проблем;

– исследовать конкуренцию дискурсов субъектов политики в сфере выработки проектов общественного развития;

– провести концептуальный анализ функционирования дискурсивного контроля в структуре массовой культуры;

– исследовать механизмы социального партнерства и социальной работы как управленческий инструментарий реализации социальной политики государства;

– раскрыть современное состояние и динамику государственно-частного партнерства в формулировании и решении социально значимых проблем и их переводе в политический дискурс;

– раскрыть инструментарий государственного регулирования совокупной капитализацией субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь.

Объектом исследования выступает организация государственного управления социальным и политическим пространством.

Научная идея состоит в изучении механизмов трансформации социальных процессов и проблем в политические решения и действия. Социальное пространство анализируется сквозь призму его репрезентации в публичном политическом дискурсе с одной стороны, а с другой – в его воплощении в политических проектах.

Многообразные формы общественного бытия и системные характеристики социума совокупно представляют собой социальное пространство. В социальном пространстве реализуются различные практики по воспроизводству сложившихся отношений на основе устоявшихся в данном социуме ценностей, норм и правил, а также структурируются новые социальные, экономические, политические и иные

практики на основе статусных и мировоззренческих отличий социальных субъектов.

Диспозиции политических акторов, их борьба за продвижение своих идеологически обоснованных проектов общественного развития и, как следствие, за наращивание ресурсов политического влияния, формируют политические поля. Таким образом, конфигурация политического поля определяется борьбой за доминирование в социально-проектной деятельности между официальными и неофициальными субъектами политики.

Научно обоснованные практики государственного управления социальным пространством являются механизмом повышения конкурентоспособности общества. Эффективность социально-проектной деятельности государства, связанной с выработкой политического курса, зависит от адекватного сочетания политических и административных механизмов в достижении государственной состоятельности (степени реализации основных функций государственного управления: целеполагание, принятие решений, организация, координация, регулирование, контроль, обратная связь).

Проблема государственного управления социальным пространством по идее авторов проекта, имея комплексный характер, распадается на ряд предметных полей, вклад в изучение которых внесен рядом авторов. Концептуализация понятий «социальное пространство», «политическое пространство», «политическое поле» проводилась следующими авторами: Г.А.Аванесова, О.Н. Астафьева, А.Ф. Филиппов, Д.В. Михалевский, П.Н. Плугатаренко, И.Л. Прохоренко, Г.В. Пушкаревой. Следует отметить белорусских авторов И.В. Котлярова, Д.Г. Ротмана, А.С. Шуста. Политические сети изучали следующие авторы: Д. Ноук и Дж. Куклински, Р. Родес, Т. Берцель, М. Кастельс, Э.Хейвуд, Дж. Петерсон, Л.В. Сморгунув, А.В. Олескин, А.В. Курочкин.

Динамика политического мышления в социальном пространстве и механизмы постановки социально значимых проблем на повестку дня политики изучались Л.Я. Гозманом, Е.Б. Шестопал, Н.А.Барановым, А.А.Казаковым, М.М. Мейер, Т.Н.Митрохиной; белорусскими авторами О.Г. Слукой, Д. М. Булышко, А. Н. Даниловым, Д. Г. Ротмананом.

Изучение социально-проектной деятельности официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь на основе сравнительного анализа политического дискурса и выявления технологий дискурсивного контроля в структуре массовой культуры является мало изученной проблематикой в отечественной социальной науке. Разработки авторов данной работы в данном случае имеет большое значение.

Следующие три направления, над которыми работали авторы НИР, получили развитие в специальных работах. Проблематика социального партнерства разрабатывается в трудах Ю.А. Красина, Л.И. Никовской, А.В. Павроза. Опыт

социальной работы изучали российские авторы: Е.И. Холостова, А.Н. Дашкина, И.В. Малофеев, В. И. Клипина-Литовченко, В. Т. Кривошеев, П.Д. Павленок, А.Д. Григорьев, а также белорусские авторы М.А. Щёткина, И.Н. Куропатенкова, Т.И. Костюкович, Л.К.Злотников, Н.В. Ефременко. Связь проблематики социального партнерства и социальной работы с разработкой инструментария социальной политики, а также с повышением совокупной капитализации субъектов социального пространства – идея авторов данной НИР.

Изучением государственно-частного партнерства (ГЧП) в формулировании и решении социально значимых проблем с точки зрения политологии занимались следующие российские авторы А.И. Абдрахманов, П.С. Алимбиев, А.И. Попандопуло, А.И. Сергеев. Значителен вклад белорусских ученых в исследование ГЧП. Регулярные международные конференции, посвященные ГЧП, проходят в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Ряд публикаций вышли под редакцией Г.В. Турбана, А.Г. Печенко, Л.Е. Филипповой. Советом по развитию предпринимательства в Республике Беларусь был подготовлен обширный отчет «Государственно-частное партнерство: международный опыт и перспективы развития в Республике Беларусь». Минский столичный союз предпринимателей и работодателей выпускает сборники о приоритетах и перспективах ГЧП для Беларуси, регулярно выходят сборники «Национальная платформа бизнеса Беларуси».

Идея изучения трансформации проблематики ГЧП в политический дискурс также является авторской идеей исполнителей НИР.

Инструментарий государственного регулирования социального пространства вырабатывается также в процессе формирования совокупной капитализации человека и общества, в первую очередь в системе образования. Концепции человеческого и социального капитала получили развитие в работах таких зарубежных авторов как Г. Беккер, Т. Шульц, К. Свейби, Р. Патнэм; российских авторов – Н.Н. Даниленко, Л. Нестерова; белорусских – Ф.П. Витко, С.А. Шавеля, М.И. Демчука, А.И. Жука и др. Проблема совокупной капитализации и её формирования в системе образования, также исследуется в документах и материалах различных экспертных и аналитических организаций.

Согласно идее авторов НИР, совокупная капитализация складывается, главным образом, из сочетания накопленного человеческого и социального капиталов, отражающих личностный интеллектуальный и конкурентный потенциал (на макросоциальном уровне), а также совокупность связей, отношений и норм, определяющих групповые и статусные диспозиции в социальном и политическом пространстве (на макросоциальном уровне). Качеством созидания совокупной капитализации определяются потенциальные возможности для инновационного развития общества, его способности эффективно реагировать на

возникающие вызовы и реализовывать стратегические задачи в условиях непрерывно меняющегося мира в режиме реального времени.

С методологической точки зрения наряду с использованием системного и структурно-функционального подходов, авторами применялась методология коммуникативного и сетевого подходов, а также дискурс-анализа для выявления механизмов выработки политического курса на общегосударственном (национальном) уровне.

Эмпирическую базу для исследования составили Конституция Республики Беларусь, Национальная стратегия устойчивого развития до 2030 г., Концепция национальной безопасности, программы социально-экономического развития (2011 – 2015; 2016 – 2020 гг.), нормативно-правовые акты Республики Беларусь (законы, декреты Президента, кодексы), отражающие основные направления, тенденции, стратегические цели и задачи, условия и систему организации, регулирования и управления процессами внутренней и внешней политики государства, проблем формирования повестки дня государственной политики, вопросов обеспечения общественной безопасности и социальной защиты населения.

В ходе исследования авторы обращались к Посланиям Президента Республики Беларусь (2015, 2016 гг.) к белорусскому народу и Национальному Собранию, выступлениям и докладам Президента Республики Беларусь, в частности к материалам выступления на пятом Всебелорусском народном собрании (22 июня 2016 г.); постановлениям и решениям Правительства Республики Беларусь, министерства труда и социальной защиты, министерства финансов, министерства экономики, министерства образования; документам Федерации профсоюзов Беларуси; документам ООН/ПРООН; результатам исследований ведущих аналитических центров республики, в частности к материалам и публикациям Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (БГУ).

В ходе работы авторы опирались на аналитические и исследовательские разработки, представленные в докладах и материалах Международной комиссии по окружающей среде и развитию, аналитической группы Всемирного банка, ФГБУ «Главэкспертцентр» Российской Федерации, НЦПИ Республики Беларусь, Совета по развитию предпринимательства при министерстве экономики Республики Беларусь и др.

Авторы также обращались к публикациям российских, зарубежных и белорусских печатных и электронных СМИ, материалам международных научных конференций, круглых столов и семинаров, специализированной периодике. В частности опирались на статьи, разработки, результаты социологических исследований, научных дискуссий в таких журналах как «Журнал исследований социальной политики», «SPERO. Социальная политика», электронный журнал

«Социальные проблемы», «Социс. Социологические исследования», «Полис. Политические исследования», журнал министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь «Охрана труда и социальная защита», «Социальная работа», «Проблемы управления», «Общественные науки современность», «Власть», «Social Policy&Administration», «Policy Studies», «National Interest». Использовались материалы электронных порталов Всемирного банка, ООН/ПРООН в Беларуси, Президента Республики Беларусь, Совета министров Республики Беларусь, Национального Собрания, Федерации профсоюзов Беларуси, Русского филологического портала, электронных библиотек «E-library», «Гумер», «Человек и наука», «Cyberleninka».

В исследовании применялись официальные статистические данные (статистические сборники, пресс-релизы, данные) Национального статистического комитета Беларуси.

Были использованы авторские наблюдения, собранные и зафиксированные в ходе работы над НИР и изложенные в докладах на конференциях и круглых столах, в авторских публикациях.

1 Пространственное измерение социальности: концептуализация понятий «социальное пространство» и «политическое пространство»

1.1 Концептуальная динамика в политической науке: от системных измерений к сетевым

Фундаментальные изменения в науке всегда касаются средств и методов познавательной деятельности в целом и изменения категориального аппарата, в частности. В середине XX в. сложилась теория политических систем, надолго определившая категориальный аппарат политической науки, а термины «политическая система», «подсистема политики», «тип политической системы», «политический режим» стали основополагающими для политологического дискурса. В XX в. представления о специфике системного и институционального подходов к анализу политики и *политической деятельности* вошли в теоретическое основание и политической науки, и конституционного права.

Классик системного подхода Д. Истон развивал идею целедостижения как основополагающую для политической системы. Политическая система у Д. Истона, по сути, являлась методологическим средством анализа того, как импульсы «входа» («требования») преобразуются в решения и действия властных институтов на «выходе». Детализацию изучения политической системы обеспечил политический функционализм (в т.ч. в форме структурно-функционального подхода). Работы Г. Алмонда, С. Вербы К. Дойча продемонстрировали продуктивность понятия «политическая система», благодаря которой стало возможным анализировать политические институты, исполнение индивидами политических ролей, а также исследовать коммуникационные процессы. Выделение функций *системы* (System functions), *процесса* (Process functions) и *политического курса* (Policy level functions) [1] стало классическим в политической науке. Модель политической системы «вход – выход» обладает объяснительным потенциалом для изучения государственного и политического управления.

Для конкретизации изучения процессов государственного и политического управления используется понятие «*политико-административная система*». Политико-административная система включает совокупность взаимоотношений между структурными элементами системы государственной власти (политическое руководство – законодатели – исполнительная власть); исполнительной властью (в лице государственных служащих) и гражданами, а также их организациями [2]. При построении модели политико-административной системы учитывается соотношение политического и административного управления в каждой конкретной стране. Однако описанная выше модель должна наполняться анализом напряженных взаимоотношений (в форме конкуренции за власть и принятие

решений), возникающих между реальными акторами политического поля. Подобные конкретные разработки актуальны для белорусской политологии.

Развитие любой науки проходит через смену методологических подходов. В политической науке в качестве таковых традиционного выделяют бихевиоризм, системный анализ, функционализм, теорию рационального выбора, неинституционализм [3, с. 34-35]. Под влиянием постмодернистского подхода начали использоваться новые термины, значительное внимание уделяется анализу политического дискурса (как совокупности коммуникативных практик), получил применение сетевой подход. Приведем здесь две цитаты, указывающие на серьезные концептуальные перемены в современных социальных науках. Первый пример. Известный социолог П. Штомпка призывал к преодолению «системно-организмических моделей общества» и «дихотомии социальной статики и динамики» [4, с. 25]. Второй пример. И. Л. Прохоренко отмечает, что «политологи обратили пристальное внимание на неинституциональные факторы, определяющие специфику и динамику политических процессов (демографические, этно- и социокультурные изменения, перемены в ценностных предпочтениях) с целью преодолеть макросубъектный подход» [5, с. 68].

Итак, поисковой зоной в развитии системной теории являются концепции политических сетей, социального и политического пространства и поля. *Сетевой подход* направлен на осмысление процессов, происходящих в обществе под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Сетевой подход основан на применении понятий «социальная сеть» и «политическая сеть» (сопряженные понятия: «сетевое общество», «сетевое управление», «сетевые войны»). Политические сети изучали такие авторы, как Д. Ноук и Дж. Куклински, Р. Родес, Т. Берцель, М. Кастельс, Э. Хейвуд, Дж. Петерсон, Л. В. Сморгун, А. В. Олескин, А. В. Курочкин. Работа Д. Ноука и Дж. Куклински «Сетевой анализ» была опубликована еще в 1982 г.

Организация социальной жизни может быть основана как по иерархическому, так и по сетевому принципу, описывающему неформальные социальные взаимодействия на протяжении всей человеческой истории. Хотя социальные и политические сети не являются «изобретением» информационного общества, однако именно в нем приобретают принципиально новые характеристики. «Сетевые структуры» XXI в. – «феномен постмодерна». Политические события, явления культуры и даже личной жизни предстают в форме потоков сообщений. Меняется социальная структура, связь человека с конкретными территориальными сообществами ослабевает, а возможности современных ИКТ и интернет-коммуникации позволяют создавать экстерриториальные группы на основе личного выбора и интереса.

Политическая сеть – разновидность социального сообщества, которое на неформальной основе связывает между собой политических субъектов со

сходными политическими позициями, убеждениями, интересами. Политические сети могут формироваться как на уровне элитарных группировок («железные треугольники», включающие представителей законодательной, исполнительной власти и лоббистов), так и на уровне широкого массового взаимодействия. Политико-управленческие сети соединяют государственных и негосударственных акторов. Современные коммуникативные позволяют использовать сетевое взаимодействие в государственном управлении для обратной связи между центрами принятия решений и обществом (e-government).

1.2 Основные подходы к исследованию понятия «социальное пространство»

Для описания и анализа *полицентричных, постоянно воспроизводящихся, изменчивых сетевых взаимодействий* социальных акторов используют понятия социального и политического пространства, политического поля. Самые ранние упоминания понятия «*социальное пространство*» встречаются в работах Г. Зиммеля, П. Сорокина, а позднее – П. Бурдьё, М. Фуко. Согласно П. Бурдьё социальное пространство конструируется по различению позиций социальных агентов: место в социальном пространстве «может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам... и через дистанцию, отделяющую это место от других» [6, с. 35-36].

Политическое поле (введенная П. Бурдьё) – это:

1) категория для обозначения места, где в конкурентной борьбе между агентами, занимающими определенные позиции, продуцируются политические концепции, решения, комментарии, проекты общественного устройства;

2) разновидность политического пространства, имеющего определенные территориальные рамки (чаще одно государство), в пределах которых идет противостояние идеологических концепций, выдвигаемых различными политическими силами.

П. Бурдьё исследовал как социальное пространство вписывается в физическое пространство, воплощаясь в архитектуре и топонимике городов, фиксируя символические позиции различных правящих элит. Концепция М. Фуко основывалась на особом наборе понятий, куда наряду с понятиями «власть», «дискурс», «знание», «стратегия», входил термин «пространство». М. Кастельс использовал понятие «пространство потоков»: информационные потоки кардинально меняют традиционное географическое и городское пространство, переплетаются с ним [7].

А. Т. Бикбов и С. М. Гавриленко отмечают, что «всякое социально-теоретическое описание общества, при всем многообразии существующих подходов, в основе своей содержит пространственную схему, которая приписывает социальному миру ту или иную предельную форму упорядоченности» [8, с. 1].

Г. А. Аванесова и О. Н. Астафьева предложили *определение социального пространства* – это «характеристика социального восприятия и моделирования человеком окружающего мира с точки зрения его геотерриториальной протяженности, историко-временных особенностей, а также в аспекте его ценностно-смысловой определенности» [9, с. 367].

А. Ф. Филиппов провел анализ социального пространства, выявив его аналитико-прогностические возможности [10]. Социум рассматривается как «наблюдаемое месторасположение тел»; место взаимодействия акторов в зависимости от их социальной дистанции; символическое пространство конструирования социума и дискурс об этом конструировании.

Понятие пространства мыслится вместе с его характеристиками: место (расположение, протяженность, размерность, система координат) – граница – дистанция. С нашей точки зрения, понятие социального пространства:

- позволяет анализировать текущие, изменчивые социальные практики;
- приобретает свои специфические формы в определенном физико-географическом, предметном пространстве (объективация и материализация);
- имеет культурно-историческую (цивилизационную) специфику;
- имеет сложное строение, включая различные подпространства/поля (политическое, правовое, символическое, экономическое);
- содержит идеально-конструирующую (ментальную составляющую), формируясь в определенном бытии, оказывает на него конструирующее воздействие (оно объективируется в определенном типе культуры).

Социальное пространство в каждом государстве конструируется на основании определенных проектов/стратегий, за которые разворачивается политическая борьба. Природно-географическое и даже физическое пространство рассматриваются как проекция ментальной составляющей социального пространства.

Как бытийный феномен современное социальное пространство конструируется благодаря коммуникативным технологиям и предстает исследователю как *сеть действий*, совершаемых в определенном пространственно-временном континууме (ситуация) социальными акторами/агентами. Конфигурация различных пространств определяется силовыми отношениями между акторами/агентами действия, т.е. их стремлением к доминированию, обладанию тем или иным видом капитала, стремлением сохранить/изменить свои диспозиции (т.е. «места» в социальном пространстве).

Современная эпоха – время борьбы за социальное пространство (не столько за природно-географическое, сколько за политико-идеологическое и символическое пространство).

Социальное пространство отражается в сознании человека, а затем он конструирует свое пространство жизни. Д. В. Михалевский верно отметит: «На

каждом историческом этапе социальное пространство и его структуры отражают уровень и структуру развития сознания человека» [11, с.4].

Как мы уже отмечали выше, формами организации социального пространства могут быть *иерархии и сети*. Иерархии социальных акторов жестко организованы и «привязаны» к физико-географическому пространству (например, обладание недвижимостью, гражданство). Социальные сети формируются неиерархическим способом, являются экстерриториальными, обладают высоким потенциалом социальной мобилизации. В современной социальной науке особое внимание уделяется изучению взаимодействия *пространства мест* и *пространства потоков* (пример: пространство мест изменяется благодаря высокой скорости физических перемещений индивидов; возможности удаленной работы и предоставления услуг кардинально меняют социум, создаются «чартерные города»).

Применительно к «социальному пространству» корректней говорить *не просто о структуре/иерархии, а о его внутреннем строении (конфигурации)*: не все элементы выстроены иерархично, многие рядоположены, построены по сетевому принципу.

Социальные дистанции между акторами влияют на формирование политического пространства, а диспозиции акторов вместе с «напряжениями» между ними, определяют конфигурацию *политического поля*. Пример борьбы за социальное и физическое пространство, которые трансформирует социум: этнические чистки, депортации, приводящие к захвату земли и недвижимости.

Следует отметить *нарративность* термина «социальное пространство». Она проявляется в желании «все рассказать заново», т.е. переосмыслить социальную реальность в специфических терминах, преодолев жесткую дихотомию объективного и субъективного. Новая терминология делает акцент на текучести, фрагментарности и изменчивости. Концепт пространства побуждает исследователя ставить следующие вопросы: «где происходит действие?», «как мы воспринимаем, “отражаем” пространство» и «как мы можем его формировать?», «как индивиды и группы осваивают и преобразуют социальное пространство»? В духе социального конструктивизма ставится вопрос *о придании смысла* осваиваемому социальному пространству. К примеру, в монографии 2014 г. «Перформативность, политика и производство социального пространства», вышедшей под редакцией М. Гласса и Р. Роуз-Редвуда утверждается: «Конституирование политического как пространства социального действия является перформативным. ...теория политической перформативности подчеркивает непредсказуемость/случайность политики, лежащей в основе любого притязания на власть» [12, с.7]. Авторы названной монографии исходят из понимания перформативности как «действенности речевых актов» (по Дж. Остину) и роли дискурсивных практик в легитимации власти.

Итак, в социальном пространстве реализуются различные практики по воспроизводству сложившихся отношений на основе устоявшихся в данном социуме ценностей, норм, правил и потоков коммуникации; структурируются новые социальные, экономические, политические и иные практики на основе статусных и мировоззренческих отличий. В различных социальных пространствах складывается свой порядок отношений и иерархий в силу диспозиций, занимаемых ключевыми акторами (диспозиции политических акторов формируют политические поля).

Проблематика социального пространства актуальна для современной политологии. Исследовательская проблема для политологов формулируется так: как социальное пространство становится политическим, как социальные явления политизируются. К примеру, П. Н. Плугатаренко считает, что толчком для изучения категории «политическое пространство» стала «политизация всех сфер жизнедеятельности, качественное изменение управленческих технологий» [13, с. 3].

1.3 Понятие «политическое пространство»

Понятие «*политическое пространство*» все более активно используется в современной политологии. Изначально понятие «политическое пространство» стало концептуализироваться благодаря геополитическим изысканиям (Ф. Ратцель рассматривал государство как «пространственный организм», Дж. Макиндер называл стратегически важным пространством «хартленд»). При этом политическое пространство приравнивалось к физико-географическому.

Постепенный процесс введения термина «политическое пространство» в современный научный оборот шел под влиянием коммуникативного и сетевого подходов, неинституционализма. Лейтмотивом названных направлений исследования является *социальный конструктивизм*, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума. Ограниченность физико-материалистических представлений о политическом пространстве преодолевается. Обозначенную исследовательскую динамику фиксируют многие авторы. Приведем мнение И. Л. Прохоренко: «На сегодняшний день достигнуты несомненные успехи в концептуализации политического пространства: оно все менее жестко привязывается к территории, трактуется почти исключительно как “виртуальное”, хотя иногда и продолжает оставаться синонимом “территории” и “места”, т.е. излишне локализуется, сохраняя дуализм материального и воображаемого» [5, с. 69].

Современные специализированные научные работы по проблемам политического пространства написаны И. В. Котляровым, И. Л. Прохоренко, Г. В. Пушкаревой, А. С. Шустом. Среди авторов, разрабатывающих понятие

«политическое пространство» следует назвать Н. В. Гришина, Ю. Г. Жеглову, Н. В. Лунгову, С. А. Мартиросян, Д. Г. Мюллера, П. Н. Плугатаренко, Ю. В. Родионову, А. А. Эбзеева – в их кандидатских диссертациях политическое пространство стало основополагающим термином. В 2012 г. вышла книга «Политическое пространство: пределы изменений и управление в глобализирующемся мире» под редакцией Г. Фергюсона, Б. Джонса.

Н. В. Гришин указывает, что теория политического пространства является «одним из перспективных достижений постнеклассической науки, чей потенциал пока только реализуется» [14, с. 3, 4]. В настоящее время в политической науке рядом авторов внесен вклад в разработку понятия политическое пространство и выявление его существенных характеристик. Приведем наиболее значимые примеры определений.

Г. В. Пушкарева считает, что политическое пространство является «одним из видов социального пространства, оно фиксирует дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития политических властных отношений, т.е. охватывает не все многообразие социальных различий, а лишь те из них, которые связаны с политикой» [15, с. 167].

П. Н. Плугатаренко определяет политическое пространство как «многоуровневое образование, в котором разворачиваются отношения по поводу завоевания, удержания и использования власти» [13, с. 18].

Н. В. Гришин рассматривает его «специфичный феномен политической сферы, образуемый поддержкой социальными агентами политического агента» [14, с. 5].

Мы отмечаем, что политическое пространство существует как:

- объективное пространство существования/наличия политических акторов;
- intersubъективное и коммуникативное пространство взаимодействия акторов;
- символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

Конфигурация политического пространства конституируется политическими различиями (дистанциями) и диспозициями акторов.

Политическое пространство постоянно воспроизводится и конструируется в социальных практиках. Существенную роль здесь играет идентичность политических элит и отдельных индивидов. Индивидуальная и коллективная идентичность рассматривается рядом авторов как фактор, конституирующий политическое пространство (см. работы И. Л. Прохоренко [5, с. 72], Г. А. Пушкаревой [15, с. 169]). Другой значимый фактор – осознание и воспроизводство социальных дистанций между акторами пространства на основе ряда различий (по обладанию различными видами капитала).

Поскольку в политическом пространстве возникают напряжения между его акторами, то постоянно формируются меняющиеся политические поля. Эта идея, высказанная П. Бурдые, подхвачена множеством современных исследователей. Так, Д. Г. Ротман рассматривает политическое поле как категорию для обозначения «реального пространства, охватывающего территорию определенного государства, в границах которого осуществляется *противостояние идеологических концепций*, предлагаемых населению отдельными политиками, политическими объединениями, группами или альянсами, стремящимися получить правовыми, или в отдельных случаях, неправовыми методами властные полномочия». Внутренняя конфигурация политического поля имеет следующую структуру: «авансцена» – «ядро» – «периферия» [16, с. 4, 5].

Инструментализация понятия «политическое поле» с применением дискурс-анализа позволяет:

- выявить характеристики политического дискурса официальных и неофициальных субъектов политики с точки зрения идеологической конкуренции в социально-проектной деятельности,
- проследить функционирование дискурсивного контроля в структуре массовой культуры,
- раскрыть особенности влияния интеллектуального поля на институционализированное дискурсивное поле политики (как в сфере публичной конкуренции, так в принятии государственных решений).

Применение категорий «социальное пространство» и «политическое пространство» в сфере государственного управления заключается в акцентировании внимания на:

- функционировании политико-административной системы,
- неинституциональных факторах, определяющих динамику политических процессов,
- особенностях формальных и неформальных практик поведения субъектов политики,
- знаково-символическом представлении политики.

Таким образом, на протяжении десятков лет обобщающей категорией политической науки был термин «политическая система», который дополнен понятием «политико-административная система». Следует тщательно заботиться о кристаллизации и сохранении наработанного концептуального ядра теории политических систем, отличая его от поисковой зоны, в которой идет речь как о развитии терминологии, так и объяснительных моделей политики. Концепции социального и политического пространства, политических сетей позволяют исследовать реалии современного информационного общества с характерными для него полицентричными взаимодействиями социальных акторов. Понятие «политическое поле» эффективно для анализа идеологической дискурсивной

конкуренции субъектов политики в социально-проектной деятельности. Отличительной характеристикой категорий социальное и политическое пространство является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов институциональной и символической организации социума.

2 Символическая организация социального пространства

2.1 Политическое осмысление социальности: эволюция политического сознания и мышления

Индивидуальная и массовая рефлексия социальности, проявляющаяся в знаниях, представлениях, убеждениях, менталитете, охватывается понятием «сознание». Осмысление социальной реальности происходит в разных парадигмах или «фокусах восприятия»: экономическом, культурологическом, психологизированном, политическом. Политическое сознание определяют через «восприятие субъектом той части реальности, которая связана ... с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами» [17, с. 128]. Политическое осмысление формирует комплексный подход, способный целостно отразить социальную реальность во всем многообразии ее взаимодействий и противоречий.

Индивидуальное и массовое политическое сознание имеет сложную структуру, согласно Н. А. Баранову: «статичные (ценности) и динамичные (массовые настроения) компоненты: уровень ожиданий людей и оценка ими своих возможностей влиять на политическую систему ...; социально-политические ценности...(свобода, справедливость, демократия, равенство, стабильность, порядок); быстро меняющиеся мнения и настроения, связанные с оценками текущего положения, отношением к правительству, политикам, конкретным политическим акциям» [18, с. 89].

Рефлексия политики в индивидуальном и массовом политическом сознании осуществляется в научной и обыденной формах. Научное политическое сознание в идеале отличается от обыденного. Компоненты и уровни политического сознания представлены в таблице 1:

Таблица 1 – Компоненты и уровни политического сознания

Критерии	Ценности (догосрочны)	Массовые настроения (ситуативны)
Научно-теоретический уровень (научное познание политики)	Логико-теоретическое обоснование идеологий	Метафорический перефраз теоретических положений
Массовый житейский уровень (обыденное политическое сознание и мышление)	Эмоционально окрашенные идеологические предпочтения	Ожидания от власти по поводу решения конкретных проблемных ситуаций

Обыденное политическое сознание как совокупность ценностей, настроений, эмоций, ожиданий, оценок – есть предмет изучения науки. Однако сами ученые не могут не испытывать на себе влияния массовых настроений и не принимать участие в их формировании.

Продуцирование политических *знаний* всегда было специализированной деятельностью. Политические знания, сформированные философами и социальными учеными, в каждую эпоху специфическим образом проецируются на массы. Формирование *убеждений* как твердой уверенности в чем-либо (в том числе в свое правоте) происходит под влиянием социокультурной среды. Убеждения, как и представления, включают эмоционально-психологическую составляющую.¹

Политическое сознание есть результат политического мышления как совокупности собственно умственных процессов, лежащих в основе познания политики. Управление социальным пространством должно основываться на научном политическом мышлении. Его правильное постижение и использование есть залог успешного государственного управления. Предметная направленность и

¹ Наряду с понятиями «общественное сознание», «социокультурная среда», познавательную сферу описывают понятия «менталитет», «идентичность», «габитус». Менталитет, как характерный для определенного народа тип мышления в значительной степени, основывается на процессах идентификации.

Понятие «габитус», введенное П.Бурдьё, отражает представления об индивидуальных и групповых практиках, которые контролируют воспроизводство и функционирование социальных отношений. Понятие «габитус» является более широким по сравнению с понятием «массовое политическое сознание», которое определяет совокупность представлений, оценок и установок о содержании политического поля, а также сопровождающих их эмоциональных компонентов. Габитус является результатом институализации наиболее эффективных в определенных исторических условиях социальных практик и закрепления их в качестве таковых в общественном сознании. Границы отдельных габитусов определяются условиями жизни социальных групп, обладающих различными статусами и капиталами. Габитус является условием устойчивости сложившейся социальной системы. Влияние определенного габитуса распространяется на все поля социального пространства, в рамках которых индивид или группа вступает в интеракции.

Габитус не является продуктом исключительно идеальной сферы, т.к. включает деятельностный аспект социальных отношений. Содержание габитуса всегда ретроспективно, т.к. оно формируется исходя из адаптированных к данным условиям социальных практик, определяя границы вероятного и дозволенного для уже существующей системы координат. Политическое сознание способно формировать идейную перспективу развития политического поля. В разработке примечания принимала участие А.С. Писарчик.

методологическое обеспечение научного политического мышления формируются как результат выбора самого ученого. Этот выбор начинается с правильного понимания науки как формы познания, умения отличить рациональное или иррациональное представление о политике, а также со знания онтологических и эпистемологических основ научного понимания политики.

Научное мышление о сути политики выросло из непосредственного политического опыта, заключенного в убеждениях и обобщениях. Проявлением этого стало становление политического знания как социальной технологии. Уже в ранних «политтехнологических» трактатах древние мыслители искали рецепты мудрой политики для государей на основе анализа действий их предшественников, по примеру иных систем правления. Гарантией успешности рекомендуемых способов управления было использование исторических аналогий.

Протонаука о политическом мышлении развивалась исторически вместе с иными отраслями знаний в лоне философии. Рефлексия о политике существовала под различными названиями: политическая философия, теория государства. Тенденцией развития научного политического мышления был переход от спекулятивного знания к знаниям, тестируемым эмпирически. На пути от идей Платона и Аристотеля до основания собственно научного политического мышления особое место занимает творчество Никколо Макиавелли. Развитию научного политического мышления способствовали также великие политические коллизии Английской Славной революции и Великой Французской революции. В XIX в. на повестке дня политического мышления возник «рабочий вопрос».

Примером политического мышления XIX в. стали труды А. де Токвилля, К. Маркса, М. Вебера. Эти труды содержали разработку правил демократии, преодоления абсолютной монархии, обоснования парламентских республик, критики бюрократизма: всех тех проблем, которые значимы для современных государств. В исследованиях данного периода содержались каноны научного политического мышления:

- понимание политической жизни на обширном фоне иных социальных явлений;
- систематизация исторического фактического материала для выработки теоретических знаний, выявляющих механизмы развития общества;
- нацеленность на прогноз новых политических явлений и процессов, а также открытие новых исследовательских проблем;
- предоставление исследователям шансов на критику устоявшихся позиций.

За границы науки о политике были выведены все исследовательские школы, которые использовали догматические методы познания: всевозможные «историософии». За границами научного мышления остаются также и те утверждения и интерпретации, которые не соответствуют требованиям гуманистики.

Исторически произошли следующие изменения:

– первоначально политическая философия выделилась как самостоятельное интеллектуальное направление, но постепенно произошел переход от выяснения сущности политических явлений к знаниям об иных явлениях мира политики. Объектом анализа была деятельность индивидов, живущих в конкретных исторических условиях;

– эмпирическая и нормативная теории политики разошлись в период «бихевиоральной революции». В профессиональном дискурсе появился постулат об исключении непосредственного вмешательства идеологии в политический анализ. Идеология не должна влиять на отбор факторов, объясняющих, а также оценивающих значительность анализируемых событий. Эта позиция проистекает от исследований представителей шотландского Просвещения во главе с Д. Юмом;

– социотехническая полезность научного политического мышления отражает его практически-прогностическую функцию, главным образом эвристического характера.

В период становления политической науки в конце XIX – первой четверти XX в. доминировал институциональный подход как часть позитивистской парадигмы политики. Политическое мышление рассматривалось как вторичный феномен по отношению к политической реальности (политическим институтам). В постбихевиоральный период развития политической науки сформировался устойчивый интерес и нарабатывается методологическая база для изучения политического мышления (сознания) как самостоятельного предмета.

Плюралистическую панораму современной политической мысли создают институциональный и марксистский подходы, бихевиоральный подход (тяготеющий к эмпиризму), критическая школа, структурный функционализм, а также подходы, относящиеся к герменевтике, феноменологии, психоанализу. Больше значение имеет натуралистическое направление – биополитика. Также существует *парадигма обыденного политического сознания*.

Можно сказать, что «научная сцена поделена на два лагеря» в силу ответа на *онтологический вопрос*: существует ли политическая реальность вне зависимости от нашего знания о ней? Сторонники одного лагеря создают систему знаний, развивающихся в рамках методологической модели эмпирической науки. Другой лагерь образуют направления, которые признают, что политические науки (в т.ч. и политическая философия) являются научными, но не обязательно эмпирическими. Столкновение идет по линии противостояния «умеренного сциентизма» с «понимающей гуманистикой». В эпоху постмодернизма ослабление идеала познания объективной истины усилило влияние сторонников герменевтико-антинатуралистической парадигмы.

Сторонники *эссенциалистской или натуралистической позиции* утверждают, что социальное бытие обладает внутренне присущими сущностными

характеристиками. Данной позиции противостоит *социальный конструктивизм*: для антинатуралистов нет действительности, независимой от знания, которое политические субъекты приписывают своим действиям. Ни один аналитик не может быть объективным, поскольку подвержен влиянию различных политических сил. Имеет место «двойная герменевтика»: сначала мир интерпретируется политическими деятелями, а их интерпретация интерпретируется политическими аналитиками.

В политической науке онтологическая и эпистемологическая проблематика по-разному рассматриваются представителями позитивистской, реалистической и герменевтической (или интерпретационистской) парадигм. В каждом историческом промежутке времени в науке доминирует определенная парадигма, которая влияет на решение научных проблем и их интерпретацию.

Рассмотрим позитивистские, реалистические и интерпретационистские основания политического мышления.

Для становления социальных наук ключевую роль имела эмпирическая традиция, заложенная *позитивистами*. Сторонники позитивистской парадигмы настаивают на сходстве социальных наук с естественными. В онтологическом смысле они являются натуралистами: считают, что существует внешняя реальность по отношению к действующим субъектам. Они стремятся к установлению причин политических явлений, делают упор на применении точных научных методов. В категориях методологии на данную научную традицию в значительной мере повлиял логический позитивизм, который взял за основу простое описание явлений.

Позитивисты являются сторонниками натуралистической онтологии и стремятся установить причинные взаимосвязи между политическими явлениями, развивая объяснительные модели политики. Для позитивистов, как и для реалистов) мир существует независимо от нашего знания о нём. В позитивизме принимается за основу, что не существует дихотомии «видимость – реальность», и что мир политики – это реальность, а не социальная конструкция. Непосредственное наблюдение тестирует теории. Наблюдатель может быть объективным, проводя подобное наблюдение.

Для позитивистов естественные и социальные науки сходны. Мы можем установить повторяющиеся связи между политическими явлениями, подвергая тестированию гипотезы в процессе непосредственного наблюдения. Бихевиоральная революция требовала разработки научных методов социальных наук. Это была реакция на институционализм. Бихевиорализм опирался на натуралистическую онтологию, количественные методы и данные статистики. Например, при исследовании политического участия необходимо измерять избирательную активность, членство в партиях и группах давления, уровень вовлеченности в политику, связывая его с демографическими переменными.

Позитивизм был подвергнут критике: всякое знание, полученное благодаря чувственному опыту, является опосредованным через понятия, которое мы используем ещё до начала анализа. Научные исследования не являются «свободными от теории», как это считается в позитивизме. Теорию и эксперименты нельзя просто отделить друг от друга: теория влияет на сбор фактов и способ их интерпретации. Социальные структуры, в отличие от природных, не существуют независимо от деятельности/социальной практики. Например, брак является социальной структурой, однако он также является определенной социальной практикой.

Английской политолог Д. Сандерс утверждает, что постбихевиоралисты, которых можно назвать «постпозитивистами» признают, что теория и наблюдения взаимосвязаны, а нормативные проблемы не всегда легко отделить от эмпирических. Д. Сандерс утверждал: «Для современных бихевиоралистов окончательным тестом, который позволяет утверждать, что данная теория достоверна, является ее соответствие наблюдениям. Они готовы воспринять тот факт, что различные теоретические позиции приводят к различным результатам наблюдения» [19, с. 145].

Реалисты в отличие от позитивистов считают, что многие взаимосвязи между политическими явлениями невозможно обнаружить путём непосредственного наблюдения. Реалисты используют как качественные, так и количественные методы анализа политических феноменов. С точки зрения реалистов, мир существует независимо от нашего знания о нем. В онтологических категориях реалисты, как и позитивисты, считают, что социальные явления и структуры обусловлены причинно-следственными отношениями и взаимосвязями. Имеет место дихотомия действительность – видимость. Например, классический марксизм утверждал, что существует различие между реальными интересами, которые отражают материальную действительность, и осознанными (воспринятыми) «надуманными» интересами, которыми могут манипулировать различные политические силы. В свете этих взглядов следует различать реальные интересы и интересы, которые являются результатом манипуляции.

Сторонники интерпретационистской традиции критикуют тезисы реалистов о том, что структуры (институты) предшествуют социальным действиям. Современный реализм воспринял интерпретационистскую критику и утверждает, что объективная действительность существует, однако, результаты деятельности формируют способ социального конструирования мира.

Герменевтическая или интерпретационистская парадигма является антинатуралистической. Ее представители считают, что мир является социальной конструкцией, делают упор на понимании, а не на выяснении сущности политических явлений. В свете интерпретационистской традиции не

представляется возможным установление необходимых причинных связей между явлениями.

Исследователи, представляющие интерпретационистскую традицию, стремятся к *пониманию* сущности политического мышления. Они используют качественные методы, а результаты исследований представляют как одну из возможных интерпретаций взаимосвязей между анализируемыми явлениями. Интерпретационистская традиция составляет противовес позитивизму и объединяет исследователей с различными позициями. Основные позиции интерпретационистской парадигмы политического мышления:

– отрицание позиции, что мир существует независимо от нашего знания о нем. Мир социально либо дискурсивно сконструирован. По онтологическому основанию эта позиция является антинатуралистической, она противоположна позитивизму, однако, имеет некоторые общие черты с реализмом.

– социальное не существует независимо от интерпретации и понимания социальных явлений. Интерпретации-значения можно понять только в рамках определенных дискурсов. Следует идентифицировать эти дискурсы и установить способы интерпретации их значения в определенном социальном контексте.

– представители социальных наук сами действуют в рамках дискурсов либо традиций. В результате знание несет с собой определенную теоретическую или дискурсивную упорядоченность.

Вышеизложенные позиции имеют методологическую импликацию. В соответствии с ними не существует объективной истины, мир является социально сконструированным. Количественные методы могут вводить в заблуждение. Необходимо использовать качественные методы, чтобы установить как люди понимают мир. Ученые формулируют генерализации на основе индивидуальных интерпретаций либо повествования (наррации). К примеру, анализируя политическое участие, следует установить, как сами люди понимают под «участием в политике».

В рамках интерпретационистской традиции есть различия между герменевтическим и постмодернистским (либо постструктуралистским) течениями. Герменевтическая традиция является в своей сущности идеалистической. Герменевтика занимается интерпретацией текстов и действий. Это влечет за собой использование этнографических техник (мониторинг участия, «археология текстов», ведение дневников и т.п.) в целях «гибкого описания» политики [20, с. 134].

Большинство постструктуралистов и постмодернистов являются противниками натурализма и модернизационного проекта, связанного с Просвещением. Этот проект подразумевал, что основой человеческого знания является непосредственный опыт и возможность получить объективный образ действительности. Человеческая история виделась просветителям историей

неуклонного прогресса. Результатом труда исследователя является определенное повествование, которое имеет ситуативный характер, связано с определенным временем и местом.

Мы подчеркнем, что опыт приобретает в рамках определенного дискурса. Язык имеет ключевое значение, поскольку институты и действия приобретают значение только посредством языка. Чтобы понять суть деятельности, политологи должны интерпретировать их в рамках определенного дискурса. Социальный дискурс, а не личные убеждения индивидов играют решающую роль в интерпретационистской версии методологии политической науки.

Постмодернистский перелом в социальных науках оказал влияние и на политологию. Изменилась нормативная политическая теория: исторически она имела натуралистический характер, целью была реализация абсолютной идеи добра и справедливости. Постмодернистам удалось обратить внимание на значимость обыденных практик для политического анализа, провести редифиницию устоявшихся понятий, с помощью которых мы описывает социальную действительность.

По нашему мнению, интерпретационистская парадигма вписывается в рамки широкого понимания герменевтики, нежели в рамки постмодернизма. Различные варианты интерпретационистской традиции являются антинатуралистическими и критически настроенными к позитивизму. Начиная с 1970-х годов эти подходы получили распространение в политической науке.

Результаты сравнения позитивистских, реалистических и интерпретационистских оснований политического мышления представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Теоретические основания политического мышления

Основания политического мышления			
Позитивистские	Реалистические	Интерпретационистские	
«Натурализм»: существует внешняя реальность по отношению к действующим субъектам	«Натурализм»: мир существует независимо от нашего знания о нем	«Антинатурализм» и социальный конструктивизм: мир является социальной конструкцией. Мир социально либо дискурсивно сконструирован	
Применение точных научных (количественных) методов, измерение	Используют как качественные, так и количественные методы	Герменевтическое течение	Постмодернистское течение

Для позитивистов и реалистов целью политических наук является формулирование причинных зависимостей. Позитивисты считают, что можно абстрагироваться от нормативных проблем, ориентированы на эмпирические данные, объективность и свободу от ценностных установок. Для реалистов теория играет ключевую роль, способствуя установлению различий между теми политическими явлениями. Исследователи, представляющие интерпретационистскую традицию, стремятся к *пониманию* сущности политического мышления, используют качественные методы, а результаты исследований представляют как одну из возможных интерпретаций взаимосвязей между анализируемыми явлениями.

Доминирующий в современных социальных науках *конструктивистский подход* в противовес позитивизму и реализму опирается на эпистемологическую интерпретационистскую позицию. Настоящее исследование также основано на конструктивистском подходе с использованием методологии дискурс-анализа.

2.2 Дискурс-анализ в исследованиях символического уровня социального пространства

В современной политической науке широко распространен идейно-ориентированный, социально-конструктивистский подход. Предметом анализа в рамках данного подхода являются идеальные факторы: intersubъективные/коллективно разделяемые знания, представленные в форме дискурса. Дискурс является динамической основой формирования культуры как определенного социально-исторического текста. Он создает знаково-символические и смысловые блоки, отражающие контекстное существование социальной реальности во всех её проявлениях – экономическом, социально-гуманитарном, духовном, политическом. Социальность есть реализация людьми текста культуры в практиках. Рефлексия (осмысление) над социальностью, выраженная практикой речи, есть дискурс. Дискурс всегда детерминирован культурой и осуществляется как социальная интеракция. Другими словами, дискурс есть детерминированная ситуацией практика интерпретации ситуации.

М. Йоргенсен и Л. Филлипс предложили конструктивистское понимание *дискурса* как «формы социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [21, с. 24]. Указанные авторы также определяют дискурс как «форму социальной практики, которая и конституирует социальный мир, и конституируется в других социальных практиках» [21, с.110].

Политический дискурс как конкретные речевые практики субъектов власти и политики формирует политическое пространство. В социальном пространстве различают личностный и институциональный дискурсы. Политический дискурс

включает следующие разновидности: дискурс политиков (официальный и альтернативный дискурсы), дискурс экспертного сообщества политологов-аналитиков, житейский/обыденный политический дискурс.

Методом изучения политического дискурса выступает *дискурс-анализ*. Политический дискурс можно изучать на лексическом и тематическом уровнях. Лексические особенности дискурса проявляются в синтаксических структурах языка (строении словосочетаний и предложений, взаимодействии различных частей речи в тексте) и в специальных риторических приемах, а также приемах для усиления выразительности речи (стилистических фигурах). Отличительной характеристикой политического дискурса является смысловая неопределенность и идеологичность. А. С. Меньшиков указывает, что при анализе политических дискурсов возникает ряд проблем: двусмысленность / семантическая двойственность высказываний; лексическая изменчивость, неопределенность и размытость понятий [22, с.89-90].

Дискурс-анализ имеет несколько разновидностей: анализ политических сюжетов, дискурс-рамка, критический дискурс-анализ (см. работы О. В. Поповой). Эффективным методом изучения дискурсивных способов конструирования социального и политического пространства является *критический дискурс-анализ*. Критический дискурс-анализ нацелен на выявление того, каким образом в коммуникативном взаимодействии и речевых практиках закрепляются властные отношения, различные формы социального неравенства и дискриминации. Здесь важна именно «репрессивная составляющая дискурса как формы властного действия». Критический анализ дискурса требует описания как «социальных процессов и структур, которые привели к появлению текста, так и социальных структур и процессов, внутри которых индивидуумы или группы как социально-исторические субъекты создают значения во взаимодействии с текстами» [23].

Поначалу дискурс-анализ являлся слабо формализованным методом, что снижало степень достоверности получаемых выводов. Благодаря работам Н. Фэрклоу в научный оборот вошла достаточно проработанная схема критического дискурс-анализа. Критический дискурс-анализ включает не только изучение власти дискурса как одноразового действия, но и истории и идеологии дискурса. Речь идет о продолжающемся во времени и пространстве *дискурсивном контроле социальности*. При этом дискурсивный контроль отличен от индоктринации в сознание индивидов определенных идей. К примеру, образовательный процесс может быть рассмотрен как определенная разновидность дискурсивного контроля. Однако без закрепления в обществе определенных иерархий и их воспроизводства социум не смог бы существовать. Политологи рассматривают дискурсивный контроль как форму господства. Дискурсивный контроль является формой господства, если «такой контроль проводится в интересах доминирующей группы и если реципиенты не имеют “альтернативы”»,

т.е. других источников (экспертов, писателей); других дискурсов» [24, с. 8]. Идеологические клише являются первичными единицами дискурсивного контроля.

Дискурс как коммуникативная практика может быть направлен на формирование социального согласия (воспроизводство культуры) или несогласия (диалектическое развитие культуры). Такой исторический детерминизм исходит из гегелевской установки, что люди делают свою историю на основе уже существующих обстоятельств, но делают историю именно люди, а не обстоятельства. Ж.-П. Сартр писал, что человек действует в ситуации заданности условий бытия, но социальная сущность человека состоит именно в «преодолении» ситуации. Парадокс в том, что сама общественная ситуация есть «продукт» практики человека. Каждый момент человеческой жизни есть момент воспроизводства социальности и одновременно возможность ее преодоления. Тотальность бытия есть «не застывшее противоречие», а есть «движение» противоречия в социальных практиках. Поэтому, в конечном итоге, у Ж.-П. Сартра речь идет о возможностях человека в рамках социальной тотальности [25, с.107–109, 114].

Установление того или иного политического дискурса в качестве господствующего и невозможность его преодоления посредством критического восприятия реальности отражает репрессивное измерение символического уровня социального пространства. Такая репрессивность находится в сложном взаимодействии с органичной символизацией социального пространства как отражением ценностных интенций в развитии общества. В любом случае символическое измерение социального пространства есть проблематизация социальности, есть усложнение («творение») жизни поверх естественного течения биологического в человеке. «Поле» проблематизации «общей жизни» людей является политика.

2.3 Символизация социального пространства: механизмы постановки на повестку дня политики проблем различной значимости

На протяжении тысячелетий политика является постоянным спутником жизни человека. Уже в традиционных обществах перед обычным человеком политика предстала через сборщиков налогов, в его жизнь политика вмешивалась через постоянные войны. Издревле олицетворением политики во многих странах мира были крупные военачальники, полководцы. Люди постоянно искали лучшей доли в социальном и экономическом пространстве, в тех или иных формальных либо неформальных структурах, желательно престижных и статусных. В то же время для политического лидера политика связана с ответственностью за судьбу сообщества, государства.

Только на рубеже XIX и XX вв. произошли принципиальные изменения в политическом мышлении людей. Появились новые формы политического участия.

Каждый человек потенциально может стать участником политической игры. Достаточно заполнить избирательный бюллетень, чтобы каким-либо образом иметь персональное влияние на формирование политической власти в государстве. Так на политическую арену вышло *массовое политическое сознание*.

Человек уже в эпоху индустриальной цивилизации начал осознавать значимость профессиональных советников. Существенные решения, касающиеся жизни отдельных людей, принимают специалисты-профессионалы: политики, публицисты, ученые, отраслевые специалисты. Профессиональные сообщества формируют собственный дискурс о политике, влияющий на обыденное массовое мышление о политических явлениях.

В XX в. в качестве искусства управления стал использоваться политический маркетинг. В мышлении управляющих и управляемых, в процессе их личного политического участия формируются обыденные представления о политике. Они приобретают формы рецептов деятельности, метафор. В состав обыденного политического мышления начинают входить убеждения, использование которых может привести к успешному достижению поставленных целей в тех или иных социально-экономических условиях. Таким образом, обыденное мышление о политике – это, прежде всего практическое мышление, субъективный регулятор участия в политике.

Можно согласиться с Н. А. Барановым, который отмечает: «На политическое сознание индивида оказывают существенное влияние социальная среда, к которой он принадлежит, его психологические особенности, характер взаимоотношений, складывающийся между различными социальными группами, обществом и государством, а также собственный индивидуальный опыт в политической жизни» [18, с. 87].

Обыденное политическое мышление – это субъективный регулятор участия в политике. Обыденные представления поверхностны, неясно сформулированы, с трудом поддаются верификации. Для них характерны перефразы теоретических тезисов. Например, эквивалентом теоретического знания об отношениях между сознанием и бытием – «бытие определяет сознание» – является перефраз «у голодных хлеб на уме».

Обыденное политическое мышление вырастает из распознавания людьми конкретных *проблемных ситуаций* и реагирования на них. В таком виде обыденные знания становятся совокупной памятью тех реакций, суммой ответов, которые оказались полезными. Проблемные ситуации получают социальное звучание (дискурсивное измерение), будучи актуальными, как минимум для социальных групп, либо распространяясь на несколько социальных групп, получая отражение в групповом и массовом сознании. Фазу разрешения проблемной ситуации предваряет «*постановка проблемы на повестку дня политики*», когда на проблему реагируют властные институты. Определение политической повестки дня

предлагает Т. Н. Митрохина: «это совокупность наиболее значимых политических вопросов, выстроенных в порядке приоритетности, требующих своего решения и вынесенных на публичное обсуждение» [26, с. 4].

Различают несколько типов повестки дня.

Во-первых, публичную/общественную и институциональную повестки разграничивают в зависимости от субъектов формирования. А. А. Казаков следующим образом обосновывает деление повестки дня на общественный и властно-политический секторы: «у них совершенно разные носители (отдельная личность, социальная группа или общество в первом случае и правящая элита – во втором), эти две разновидности «повесток» разнятся между собой по содержанию и субъекту их формирования» [27, с. 71.]. Публичная повестка дня складывается под воздействием слабо структурированных групп интереса (зачастую скрытых) и средств массовой информации (СМИ), а институциональная – под влиянием руководства страны, государственных и негосударственных институтов.

Во-вторых, по степени соответствия реальности политическую повестку А. Казаков делит на «мнимую и реальную, для внешнего и внутреннего пользования», указывая на несовпадение между «официально постулируемой «повесткой» (заявлениями о намерениях, планах и проектах) и реальными действиями (принятием конкретных решений, законов)» [28, с. 72-73]. Заметим, что нацеленность на разрешение проблемных ситуаций «здесь и сейчас» ведет к игнорированию глубинных закономерностей политики. Как отмечает С. В. Гончарова, «воображаемая общественная повестка определяется СМИ полностью» [29, с.322].

В-третьих, по коммуникативному критерию выделяют информационную повестку дня, или повестку, формируемую СМИ («медийную повестку дня»). Концепцию установки пунктов повестки дня политики как функцию СМИ разработали М. Маккомб и Д. Шоу.

М. М. Мейер верно акцентирует, что информационно-политическая повестка дня «не является ценностно- или идеологически-нейтральным понятием, как то подразумевается в работах американских исследователей, ... формирование повестки дня уже предполагает определенный путь, определенное направление решения стоящих на повестке дня проблем» [30].

Мнения о роли СМИ в формировании повестки дня политики противоречивы. Так, А. А. Казаков утверждает, СМИ занимают «подчиненно-обслуживающее по отношению к политической системе положение»: «СМИ отнюдь не формируют общественную «повестку дня», а все чаще используются властью в качестве орудия для внедрения ее собственной «повестки» в массовое сознание читательской аудитории» [27].

Отметим, что степень самостоятельности СМИ в формировании повестки дня политики находится в прямой зависимости от степени конкурентности и

открытости политической системы: чем более закрыта и неконкурентна система, тем более подчиненной и несамостоятельной будет роль СМИ, и наоборот.

Механизмы постановки проблем различной значимости на повестку дня политики вырабатываются политической системой в процессе взаимодействия со своей «окружающей средой» и представляют собой совокупность «каналов» отбора проблемных ситуаций и общественно значимых тем по различным критериям. Примеры таких механизмов: послания главы государства, парламентские дебаты и законодательный процесс, программы социально-экономического развития страны, общественные дебаты и обсуждения социально значимых проблем, официальные заявления высших должностных лиц государства и официальных институтов, программы политических партий, программы и заявления кандидатов на выборах, информационные и общественно-политические публикации и программы СМИ. Эти механизмы служат для консолидации разнообразных вопросов, требований в устойчивые смысловые конструкции. Механизм постановки проблем позволяет консолидировать проблемные ситуации, актуальные для массового сознания, учитывая группы требований на «входе» политической системы по Д. Истону.

В таблице 3 представлена связь требованиями на «входе» политической системы и социально значимыми проблемными ситуациями.

Таблица 3 – Проблемные ситуации, актуальные для постановки на повестку дня политики

Требования на «входе» политической системы	Проблемные ситуации, актуальные для массового сознания
Регулятивные	Национальная безопасность Общественная безопасность Проблемы социального неравенства/социальной стратификации, конструирования социальных полей Проблемы формирования окружающего физического пространства (градостроение, природопользование и т.п.)
Распределительные	Справедливое распределение благ Социальная поддержка населения Взаимодействие в системе «наниматель – работник» Право собственности (дилемма: частное – общественное – государственное)
Коммуникативные	Национальная консолидация Чувство национальной гордости/идентичности Целостность/избирательность восприятия истории Поиск смыслов и интерпретация будущего для развития белорусского общества

Методологическими инструментами исследования повестки дня политики являются контент-анализ и дискурс-анализ. К примеру, значительным эвристическим потенциалом обладает дискурс-анализ посланий глав государств парламенту. Так, Т. Н. Митрохина указывает: «Послания президентов страны являются важнейшей составной частью политического дискурса... Назначение послания как акта политической коммуникации состоит в том, чтобы обозначить официальную позицию по отношению к наиболее актуальным проблемам, предложить свое понимание политической реальности, способы решения проблем. Все это вместе складывается в мировоззрение, философию, идеологию и политику государства» [26, с. 4].

Правильно выстроенная политическая коммуникация между властью и обществом дает необходимый организационный импульс для принятия политических решений с учетом наиболее значимых и актуальных в политическом сознании общества на определенном этапе проблем и ситуаций. Примером этого может служить история республиканских референдумов в современной Беларуси, где они выступили механизмом амортизации критических политических ситуаций и способом выражения консолидированного мнения белорусского общества о приоритетных направлениях политики государства. Запрос на постановку на повестку дня политики проблем символического восприятия государства проявился в вопросах о символике и государственных языках на референдуме 1995 г. Проблемы политического устройства суверенного государства, усиления властной управленческой вертикали, принятия новой редакции Конституции стояли на повестке в 1996 г. Политическое мышление продемонстрировало силу советской ценностной системы в вопросах о государственных символах, переносе Дня независимости, придании русскому языку статуса государственного языка (референдум 1995 г.). Голосование по вопросам, вынесенным на референдум 1996 г., показало высокий уровень поддержки Президента. Результаты голосования продемонстрировали высокую степень организованности массового политического мышления белорусского общества, его единство и преемственность политических позиций. Референдум 2004 г. показал устойчивый запрос на стабильность и усиление властной вертикали. Эти черты продолжают сохраняться и в реакциях на проблемные ситуации, возникающих на современном этапе развития Беларуси.

2.4 Органичная символизация социального пространства: эволюция и тенденции развития массового политического мышления в социальном пространстве Беларуси

Степень устойчивости политических предпочтений и запросов обусловлена не только открытой политической коммуникацией, но и ценностными ориентациями общества. Невозможно анализировать политическое сознание без

учета их ценностных оснований. Ценности можно определить как «образец позитивно оцененной общественной нормы». Представления о ценностях проявляются в коллективных ответах на ряд общественных потребностей. Социальные системы обладают определенной устойчивостью к насильственному внедрению новых систем ценностей. Как отмечают А. Н. Данилов и Д. Г. Ротман: «процесс изменения базовых ценностей не может быть краткосрочным и требует смены как минимум двух поколений» [31, с. 16].

В процессе создания новой системы ценностей должно наступить объединение компонентов знания и компонентов формирования действительности. Ценности связаны как *с исторической памятью, национальной идентичностью, так и с повседневными потребностями человека*. Укрепление государственности оказывает побудительное воздействие на формирование аксиологических полей в политическом и социальном пространстве белорусского общества. Идет процесс выработки и закрепления мировоззренческих основ жизни, формирование идеологических основ политического процесса, идет поиск идей, отвечающих внутренним, глубинным представлениям белорусов о «правильной» справедливой жизни.

В Послании к народу и Национальному собранию в 2014 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Благодаря единству за последние двадцать лет мы создали то, о чем веками мечтали наши предки, – построили первое в истории независимое белорусское государство. Наш курс выработан всем обществом – молодыми и старшими поколениями, рабочими и крестьянами, предпринимателями и интеллигенцией, сторонниками власти и ее критиками. Всеми, кто неравнодушен к Отечеству и кто любит Беларусь. И если мы и дальше сохраним главную ценность – наше единство, то Беларусь сбережет независимость и продолжит свой уверенный путь в будущее. Именно благодаря единству мы выбрали свой путь в экономике – путь здравого смысла и справедливости. Мы не дали растащить собственность, не дали поделить общество на нищих и богачей, защитили и поддержали человека труда» [32].

Устойчивость обозначенных идей, их востребованность и воспроизводимость в качестве мировоззренческих основ можно проследить и в Послании к народу и Национальному собранию от 2015 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, где в частности отмечается, что «Беларусь остается островком мира, спокойствия и порядка... В экономике гарантия нашей независимости, залог мира и фундамент будущего» [33].

В январе 2017 г. на церемонии вручения премий «За духовное возрождение», спецпремий деятелям культуры и искусства и «Белорусский спортивный Олимп» А. Г. Лукашенко заметил, что «до сей поры находятся те, кто пытается представить белорусов людьми без роду и племени». «Появление таких голосов совсем не случайно. Независимая Беларусь, живущая своим умом и трудом, не по душе

многим». Также Президент подчеркнул: «Основа нашего национального характера в человечности, сострадании, доброте, отзывчивости к чужому горю, жажде справедливости. Быть может, именно поэтому на нашей земле традиционно уживаются разные религии и народы» [34].

Очень важной ценностью для белорусского народа является безопасность. Такая установка формировалась на протяжении всей истории развития белорусской государственности. Мощное влияние сильных региональных игроков, постоянные войны и тяжелые бои, которые разворачивались непосредственно на территории Беларуси, оставили глубокий след в сознании белорусов. Первая строчка государственного гимна гласит: «Мы, беларусы, мірныя людзі». Безопасность как ценность предохраняет общество как от втягивания в рискованную политику, так и от резких социальных изменений.

В Послании к народу и Национальному собранию Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в 2016 году подчеркивалось: «От того, насколько эффективно мы сможем отстоять свой суверенитет, не допустить проникновения к нам хаоса и насилия извне, избежать ошибок соседей, зависит будущее Беларуси. Мы просто обязаны сберечь главное достояние – мир, стабильность, межнациональное, межконфессиональное согласие, открытость к сотрудничеству» [35].

Национальная идентичность в Беларуси в постсоветский период формировалась на фундаменте процессов национального возрождения и переосмысления этнокультурных особенностей в направлении осознания гражданской идентичности, что было связано с процессами государственного строительства. В последние годы вновь возрастает интерес к духовным традициям прошлого, прослеживается тенденция обращения к культурным компонентам национальной идентичности. В самосознании современного белорусского народа наметились тенденции усиления этнокультурных компонентов идентичности: укрепление символического пространства, определяющего белорусскую идентичность, мода на национальную символику, белорусские орнаменты как национальный символ.

Выделим этапы эволюции политического мышления в Беларуси.

1) Конец 1980-х – 1991 гг. в республиках бывшего СССР шли процессы демократизация политической жизни, а национальное возрождение сопровождалось «парадом суверенитетов». В Декларации «О государственном суверенитете Белорусской ССР», принятой 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР, было провозглашено верховенство законов БССР на ее территории. Наряду с политической демократизацией менялись экономические отношения: шло развитие кооперации и предпринимательства. На государственных предприятиях на смену механизму назначения руководящих кадров пришла выборность

руководящих кадров. Это ставило под угрозу ключевую функцию КПСС по подбору и расстановке кадров.

В 1990 г. на февральском пленуме ЦК КПСС было объявлено об отказе от политической монополии Компартии. Это разрушило систему идеологической работы, стало еще одним ударом по советской системе ценностей. Властные полномочия союзного центра ослабевали под давлением крепнувших национальных элит. Национальные элиты республик активно боролись за изменение политического пространства. Идеи эволюционного преобразования СССР теряли под собой почву. Первый этап в изменении политического пространства всех республик СССР завершился событиями 19 августа 1991 г. Поражение сил, стремившихся сохранить прежнюю социально-экономическую систему, стимулировало серьезные сдвиги в политическом мышлении. Однако, по прошествии более двух десятков лет, очевидно, что система ценностей, сформированная в СССР, не была разрушена полностью. Носителями остались не только люди старшего поколения, но практически все социальные слои, чья социализация пришлась на период существования СССР (тех, кто закончил школу, суззы и вузы в период СССР).

В Беларуси начало суверенной истории не сопровождалось вооруженным противостоянием политических группировок. Хотя критическое отношение к КПСС нарастало, большинство белорусов активно не выступало за разрушение общественного строя. Внеочередная сессия Верховного Совета БССР 25 августа 1991 г. приняла Закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР». Процесс распада СССР завершился денонсацией договора 1922 г. об образовании СССР и подписанием договора о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) 8 декабря 1991 г.

2) 1992 – 1994 гг. – определяющий этап в формировании политической системы и политического пространства Беларуси, период не только борьбы за власть, но и за выбор формы государственного правления. После принятия Декларации о государственном суверенитете в Беларуси существовала парламентская форма правления. Однако полномочия Верховного Совета Беларуси и Правительства не были четко разведены. Постепенно реальная власть стала концентрироваться в исполнительных органах во главе с Советом Министров. Персональный стиль лидерства, готовность взять на себя ответственность за решение вопросов повседневной жизни граждан стали в данном процессе очень важными. К 1992 г. в общественном мнении Беларуси наметилась тенденция позитивного восприятия президентской формы правления. Новая Конституция Республики Беларусь, принятая Верховным Советом 15 марта 1994 г., закрепила институт президентства.

3) Третий этап изменения политического мышления – вторая половина 1994 г. – ноябрь 1996 г. В этот период были приняты законы о Президенте, Верховном Совете, Кабинете Министров. Шла борьба законодательной и исполнительной (во главе с Президентом) ветвей власти. Показательными в динамике политического мышления данного периода стали два республиканских референдума 1995 и 1996 гг. С содержательной точки зрения можно отметить, что политическое мышление продемонстрировало силу советской ценностной системы: вопросы о принятии символики, переносе Дня независимости, придании русскому языку статуса государственного языка (референдум 1995 г.). Голосование по вопросам, вынесенным на референдум, показало высокий уровень поддержки Президента (референдум 1996 г.).

4) Четвертый этап развития политического мышления – конец 1996 г. по настоящее время – в социальном пространстве одновременно открываются «окна возможностей», что создает высокую вероятность принятия рациональных политических решений в соответствующих сферах государственного управления. В политическом сознании в Беларуси выделяются позиции, характеризующие уровень доверия населения к акторам политической системы: высокий уровень поддержки Президента гражданами. Властные структуры различных ветвей и уровней управления не получают столь высокого уровня поддержки. Оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу.

К современным тенденциям развития массового политического сознания в Беларуси с нашей точки зрения можно отнести:

- высокий уровень поддержки Главы государства означает поддержку политического курса развития страны;

- высокий уровень поддержки государственного регулирования экономики и социальных процессов;

- высокие ожидания по отношению к действующей государственной власти в сфере социальной поддержки и социальных гарантий;

- скептическое отношение либо настороженность по отношению к оппозиционным политическим силам, неверие в их способность решать практические проблемы жизни государства и рядовых граждан (оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу);

- идеологическую мозаичность массового сознания: переплетение элементов коммунистической, консервативной, социалистической и либеральной идеологий, доминирование ценностей социального равенства по отношению к свободе;

- многообразии толкования политических идей, когда может достигаться согласие на принятие определенных идей, однако их трактовка различается;

– стремление к усилению элементов национально-культурной идентичности при доминировании процессов формирования гражданской идентичности, идущих под влиянием государственных институтов;

– традиционализм с опорой на выработанный опыт реагирования и интерпретации политических событий внутри страны и за рубежом, следование проверенным нормам и правилам поведения и взаимодействия в социальном и политическом пространстве;

– консолидированность общественного мнения при решении критических политических вопросов, сплочение перед ситуациями, представляющими угрозу стабильности и безопасности общества.

Общественно-политические предпочтения относительно ценностей формируются как через осознание эталонных индивидуальных достоинств членов общества, так и под влиянием предпочтений определенных социальных групп. Ценности изменяются, когда определенные социальные группы, вопреки сложившимся нормам, создают новые нормы поведения. Бывают ситуации, когда новые образцы ценностей внедряются при помощи насильственных изменений политических отношений. В таком случае мы имеем дело с попыткой укоренения новой системы ценностей с помощью как внутривнутриполитического, так и/или внешнеполитического давления. Подобное развитие ситуации характерно для революционных и постреволюционных состояний общества, когда происходит идеологическая и социальная реструктуризация, внедряется новый ценностно-символический политический язык. Для осмысления событий вырабатываются новые понятия и смыслы, изменяющие принятые ранее оценки и способы действия. Примером может служить внедрение комплекса ценностей рыночной экономики в сознание постсоветских обществ в целом и определенных групп в частности, нацеленных на завоевание особого элитарного социального статуса, на звание «новой буржуазии». Также внедрение новой системы или искажение устоявшейся системы ценностей возможно в условиях ведения «информационных операций», осуществляемых государствами, СМИ, негосударственными структурами с помощью современных информационных и коммуникационных технологий [36, с. 15-17].

2.5 Репрессивная символизация социального пространства: роль массовой культуры в политике

Политическое поле разворачивается на разных уровнях – от локального до глобального. При всей специфике протекания политического в рамках национальных государств есть общие факторы, которые оказывают воздействие на политику. К таким «вызовам» относится перманентное распространение массовой

культуры, которая влияет на социальное пространство современности и подчиняет (репрессивует) органичную направленность развития социума.

Общепризнанного определения массовой культуры не существует. Сложившаяся ситуация имеет свое объяснение: понятие «массовая культура» включает в себя несколько значений. Во-первых, «культуру» как особый продукт или духовную ценность. Во-вторых, «массовость» как степень распространения продукта или социокультурный феномен. Отсюда и определения массовой культуры, с одной стороны, как культуры повседневной жизни, доступно предоставляемой аудитории средствами массовой коммуникации; с другой стороны, как особого состояния культуры в кризисный период общества, когда развивается процесс распада ее содержательных уровней [37, с. 4; 38, с. 103]. Эти определения отражают два наиболее распространенных подхода к пониманию сущности массовой культуры.

Массовая культура есть объективное историческое явление. Ее генезис связан с появлением «народной» культуры рабочих в противоположность элитарной культуре аристократии в эпоху становления крупного промышленного производства. На становление массовой культуры повлияли расширение международной торговли, развитие книгопечатания, кинематографа, СМИ, маркетинга, рекламы, всеобщего образования, а также ослабление государственной и церковной цензуры. Исследователи не сходятся на конкретной дате возникновения феномена массовой культуры. Различные явления культурной жизни, которые мы сейчас именуем прототипами массовой культуры, действительно имели место в разные времена. Однако структурностью и тенденцией на постоянное воспроизводство массовая культура начинает характеризоваться именно в постиндустриальном обществе.

Согласно американскому социологу Д. Беллу массовая культура – это своего рода организация обыденного сознания в информационном обществе, особая знаковая система или особый язык, на котором члены информационного общества достигают взаимопонимания [39, с. 647]. Массовая культура является предпосылкой быстрого налаживания взаимопонимания как между отдельными личностями, так и между нациями и этносами. Это возможно в силу общности потребностей и ценностей, общности «культурного кода» современного человека на глобальном уровне. В этом позитивное значение массовой культуры. Канадский философ М. Маклюэн утверждал, что современный мир «сжался до размеров деревни». Из-за усовершенствования технологий обмена информацией у людей появилась возможность все основательнее вторгаться в жизнь друг друга, рассуждать обо всем увиденном и услышанном [40, с. 6].

Современный белорус является частью этой глобальной деревни. Он хорошо «вооружен» современными гаджетами, имеет свободный доступ к транслируемой информации, его социальные запросы соответствуют «мейнстриму» социальных

ожиданий «глобального человека». В восприятии «другого» конфессиональное и этническое становится атрибутивным, когда на первый план выходит общее «переживание» потребностей. Массовая культура делает белоруса космополитичным и реагирующим на проблемы «других». Отныне «любой другой» есть «потенциальный я». Тем самым массовая культура становится основой глобальной солидарности и модусом развития человечества.

Однако феномен массовой культуры имеет и другую сторону. Массовая культура в планетарном масштабе в своей содержательной части представляет феномен распространения массовой культуры именно стран Запада. Эта культура, в основе своей гуманистическая и демократическая, несет определенные образцы должного поведения. Однако она воспроизводится как составная и неотъемлемая часть глобального капиталистического порядка, что деформирует ее возможное благое предназначение.

Массовая культура прививает нормы, необходимые человеку для успешного функционирования в обществе. В этом можно видеть ее социализирующую роль. Однако, будучи частью капиталистического порядка, массовая культура может транслировать только образцы поведения для развития капитализма. «Идеальный человек» для капиталистического порядка не гуманист и демократ, а *лояльный потребитель*. Массовая культура – это культура потребления, ее цель поддерживать необходимый уровень потребления посредством воспроизводства в массовом сознании ощущения недостаточности и нехватки различных благ. При этом потребление имеет значение для капитализма не только как способ накопления капитала через непрекращающуюся реализацию продукта, но и как способ получения капитала через сопутствующую возможность непрекращающейся эксплуатации труда. Дело в том, что для того чтобы быть потребителем необходимо иметь средства для потребления. Культура потребления навязывает человеку не только «обязательную» для современности роль покупателя, но и «обязательную» роль продавца своего труда, что и обеспечивает воспроизводство капиталистического порядка.

Потреблять можно не только вещи, но и модели поведения – имиджи. Гуманистические и демократические идеалы массовой культуры суть товары широкого потребления. Они часть капиталистической индустрии (индустрия массовой информации и коммуникации, индустрия туризма, отдыха и досуга, индустрия здорового образа жизни и охраны окружающей среды, индустрия благотворительности). Это не значит, что от этих идеалов надо отказаться. Надо лишь понимать, что гуманистические и демократические интенции современного человека находятся в фокусе внимания капиталистической индустрии и подвергаются вписыванию в модели «стимул – реакция», «спрос – предложение», «продажа – покупка». Глобальное пространство, в которое погружен современный человек и на которое он так активно реагирует, есть продукт интеллектуальной

деятельности профессионалов: журналистов, рекламных агентов, сценаристов, режиссеров, дизайнеров, ученых. Мир таков, каким его «показали». Массовая культура обращена к простым эмоциям «среднего» человека (страх, зависть, ненависть, самодовольство). Активная реакция современного человека на мир оборачивается лишь одной из сторон потребления, становится «покупкой» занимательности, развлекательности, чувств и эмоций. Мир для современного человека становится ближе, но не как реальность бытия, а как спектакль окружения. При этом чувство общности и сопереживания с миром не уменьшается, а наоборот усиливается через массовое потребление информации о нем.

Массовая культура западного общества приходит в Беларусь как способ включения белорусов в глобальную систему потребления, а, следовательно, в глобальный капиталистический порядок. Это экономическая цель в рамках функционирования глобального капиталистического порядка и расширения рынков сбыта. Потребление – это объективное явление. Человечество потребляло всегда. Сегодняшняя мировая ситуация отличается же тем, что потребление, как отмечал Ж. Бодрийяр, не является результатом свободного выбора, а формируется внешним принуждением. Поэтому, исследуя проблемы потребления, не стоит фокусироваться только на этической проблеме в рамках «процесса наслаждения». Проблема потребления должна рассматриваться «в политическом плане», и «отправным пунктом» анализа должно стать исследование потребления «стратегически» как механизма власти [41, с. 101–102].

Экономическая функция (задача) массовой культуры должна привести в итоге к реализации интереса транснационального капитала как основного получателя доходов от современного глобального потребления. Отдельному человеку сложно противостоять натиску транснациональных корпораций, государство же способно включить механизмы защиты, начиная от массового просвещения и заканчивая экономическими барьерами. Однако действовать государство должно в интересах граждан и на основе легитимности, подрыв которой является одной из функций массовой культуры.

Белорус как глобальный гражданин-потребитель становится и глобальным работником. Цель транснационального капитала не только продать товар, но и купить труд белоруса за те деньги, которые он потом потратит на покупку этого товара. Это и означает переход от «работы ради жизни» к «жизни ради работы» и полное торжество капитализма не только для отдельного человека, но и для целых государств.

Работать и потреблять одинаково в рамках глобального капитализма не получится. Об этом писали еще во второй половине XX в. представители неомарксистской «теории зависимого развития» (С. Амин, Р. Пребиш, Т. дус Сантус, А. Г. Франк). «Зависимость» определяется неомарксистами как положение государства, при котором состояние его экономики определяется «развитием и

расширением» экономики другого государства [42]. Т. дус Сантус писал, что отсталость тех или иных государств должна быть понята не как их недостаточная интеграция в международный порядок, а, наоборот, как результат этой интеграции и принятия «рекомендованных» странами-гегемонами путей развития [42]. В фокус внимания должны быть поставлены не конкретные проблемы модернизации развивающихся стран, а модернизация как политика «центро-периферийного» структурирования глобального порядка. Имеет место структурная необходимость капиталистического порядка в определенном виде интеграции развивающихся стран в глобальный капитализм. Сделать это «колониальными» способами в постколониальном мире невозможно, поэтому и пришлось использовать механизмы так называемой «мягкой силы» или более точно «культурной экспансии». Это и дало возможность реализовать господство не как репрессивное, а как этическое и символическое.

Массовая культура открывает огромные возможности для воздействия на обыденное сознание и формирование определенных ценностных ориентаций в экономике и моделях поведения в политике. Массовая культура осуществляет «духовное оформление экономического и политического господства определенных классов» [43, с. 113]. Власть репрессивная становится «властью символической» (французский социолог П. Бурдьё [44]), не изменяя содержание, а изменяя способ собственной реализации. Англо-американский исследователь Д. Харви утверждал, что, «когда важные политические и экономические вопросы превращаются в проблемы культуры, они становятся неразрешимыми» [45]. В результате создается «комфортная репрессивность», которая не вызывает политического протеста, а формирует лишь недовольство на уровне «брожения», которое связано с недостаточным уровнем потребительского комфорта.

Роль массовой культуры в политике разных стран различна и зависит и от стартовых позиций обществ, и от глубины включения в глобальные процессы. Реализация господства транснационального капитала в Республике Беларусь посредством массовой культуры обладает своими особенностями. В Беларуси этот процесс еще не завершен, а, следовательно, возможен его поворот вспять.

Для реализации господства транснационального капитала в Республике Беларусь необходимо решение нескольких задач. Первая задача – вовлечение в культуру массового потребления («масс-маркет»). Потребление – естественное и органичное явление нашей жизни. Поэтому никакого специального механизма для прививания нам ценности потребления не было. Вторая – принуждение белорусов к массовой культуре потребления как «модусу бытия» (по терминологии Э. Фромма [46]). «Принуждение к потреблению» и его активная явная и неявная пропаганда началась после распада СССР. С нашей точки зрения, шок от развала государства, фрустрация, потеря идеологических ориентиров – послужили благодатной почвой для быстрого замещения этого «ценностного вакуума» о

правильном стиле (смысле) жизни по западному потребительскому образцу. Белорус стал «массовым потребителем», идентифицировался в этом с европейцем/американцем. И чем больше повышалось благосостояние белоруса, тем больше ему демонстрировали «правильные» предметы вожделения, тем более ему хотелось «иметь» то, что имеют «они». При этом предмет вожделения имел конкретное имя: марка машины и телефона, бренд одежды, изготовитель мебели и продуктов питания, присутствие в определенных социальных сетях и т.д. Э. Фромм, описывая подобную ситуацию на Западе в середине XX века, отмечал: «На самом деле людям кажется, что это они принимают решения, что это они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил или внешних условий и «хотят» именно того, что им приходится делать» [47, с. 23].

Главную роль во включении белорусов в потребление как образ жизни сыграли (и играют) СМИ. Массовая культура «приходит» через информационный поток. Массовая манипуляция потребностями становится возможной благодаря тому, что в современных условиях для создания толпы (некритической массы населения) не нужен физический контакт между ее элементами. Толпа образуется тогда, когда индивиды изолированы и соединены через экран. Формируется виртуальная толпа, у которой из процесса получения информации исключается альтернатива и диалог, создающий важнейшую защиту против манипуляции сознанием [48, с. 363]. Непрекращающийся поток «информационного шума» не дает достаточных промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и самостоятельно переработать информацию. Сталкиваясь с информационными перегрузками, современный белорус не имеет другой альтернативы, кроме как восприятие по образцам. В условиях современной информационно-коммуникационной революции и гипертрофированного информационного насыщения социальной реальности семья и школа начинают уступать свою роль в политической социализации личности и определении авторитетов. Главенствующее значение приобретают «эксперты СМИ», в роли которых выступают не только журналисты, политики, ученые, но и представители шоу-бизнеса. А. А. Зиновьев отмечал, что в ходе «холодной войны» была выработана стратегия «западнизации» для установления нового мирового порядка. Идеологически этот процесс преподносился как освободительная миссия цивилизованного Запада по отношению к развивающимся странам [49, с. 410]. Частным аспектом «западнизации» является американская культурная экспансия и феномен Голливуда как мирового идеологического центра.

Третья задача транснационального капитала – активное участие белорусов в глобальном потреблении продукции транснационального капитала и его производстве. Здесь проявилась особенность белорусской ситуации. О белорусах, включенных в глобальное потребление как культуру, нельзя сказать, как о

включенных в глобальное потребление как экономику. И главное здесь не только отсутствие повсеместного производства транснациональных корпораций, но и возможность белорусской экономики удовлетворить белорусскую культуру потребления национальным продуктом. Парадокс в том, что укоренение ценности потребления оборачивается для Беларуси фактором экономического роста. Формула «обдумываем глобальное – потребляем национальное» означает и развитость экономики, и ее безопасность, и силу, и правильность экономического курса белорусского государства. Подобная ситуация – успех и угроза для Беларуси. Можно согласиться с украинским исследователем А. Блюминовым, что «иностранные инвестиции – это путевка в третий мир» [50]. Нынешняя экономическая политика Республики Беларусь – это стратегия избегания неолиберального рецепта «ловушки бедности» без культурной изоляции страны. Подобная политика – роскошь для современных государств, что и определяет попадание Беларуси под «прицел» неоимпериалистической экспансии.

Первоначальным результатом принятия универсальных неолиберальных рекомендаций становится разрушение экономики как материальной базы национальной независимости. В последующем «финансовые центры берутся за восстановление государств и реорганизуют их согласно новой логике мирового рынка» [51]. В ряде стран имел место феномен «шоковой терапии» [52]. Полученное в результате неолиберальной модернизации государство «стремится к самосокощению до “необходимого минимума”», до репрессивного аппарата, «обыкновенного аппарата безопасности» капитала [51]. Однако это возможно только тогда, когда государством утрачена легитимная возможность от имени населения защищать национальный интерес. Здесь и реализуется политическая функция массовой культуры.

Массовая культура транслирует модели поведения как субъективности (идентичности), где главная модель – это модель не критического восприятия сложившегося порядка как универсальности. Потребление становится универсальной моделью поведения, а капиталистический порядок – объективной и неоспариваемой реальностью. Г. Маркузе констатировал, что это вызывает у людей «чувство вины», в силу того, что любое сопротивление оборачивается сопротивлением «против разумного порядка» [53, с. 100–101]. Результат – «одномерный человек» (термин Г. Маркузе). Этот человек функционально приспособлен к потребностям экономики общества потребления. Однако неразвитость критического разума приводит к тому, что «одномерный человек» теряет способность поместить события в систему политических координат. Консолидируя человечество вокруг ценности потребления, массовая культура формирует не только «глобального покупателя», но и «глобального гражданина», который отныне активно противится воле государственного суверена, стремящегося защитить его от капиталистического порабощения. Г. Маркузе

писал: «Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозицию лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации. Такое государство вправе требовать принятия своих принципов и институтов и стремится свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений в политике в пределах status quo» [54, с. 2].

Экономической системе в глобальном масштабе необходима легитимация и свобода от легального вмешательства отдельных государств. Если обратиться к аргументации немецкого философа Ю. Хабермаса, то можно сказать, что «лояльность масс» на это обеспечивается через рационализацию «жизненного мира» посредством «социально-структурных фильтров доступа к формированию общественного мнения» или через деформацию структур «общественной коммуникации» при помощи манипулирования «потоками информации» [55, с. 123, 127]. Белорусский ученый В. Н. Фурс, исследуя творчество Ю. Хабермаса, писал, что легитимация порядка предполагает «эксплуатацию смысловых ресурсов жизненного мира» [56, с. 136]. Другими словами, речь идет о функционировании дискурсивного контроля в структурах массовой культуры.

2.6 Дискурсивный контроль: неолиберальный вызов Республике Беларусь

Универсалистский дискурс массовой культуры позволяет транснациональному капиталу получить массовое согласие «на моральное право господствовать» [57, с. 47]. Идеология универсализма обосновывает всю систему капиталистических отношений как воплощение здравого смысла [58, с. 144] и, таким образом, является фактором ее легитимации.

Американский социолог И. Валлерстайн утверждал, что «универсализм» разрабатывался европейскими лидерами и интеллектуалами «ради защиты интересов господствующей страты современной мир-системы». Существуют три момента идеологического обоснования «универсализма». Во-первых, защита прав, свобод человека и оказание содействия в развитии демократии. Во-вторых, представление ценностей западной цивилизации в качестве универсальных. Этот универсализм поддерживался реальными достижениями западной цивилизации, ее экономическими и социальными успехами. В-третьих, представление о безальтернативности путей развития государств периферии и полупериферии, для которых единственный путь – принять «рыночные истины и действовать согласно законам неолиберальной экономики» [57, с. 4]. В идеале навязанный неолиберальный общественный дискурс должен привести к публичной критике властей за недостаточное включение страны в мировой капиталистический порядок.

Самый простой способ «наводнить» белорусское пространство дискурса неолиберальными идеологемами (первичными единицами дискурсивного контроля) – это «переделать язык» и заполнить сознание словами с неопределенными смыслами. К примеру, понятиями, по-разному трактуемыми в политическом дискурсе, являются «свобода», «демократия», «гражданское общество», «права человека», «гражданская активность», «требования времени», «структурная перестройка экономики». Эффективным средством преодоления критического восприятия информации является сила повторения. То, что в результате частого повторения запоминается, действует на сознание независимо от оценки.

Также в дискурсивных технологиях имеет место прием нагнетания ощущения срочности [48, с. 200]. Массовая культура потребления – это культура быстрого неразборчивого потребления. Она навязывает страх «не успеть» прожить жизнь и остаться в неудачниках. Эти настроения транслируются и на политическое пространство, где быстрые неразборчивые реформы сродни товарам. Повторяющийся дискурс «кризиса», «борьбы за инвестиции» и «места в мировой торговле» приводят к спешности, непродуманности реформ. Поэтому умение в подобной ситуации остаться преданным выбранному продуманному ранее курсу есть свидетельство политической зрелости государственной элиты.

Массовая культура, воспроизводящаяся посредством массовой коммуникации, становится не просто механизмом воспроизводства современной политики, но и ее определенным маркером. В политику все шире проникают такие черты массовой культуры, как ориентация на «демонстрационный эффект». И чем более ярко и эмоционально преподнесена та или иная идеологема, тем больше вероятность ее широкого восприятия. В структурах массовой культуры нет места рассудительности и осторожности, т.к. все разворачивается в рамках информационного потока политических шаблонов и клише. Политический язык обладает своими особенностями. Он содержит много слов-символов и служит системой, позволяющей отличить «своих» от «чужих». Главная цель неолиберального дискурсивного контроля – сделать адептов «особого пути Беларуси» чужими для основной массы населения.

Еще в 1970-е годы французский философ Р. Гароди писал, что «политической проблемой» столетия, становится возможность сосредоточить в своих руках «ужасную власть», обладая такими ресурсами, как информация и возможность организации [59, с.17]. Роль и функции, выполняемые СМИ, определяются не столько границами их реальной власти и влияния, но прежде всего тем, кто имеет к ним преимущественный доступ. Поэтому проблема собственности и контроля над ними становится ключевой в Республике Беларусь. Проблема в том, что конечным результатом симбиоза власти и средств массовой

информации становится значительное возрастание самомнения журналистов, уверовавших в свою способность определять характер политической жизни.

Критический дискурс-анализ «рассматривает язык и общество не как отдельные, но как диалектически взаимосвязанные сущности» [23]. Роль массовой культуры в политике демонстрирует, что современная политическая борьба все более уходит в семиотическое пространство. Необходимо учесть этот новый аспект государственного управления социальным пространством и выходить на формирование собственной независимой и эффективной символической политики.

Таким образом, массовая культура стала важнейшим фактором развития современного общества. Однозначной оценки массовой культуры в современных исследованиях нет, хотя в большинстве из них обращается внимание на ее негативные воздействия, в частности, на стандартизацию, унификацию, примитивизацию, коммерциализацию духовного производства. Воздействуя на все сферы общественной жизни, массовая культура активно влияет и на современный белорусский политический процесс, и политическую социализацию белоруса. Эвристический потенциал критического дискурс-анализа дает возможность выявить технологии дискурсивного контроля в структурах массовой культуры. В политическом процессе складывается «культура политического развлечения», которая через СМИ (в первую очередь, через интернет) дает упрощенное понимание, интерпретацию и осмысление политической реальности. Подобное упрощение восприятия политики открывает широкие возможности для внешнего дискурсивного контроля, манипулирования общественным мнением в Республике Беларусь и искусственного конструирования ответных политических реакций в интересах транснационального капитала как главного получателя благ от глобального потребления.

Вместе с тем не следует однозначно оценивать роль массовой культуры в политике. При рациональном конструировании массовой культуры в ее продуктах могут быть заданы ценностные образцы политического, может проводиться идейная трансформация продуктов массовой культуры через ее наполнение новыми культурными кодами. Массовая культура как форма глобальной коммуникации, может иметь позитивное значение для диалога культур и стабилизации международных отношений. Массовая культура как технология эффективна для трансляции заданных создателями норм политического участия и ценностей политического поведения. Решающую роль в такой трансформации массовой культуры может сыграть привлечение критического потенциала в общественный и политический дискурс. Здесь речь идет о направляемой символической политике.

Символическая политика – это сфера глобальной и национальной конкуренции за интерпретацию социальности [60]. Идеино-символическая составляющая политических процессов становится в современном мире главным

«маркером» политического противостояния и господства. Умение и способность конституировать и отстаивать самостоятельное видение социальности, наполнить ее полезным для национального развития дискурсом и выстроить собственный идеологический стержень есть показатель эффективной символической политики. От ее реализации во многом зависит белорусский «государственный иммунитет» к глобальным вызовам современности.

2.7 От мышления к действию: мотивационные факторы ценностного ориентирования в социальном пространстве

Рефлексия над социальным складывается не только из представлений о реальности и формирует аксиологические поля в социальном пространстве, но и создает убеждения и побудительную мотивацию к действиям. Мышление выступает социально-субъективным регулятором деятельности.

Мотивационную структуру деятельности создают, во-первых, знания субъекта о ситуации деятельности, в которой он реализует свои цели (например, о возможных альтернативных действиях); во-вторых, система ценностей и норм; в-третьих, диспозиционные особенности личности и эмоции (психологические факторы). Мотивационные структуры политических действий складываются, прежде всего, из знаний, убеждений, систем ценностей, обеспечивающих политико-идеологическую ориентацию/ направленность действия. В их числе особенно можно выделить идеологии и политические программы; политические позиции (установки) по отношению к политическим институтам и лидерам; особенности восприятия государственной власти (т.н. уровень легитимации); ментальные структуры, такие, как политические мифы, национальные стереотипы. Ценностные и нормативные структуры обыденного политического мышления неотделимы от мотивационной составляющей политической деятельности. Значимую нормативную роль играет также система права.

Среди факторов, формирующих мотивационные политические действия, следует выделить национальные интересы и групповые интересы (особенно связанные с групповым характером политической деятельности). В последнем случае речь идёт главным образом об интересах политических организаций, а также о личных интересах актива этих организаций. В этой связи можно выдвинуть следующий тезис. Личные интересы связывают актив организации с политикой организации тем сильнее, чем большую твёрдость демонстрирует организация. Поддержка такой организации рядовыми членами снижается при снижении фактической ответственности лиц, занимающих доминирующие социальные роли в организациях [61].

В структуре политического действия особое место занимает технологический аспект: средства и методы политических действий. Этот аспект

политической жизни включает: стиль управления и политического лидерства; доминирующие средства и способы формирования и реализации политической программы. Динамика и причинно-следственных зависимостей выглядит следующим образом: условия действий → знания об этих условиях (вместе с оценкой) → принятие решения совершить действие → действие → изменение условий действий. Например, распад СССР в конце XX века был эффектом как экономической, военной, политической слабости центральной власти государства во главе с КПСС, так и действий со стороны внешних акторов.

Изменения политической действительности происходят в разном ритме (ритмы политических и экономических изменений). В одном ритме изменяются правящие политические классы. Это есть время политического правления, совпадающего со временем действия определённой экономической структуры общества. В другом ритме происходят преобразования в экономических группах и различных социальных слоях. Это время политического влияния, связанное с нарастанием исторического сознания социальных групп, их организации, изменениями ментальности. Эти перемены также происходят в разноплановом ритме в соответствии с корреляциями исторического и идеологического плана, за которыми следуют изменения поведения и политического настроения.

В процессе создания новой системы ценностей должно наступить объединение *компонентов знания и компонентов формирования действительности*. Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой, каковой является зависимость между знанием и практикой – с одной стороны, и способом формирования поведения в определенной ситуации – с другой: знание должно проявляться в действии, эмоциональные реакции снижают уровень рациональности и затрудняют политический анализ. Особенно актуальным это становится в вопросах социального проектирования, имеющего непосредственное влияние на судьбы широкого круга людей.

3 Инструментарий государственного управления социальным пространством

3.1 Политическое проектирование социального пространства: сущность и субъекты (концептуальный анализ)

Проектирование социального пространства есть неотъемлемая составляющая устойчивого развития общества. Причиной социального проектирования является необходимость публичного решения возникающих перед обществом социально значимых проблем. *Проблема* – это сложный вопрос, противоречивая ситуация. Проблема может иметь личный или массовый (общественный) характер. Как мы отмечали, политика является пространством постановки и разрешения массовых проблем. Где возникает массовость, там возникает публичность, где публичность –

там политичность. При этом любая общественная проблема есть совокупная проблема отдельных личностей. Путь превращения личных проблем в одну общественную (интерсубъективную), ее активное выражение, отстаивание в публичном дискурсе и борьба за средства разрешения этой общественной проблемы есть политика.

Однако всякая ли общезначимая проблема становится частью политического пространства и решается в его рамках? Критерий «общности» в идентификации политического недостаточен в силу того, что изначально не определены границы личностного и массового, а понятие «общих дел» является крайне расплывчатым. Невозможно точно разграничить политический и неполитический дискурс, а, следовательно, и выделения субъектов социального проектирования в политическом процессе. С нашей точки зрения, критерий «общности» в идентификации политического должен быть дополнен критерием «устойчивости общественного уклада».

В человеческой культуре проблема требует решения, т. к. в противном случае имеется угроза дестабилизации «разумного порядка вещей». Личная проблема – это угроза для личной жизни, общественная – для общественной. Общественная жизнь есть совокупность укладов (государственного, экономического, правового, социально-иерархического, духовного). Если проблема имеет значение для общности, но не угрожает воспроизводству какого-либо из общественных укладов, то, несмотря на ее публичность (массовость, интерсубъективность), она не может быть названа политической и включаться в социальное проектирование в рамках политического процесса. Политичность возникает тогда, когда проблема перерастает из флуктуации общественной жизни (колебания, органичного изменения) в бифуркацию (точку неопределенности). Такая проблема ставится на повестку дня политики и независимо от широты интерсубъективного охвата попадает в фокус пристального внимания всех субъектов политики. При этом именно возможность выразить и претендовать на решение такой проблемы делает социальных акторов субъектами политики, а общественную сферу, в которой эта проблема разворачивается, – политикой.

Таким образом, политическим может быть названо то, что относится к устойчивости общества как уклада. Политический субъект – это та социальная сила, которая обладает возможностью выразить и претендовать на решение проблем, касающихся устойчивости общественного уклада. *Политическая социально-проектная деятельность* – это комплексная практика по получению описания нового общественного уклада (или его основных составных частей), обладающего бифуркационным потенциалом по отношению к существующему общественному укладу.

Конкуренция в политическом процессе – это соперничество социальных сил за возможность выражения и решения политических проблем, а значит, это конкуренция в политической социально-проектной деятельности.

Обозначенные критерии позволяют выявить официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь в социально-проектной деятельности.

К *официальным* относятся, во-первых, Президент, Правительство и Парламент Республики Беларусь, которые уполномочены разрабатывать и утверждать основные направления внутренней политики (государственная власть).

Во-вторых, политические партии Республики Беларусь, программы которых являются готовым вариантом «белорусского уклада» и деятельность которых направлена на дальнейшее социальное проектирование.

В-третьих, общественные объединения, политизирующие свою проектную практику.

В-четвертых, ведущие СМИ, ведущие представители научного и экспертного сообщества, которые активно участвуют в артикуляции, агрегировании, обсуждении общественных проблем, говорят от имени сообщества, предлагают социальные проекты с претензией на политичность.

К *неофициальным* субъектам политического процесса Республики Беларусь в социально-проектной деятельности относятся лидеры и активисты групп интересов. Эти группы образуются внезапно, чаще всего под воздействием сильных эмоций, реагируя на разочаровывающие их процессы в обществе. С развитием политического процесса происходит либо институционализация таких групп интереса, либо их «размывание» по мере разрешения поставленных проблем.

3.2 Конкуренция социально-проектной деятельности в политическом пространстве Республики Беларусь

Выше было отмечено, что конструирование социального пространства обусловлено социально-проектной деятельностью политических акторов. Их взаимодействие и сама возможность реализовать свои стратегии характеризуется жесткой конкуренцией, обусловленной природой политико-властных отношений. Любой социальный проект влечет изменения в конфигурации политических полей. Дихотомное противостояние «стабилизация – перестройка» обуславливает соревновательность субъектов политической деятельности и необходимость ведения «шоу-политики» для значимого воздействия на общественное сознание и мнение. Бифуркационный потенциал социального проекта определяется не законами синергетики, а публичным притязанием на значимость. В политическом процессе бифуркационно то, что воспринимается как возможная бифуркация. Политическими являются не те социальные проекты, которые обладают

бифуркационным потенциалом, а те, которые общественность воспринимает как обладающие бифуркационным потенциалом. Здесь возникает «ловушка общности», т.е. невозможность определить количественный критерий определения публичной значимости социального проекта.

Так же, как и в случае с определением политичности, количественный критерий неэффективен в выявлении доли значимости социального проекта. Восприятию обществом социального проекта как обладающего бифуркационным потенциалом предшествует его политизация.

В обществе есть структура, отвечающая за сохранение и воспроизводство сложившегося порядка, – государство. Государственная власть осуществляет функцию контроля над процессами политизации. Именно реакция государства на тот или иной социальной проект отражает его политичность. Политическая элита, способная сформировать аппарат управления государства, способно контролировать вопросы политизации. Государственная власть по сути своей всегда консервативна, так как нацелена на сохранение социума. Отметим, что любой внешний социальный проект есть вызов легитимности государственной власти.

В Беларуси государственная власть обладает легитимностью и легальностью на реализацию того социального проекта, который был представлен в предвыборной программе Президента, депутатов Парламента и получил дополнительную легитимацию на Всебелорусских народных собраниях. Как отмечается в докладе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на пятом Всебелорусском народном собрании: «Всебелорусское народное собрание является одной из важнейших форм прямой демократии и оправдавшим себя общественным институтом современной Беларуси. Открытый и честный разговор с людьми стал нормой жизни для власти и всех должностных лиц государства» [62].

Необходимые реформы представляются населению как органичные процессы в рамках заявленного социального проекта, что свидетельствует о зрелости власти и ее стабильности. Особенностью социального проектирования в рамках официального белорусского политического процесса является, во-первых, то, что конкурентная борьба разворачивается за реакцию государства на социальный проект, как своеобразную «санкцию» на вход в белорусское политическое пространство. Во-вторых, само белорусское государство конкурирует с другими официальными субъектами социального проектирования именно на уровне «входа» в политическое пространство.

Главной целью взаимодействия белорусской государственной власти с иными официальными субъектами социально-проектной деятельности является *коррекция политического значения негосударственных социальных проектов*. Такой подход белорусской государственной власти обусловлен ее центральной ролью в решении публичных дел и реализуется, главным образом, через

длительное обсуждение и рассмотрение, если речь идет о социальных проектах вне предвыборных кампаний, и через публичную реакцию, если речь идет о предвыборных баталиях.

По отношению к спорным альтернативным социальным проектам общественного развития может использоваться «стратегия непризнания». Сильная сторона «стратегии непризнания» – это недопущение иных социальных сил в политическое пространство и процесс, отказ в признании стороной политики с целью поддержания стабильности политического процесса.

«Стратегии непризнания» реализуется несколькими способами. Первый – это открытое публичное участие в дискуссии по вопросу о социальном проектировании. Это различные программы передач на государственных каналах с участием представителей научного и экспертного сообщества, общественных организаций. Второй – политизации тех социальных проблем, которые обладают общей значимостью, но по сути своей не относятся к воспроизводству общественного порядка. Третий способ – реализация социального проекта оппонента, но «под именем» государственного курса. Это наиболее эффективный путь в рамках конкуренции за социальное проектирование.

Отсутствие официальных каналов для представления различных социальных проектов несет в себе потенциальные угрозы. В частности, социальная инициатива, не нашедшая реализации в рамках официальных групп интересов, начинает переходить в неофициальные формы функционирования. Следует учитывать, что наличие негосударственных субъектов политического процесса – одна из форм контроля общественной активности в социальном проектировании и в целом возможность политического управления. Непризнание иных, кроме государства, субъектов политики делает белорусский политический процесс диффузным, а, следовательно, возникает опасность его неуправляемости. Это связано с уходом белорусского альтернативного социального проектирования в рассеянное пространство Интернет и «кухонные» беседы, где оно конституируется как фрагментарный, но постоянно продолжающийся дискурс. Возникает опасность того, что в поздней неомарксистской теории называли «а-локальность политики» (М. Хардт, А. Негри) [63].

Речь идет о политике вне конкретного места и вне конкретных лиц. Политический конкурент в лице не имеющего исходной и конечной точки, обрывистого, рассеянного, но нескончаемого потока эмоций, лозунгов, идей опасен тем, что его крайне сложно четко субъективировать как сторону противостояния. Этот новый игрок не является стороной в борьбе за государственную власть, он от этой борьбы увиливает, формирует свое коммуникативное пространство, борется за публичность, стремится игнорировать официальную власть.

Неупорядоченные группы интересов формируют дискурс неопределенного множества: общность как количественная и локальная единица политического

процесса заменяется на имманентное – «говорят». Неофициальное социальное проектирование складывается из этой полифонии голосов и не претендует на «внешнего рецензента». Такое социальное проектирование освобождается от интенции на будущее, оно становится модусом настоящего, его неотъемлемой характеристикой. Однако как все постмодернистское наметившееся белорусское неофициальное спонтанное социальное проектирование уязвимо по причине отсутствия лиц, способных взять на себя ответственность за предлагаемые варианты развития страны. Белорусское неофициальное спонтанное проектирование бездейственно. Оно застрянет в настоящем как повторяющееся воспроизводство проектной практики. Потенциально все будут разделять общую значимость социального проектирования, полученного в рамках неофициального дискурса, но не как план действий, а как приятную свободу действия здесь и сейчас. Возникает ловушка синдрома «отложенной жизни» в народно-историческом масштабе.

«Симулякр третьего порядка» (по Ж. Бодрийяру) – это, скорее всего, не то к чему должно прийти белорусское гражданское общество. Белорусская государственная власть проявляет прагматическую мудрость и использует складывающуюся деструктивную активность неофициальных политических субъектов как фактор стабилизации системы белорусской государственности. И главное здесь – умение играть по правилам постмодернистского спектакля, контролировать дискурсивный поток, не прибегая к его подавлению [64].

Конкуренция в социально-проектной деятельности имеет свой позитивный потенциал, однако она не должна рассматриваться как единственная форма взаимодействия субъектов социального конструирования. Кроме конкуренции деятельным потенциалом обладает форма партнерского взаимодействия таких субъектов, призванная максимизировать отдачу в решении проблем социального пространства. При этом при построении партнерских отношений государство должно опираться не только на общественно-политических субъектов, но и на экономических. Продуктивное взаимодействие государства и бизнеса становится наглядной тенденцией в развитии социального пространства.

3.3 Регулятивные механизмы социально-проектной деятельности в политическом пространстве Республики Беларусь

Социальное государство – одно из объективных измерений, существования и функционирования современных государственных управленческих систем. Оно *существует* как социальное, формируя и поддерживая институты управления, регулирования и конструирования социального пространства. *Функционирует* в качестве социального, реализуя стратегию социальной безопасности и устойчивого развития.

«Устойчивое развитие» означает доминирование в политике государства и функционировании общества такого стратегического вектора развития, которое обеспечивает удовлетворение потребностей настоящего поколения без угрозы благосостоянию будущих поколений. Суть устойчивого развития может раскрываться как стремление к стабильному социально-экономическому развитию, не разрушающему природную среду и не препятствующему непрерывному прогрессу общества (концепция устойчивого развития была разработана на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г.). Устойчивое развитие определило глобальную стратегию сбалансированного развития общества, экономики и природных систем.

Следование идеологии устойчивого развития ставит перед обществом и государством задачи обеспечения сбалансированности между обществом и окружающей средой, между потребностями и ресурсами роста, а также уменьшения потерь при переходе от одного исторического цикла к другому применительно к социально-политическим реалиям конца XX начала XXI столетия – при переходе от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, информационной.

Современный глобальный контекст характеризуется системной и пространственной перестройкой, переформатированием социума, его структуры, социальной, экономической, политической организации как на макро-, так и на микроуровнях. Российский социолог Красин Ю.А. отмечает: «Фундаментальной основой глобального переформатирования глобального социума стало перемещение центра тяжести общественной жизнедеятельности с материальных факторов на духовные – знание, информацию, творчество. Главенствующую роль во всей производственной и социальной деятельности во все большей степени начинает играть всеобщий труд – сублимированный в науке интеллектуальный ресурс общества. На смену индустриальному обществу приходит общество постиндустриальное (информационное), где ведущим генератором развития становится креативный потенциал индивида (человеческий капитал), включенный в кооперацию солидарной общественной деятельности (социальный капитал)» [65, с. 12].

Однако глобальные качественные изменения осложняются процессами дегуманизации обществ и всей системы международных отношений на фоне демонтажа, в контексте неолиберального «универсального» тренда реализации социальной политики государства, механизмов общего блага, обусловленного как объективным мировым системным кризисом, так и доминирующим в сознании экономических и политических элит западных и незападных обществ установок на приоритет частных и групповых интересов над общественными. Это создает условия для коррозии публичного пространства и деструктурирования государства.

Американский историк Т. Джадт отмечает, что коррозия публичного пространства ведет к утрате понимания того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. «Раз мы перестаем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой [66, р. 129].

Снижение издержек глобальной перестройки социума лежит в плоскости преодоления дегуманизации общественного поведения и сознания, путем сохранения действующих и формирования новых механизмов поддержания и укрепления социальной солидарности, которая буквально «сшивает» публичное пространство, обеспечивает социальную сплоченность и мобилизацию сложно структурированных обществ для решения стратегических задач обеспечения благосостояния и развития при активном организационном и управленческом воздействии государства.

Таким образом, стратегия устойчивого развития, основанная на социальной солидарности и укреплении функциональной социальности государства, призвана устранить имеющиеся дисбалансы общественного развития и создать фундамент для дальнейшей модернизации системы экономических отношений и эффективного государственного управления.

Функциональная социальность государства – неотъемлемая черта современной демократии, обязательный атрибут государственной политики и управления. Через институты социального государства (правовые, идеологические, организационно-управленческие) проводится социальная политика, осуществляется поддержание социального мира и стабильности, формируется и поддерживается «социальный контракт» между различными слоями и группами общества. Функции государства исторические меняются. К примеру, российский политолог А.В. Павроз функции государства разделил на «минимальные, средней степени сложности и функции активного вмешательства». К *минимальным* функциям отнесены: обеспечение обороны, законности, правопорядка, макроэкономическое управление, государственное здравоохранение (т.е. предоставление общественных благ). К функциям *средней степени сложности* отнесены:

а) школьное образование, охрана окружающей среды (влекущие так называемые экстернальные эффекты);

б) развитие коммунальной сферы и антимонопольная политика;

в) социальное страхование, финансовое регулирование, пособия, защита прав потребителей. К функциям *активного вмешательства* отнесены: координация деятельности частных структур, регулирование рынка, координация инициатив, перераспределение [67, с. 22].

Исторически расширение социальной функции государства, по сути, расширение перечня целей и задач по управлению социальным пространством, совпало с институциональным оформлением социальной политики. В странах Западной Европы и СССР на протяжении XX века конструкция социального государства проникала во все сферы общественной жизни – экономику, социально-гуманитарную сферу, политику, культуру и т.д. Социальное государство стало средством конструирования солидарности на основе социальных прав. Социальная солидарность / сплоченность выражается в «общественном благополучии, гармоничных и стабильных социальных отношениях как неотъемлемой составляющей социально-экономического прогресса и мирного сосуществования» [68, с. 42].

Концепция социальной солидарности была разработана в начале XX века французскими правоведами и социологами Л. Дюги, Э. Дюркгеймом, В. Окенфельзе. Авторы *солидаристской концепции* противопоставляли солидарность как механизм организации и структурирования социального пространства «классовой борьбе» социалистов и «общественному договору» либералов. Э. Дюркгейм утверждал, что реально существуют не просто индивиды и государство, взятые сами по себе, а ассоциации людей, связанных совместной жизнью. Поскольку каждый участник ассоциации получает пользу от общежития, на нем лежат обязанности перед другими людьми, основанные на общем сознании солидарности.

Солидарность создается на основе социальной нормы, которую Л. Дюги определяет как необходимую социальную функцию, которую каждый выполняет в силу общих потребностей и разделения труда. Поэтому она стоит выше государства и позитивных законов, которые лишь служат её осуществлению. Позитивное право основывается и вытекает из социальной нормы. Эта социальная норма выражается в том, чтобы способствовать росту солидарности по сходству потребностей людей при констатации их природного неравенства и обеспечивать солидарность через разделение труда. При этом необходимо делать все, что в материальных силах личности, чтобы увеличить социальную солидарность в обеих этих формах. В. Окенфельзе добавил принцип *субсидиарности*, который выражается во взаимопомощи одних социальных групп другими и в социальной ответственности социальных групп за благополучие общества в целом. Социальный порядок предполагает, что «функции объединений низшего порядка, которые они способны реализовать сами, не должны изыматься и передаваться более обширной и стоящей выше по рангу группе» [69].

Концепция солидаризма получила развитие в теории корпоративизма / неокорпоративизма. Её основные идейные положения были разработаны Дж. Т. Уинклером, И. Харрисом, К. Кроучем, А.А. Берли, Г. Хекшером. Данная теория в контексте более широкого институционального

подхода объясняет взаимоотношения между обществом и властью необходимостью преодоления дихотомного противостояния частного – общественного блага, конструирования сети политико-властного взаимодействия и перераспределения организационно-управленческих полномочий начиная с горизонтального уровня (местные ассоциации, социальные группы) на вертикальный уровень, вплоть до общегосударственного уровня организации власти и управления. От частных интересов к государственной стратегии развития общества в целом, создавая ситуацию прозрачности в принятии политических решений и публичного контроля за их реализацией, с солидарной ответственностью общества и государства за функционирование публичного пространства и общее будущее на микро- и макроуровнях социальной структуры общества.

Корпоративистская идея, как отмечал Ф. Шмиттер, состоит в том, что посредником между рынком и государством являются институты, формирующие модели коллективного поведения. Хотя эти модели поведения временами противоречат друг другу, однако индивиды и коллективы опираются на них, чтобы структурировать свои ожидания относительно поведения других сторон и найти типовые решения проблем [70]. Корпоративистский режим строится на существовании ограниченного числа функционально упорядоченных и выстроенных по иерархическому принципу групп с монопольным правом представительства определенных интересов. Принадлежность к корпоративной группе определяет возможности доступа к принятию решений, финансовые льготы и бюджетные субсидии. Эволюция институционального, т.е. нерыночного и негосударственного, сектора способна быть не только пассивным отражением потребности в его услугах со стороны индивидов или властей, но и иметь собственную динамику [70].

Одной из новейших тенденций в экономической и политической науке является изучение *инклюзивной / эксклюзивной* и *дистрибутивной* природы институтов. Институты функционируют в открытой среде, а акторы преследуют свои цели, делая выбор в рамках институциональных ограничений. Чем менее конкурентна среда, в которой действует правящая политическая элита, тем больше вероятность рентоориентированного поведения¹. Феномены редистрибутивного распределения и «эксклюзивной экономики» и их политические последствия изучены Д. Акемоглу, Дж. Робинсоном. Т. Фотополос проводит идею инклюзивности принятия решений, управления и демократии.

---

¹«Рентоориентированное поведение» возникает в условиях надления избранных участников рынка преимуществами. Как отмечала А. Крюгер, «конкуренция за присвоение ренты возникает из-за расхождения между частными и социальными издержками на отдельные виды деятельности» Сущность социально-политических трансформаций заключается в препятствовании «захвата государства» как чиновниками, так и «дельцами рыночной экономики» [72, р. 291].

Идея инклюзивности означает равенство доступа к экономическим и политическим институтам, а также обладание социально значимой информацией в полном объеме (к примеру, информация о тендерах для бизнеса). Корпоративное устройство власти позволяет различным горизонтальным сообществам, а через них – индивидам, проявляющим лояльность, получать социальные блага. Корпоративное государство позиционируется не только как работодатель, но и «ассоциация совладельцев результатов совместного труда» в силу его перераспределительной функции.

Можно согласиться с А.В. Паврозом, что создание «эффективного государства возможно как в авторитарной (авторитаризм развития), так и в демократической (неоконсервативная демократия) модели правления и связано ... преодолением господства партикулярных групп и утверждением универсальной, предельно всеохватывающей системы обязательных, формально закрепленных норм» [71, с. 271].

В неокорпоративистской модели управления функции, традиционно принадлежащие государству, могут быть делегированы гражданам, что позволит сбалансировать разные интересы индивидов и групп. Достижение такого баланса интересов – искусство и наука современной политической системы, залог ее прочности и источник развития, преодоления кризисных явлений в государственном управлении. Граждане, общество, государство, таким образом, находятся в постоянном диалоге, который обеспечивается через механизмы социальной солидарности.

Конструирование солидарности привело к формированию *механизмов* её обеспечения в ключевых сферах общественной жизни. К таким механизмам относятся *социальное партнерство*, обеспечивающее социальное равновесие в социально-трудовой сфере, и *социальная работа*, поддерживающую целостность социально-гуманитарной сферы.

Социальное партнерство воплотилось в системе отношений, между наемными работниками и работодателями при посреднической роли государства по согласованию экономических интересов в социально-трудовой сфере и урегулированию социально-трудовых конфликтов [73, с. 40]. Оно было необходимо для согласования разнообразных интересов на общенациональном, отраслевом и местном уровнях, касающихся вопросов распределения доходов, достижение договоренностей по обеспечению и защите интересов субъектов трудовых отношений.

Взаимодействие «трех партнеров» – государства, объединений работников (как правило, профсоюзов) и работодателей и (или) их объединений для формирования на основе установления норм долгосрочного взаимодействия с соблюдением баланса интересов и принципа справедливости получила название «*трипартизм*» (термин введен в научный оборот А. Этциони). Трипартизм возник

после Второй мировой войны. Его основой стала договорная система социально-трудовых отношений. Система социального партнерства стала также одним из способов согласования социальных интересов и потребностей. По сути – это сотрудничество класса наемных работников с классом собственников (нанимателей), при условии, что стороны не посягают на основы общественного строя, а добиваются реализации своих интересов реформами и переговорами. В отношениях социальных антагонистов государство выступает в качестве «третьей стороны». Главным механизмом взаимодействия социальных партнеров в данной системе выступает договорное регулирование со взаимным контролем и договорно-правовым обеспечением. К концу XX века система трипартизма стала ослабевать. Причина – застой в профсоюзном движении, возникший из-за реструктуризации социальных слоев и роста среднего класса. Узость профессионально ориентированной солидарности вывела за рамки социального партнерства многие социальные группы и игнорировала все уровни связей, формирующие в различных социальных полях социальный капитал индивидов.

Трипартизм эволюционирует к новому типу социального партнерства, называемому «коммунитаризмом». *Коммунитаризм* проявляется в участии различных слоев общества в решении проблем методами прямой демократии. Участниками нового социального партнерства, наряду с государством, бизнесом и профсоюзами стали НГО (негосударственные объединения), которые значительно расширили круг вопросов договорного процесса, введя в оборот, наравне с экономическими, и функциональные интересы различных социальных групп [74, с.16–17].

Коммунитаризм, как новый тип социального партнерства, формирует социальную солидарность в сложно структурированных, «позитивно деклассированных» обществах не на основе профессиональной принадлежности, а на осознании общих интересов. Он строит отношения между ассоциациями граждан, государством и индивидами не на сглаживании противоречий, а на взаимодействии в решении значимых социальных проблем и участии в реализации социальной политики государства.

Практическим воплощением коммунитаризма становится *государственно-частное партнерство* в сфере экономики, положительный опыт которого может быть реализован и в сфере социально-трудовых отношений, и в сфере социальной политики. Непосредственной формой регулирования становится делегирование частным и общественным структурам организационных и управленческих полномочий в рамках общегосударственных (национальных) программ для решения конкретных задач в определенном общественном кластере. Выбор кластеров ограничивается только политической волей государства и ресурсными возможностями частных и общественных структур. Он может быть любым, вплоть до макросфер: организация рынка труда, инвестирование в социальную сферу и

формирование рынка социальных услуг. Подобное социальное партнерство, решая локальные задачи, оказывает воздействие на все общество. Создает ячейки корпоративного взаимодействия на различных уровнях социального взаимодействия.

Таким образом, социальное партнерство как система обеспечения социальной солидарности в области социального взаимодействия и в качестве механизма реализации социальной политики государства, организует общественные отношения и интересы на макроуровне социально-стратификационной структуры общества при непосредственной реализации государством своей социальной функции.

Система социального партнерства является одним из наиболее значимых механизмов реализации социальной политики. Сравнительный анализ форм обеспечения социального партнерства позволил выделить несколько *разновидностей социальной политики государства*: неолиберальная / англо-американская, консервативно-корпоративистская / франко-германская и социал-демократическая / скандинавская [75, 76]. Их основные различия можно провести по степени вмешательства государства в экономику и социальные отношения, а также замещения рыночного обмена бюрократическим распределением.

Франко-германская и *скандинавская* социал-демократическая модели социальной политики характеризуются высоким уровнем вмешательства государства в экономику, прямым регулированием рынков (т.е. частичным замещением рыночного обмена бюрократическим распределением). Франко-германская модель формировалась под влиянием корпоративистских отношений. Сошлемся на выводы А.В. Павроза: «Процесс выработки политико-административных решений в корпоративистском политическом режиме основывается не на балансе множества конкурирующих между собой групп интересов, но происходит в результате сложного, институционализированного, ориентированного на консенсус взаимодействия междугосударство и ограниченным числом крупных, агрегированных групп интересов» [76, с. 17].

Современная *англо-американская модель* социальной политики отличается низким уровнем вмешательства государства в экономику и косвенными механизмами регулирования рынка. Данная модель связана с пересмотром идеей государства благосостояния, которые формировалась в эпоху господства социал-демократических и кейнсианских идей. Неолиберальная и неоконсервативная модели социальной политики в англо-американских политических системах развиваются по линии сокращения перераспределительной функции государства, приоритетности социально-экономической эффективности по отношению к социальной справедливости. *Социал-демократическая модель* социальной политики формирует систему социальных гарантий для граждан, однако требует усиление роли государственного аппарата и его перераспределительной функции.

К примеру, А.В. Павроз следующим образом демонстрирует следствия доминирования перераспределительной функции государства: «...вмешательство государства в экономику, направленное на перераспределение доходов и богатств искажает механизмы рыночного равновесия...Осознание величины потерь, происходящих в результате искажения механизмов рыночной саморегуляции... привело к тому, что большинство экономистов, экспертов и правительственных чиновников в экономически развитых странах пришли к стратегическому решению о приоритете эффективности по отношению к социальной справедливости и минимизации перераспределительной функции государства... эффективно развивающаяся экономика, в конечном счете, ... может дать гораздо больше для непривилегированных классов, чем любая перераспределительная политика. Таким образом, вследствие обнаружения взаимозависимости между политикой перераспределения и снижением эффективности экономики были подорваны теоретические основы концепции государства благосостояния...» [67, с. 26].

Л. И. Никовская различает «рейнскую и американскую модели либерального капитализма». *Американская модель* «неумолимо ведет к социальной поляризации». Черты *рейнской модели*: [она] «пронизана социальными идеями и ценностями и покоится на социально-рыночном хозяйстве, которое не допускает в ряд жизненно важных секторов дух наживы и коммерции: сферы образования, культуры, медицины, СМИ и жилье не отдаются полностью на откуп рынку». Рейнская модель, построенная на рыночной экономике и частной собственности, действует «от севера Европы до Швейцарии». Германия – яркий пример этой модели, частично примыкает Япония [77].

В Беларуси доминирующей является *социал-демократическая модель социальной политики*, а система социального партнерства служит организации и регулированию социально-трудовых отношений и рынка труда. Одну из ключевых ролей в ней играют профсоюзы. Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) осуществляет наравне с государственными органами коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений. В его основе лежит Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзами [78]. В содержании данного соглашения отдельными главами оговаривается регулирование уровня доходов работников, социальные гарантии и социальная защита их прав. На основе Генерального соглашения заключаются коллективные договоры на предприятиях и в организациях. Национальный совет по трудовым и социальным вопросам, представляющий государство в системе социального партнерства в Беларуси, трактует её как эффективную форму формирования и реализации социально-экономической политики государства на основе согласования интересов различных слоев и групп общества (труда и капитала) посредством переговоров, отказа от конфронтации.

Однако, в условиях Республики Беларусь при слабости ассоциаций нанимателей, доминировании государственного сектора экономики, скорее сложилась система «бипартизма», чем «трипартизма». В отношении «государство – профсоюзы» преобладает роль государства. В перспективе в современных условиях эволюция данной системы, поиски новых форм солидарности, должны привести социальное партнерство в Беларуси к коммунитаризму, минуя «классический» трипартизм как форму солидарности классового общества.

Механизмом реализации социальной функции государства выступает *социальная работа*, выражающаяся в «специфической деятельности направленной на оптимизацию осуществления субъективной роли людей во всех сферах жизни общества в процессе жизнеобеспечения и деятельного существования личности, семьи, социальных и других групп и слоев общества» [79, с. 12].

Социальная работа направлена на оказание помощи и защиты всех граждан, особенно так называемых «слабых слоев и групп». Она строится на предоставлении и обеспечении социальных гарантий как «системы мер, нормативных установок и условий, направленных на удовлетворение определенного набора благ и услуг, потребностей поддержания жизнеобеспечения и деятельного существования людей» [79, с. 13].

Социальная работа – это целая система профессионально организованной деятельности государственных и общественных институтов, предназначенная для оказания помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Средствами реализации социальной работы выступают не государственные социальные программы с бюджетным финансированием, а индивидуальная работа с людьми и группами с привлечением разных источников инвестиций. В ходе социальной работы организуется горизонтальное взаимодействие между социальными работниками, общественными организациями для включения человека или группы в процесс реабилитации или реадaptации, главная цель которого состоит в том, чтобы вернуть «клиенту» способность действовать самостоятельно в определенном социальном контексте.

Социальная работа нацелена на стимулирование взаимопомощи между людьми, усиление взаимосвязи на основе личной активности и ответственности. Особая роль здесь отводится институтам гражданского общества – негосударственным, некоммерческим организациям, которые, в отличие от государственных организаций социального обслуживания (служб социального обеспечения, социальной защиты, социальных фондов), практикующих в большей степени формальный подход, действуют более эффективно, так как многие услуги оказываются людьми, которые испытали на себе проблемы, схожие с проблемами клиентов.

Социальная работа преимущественно осуществляется на микроуровне социально-стратификационной структуры общества в непосредственном контакте с отдельными группами и индивидами. Это позволяет достигать более эффективного прикладного воздействия социальной политики государства на организацию социального взаимодействия в базовых структурах общества.

Социальная работа может носить линейный характер, в контексте функционирования рынка социальных услуг и государственных систем социальной защиты и обеспечения: потребность, угроза, проблема → социальный работник, государственная структура реализации социальной работы, НГО (негосударственные объединения) → решение проблемы, купирование угрозы. Либо циклический характер: социальная проблема → НГО, акторы рынка социальных услуг → групповая и индивидуальная работа → переформулирование проблемы, реорганизация микроструктур, социальных групп. В линейном варианте предпочтение отдается профессиональной социальной работе, в циклическом – инициативной. Однако, требования к навыкам и умениям людей, осуществляющих социальную работу, требуют особой подготовки и наличия разнообразных знаний. Поэтому особую роль играет система образования и подготовки специалистов по социальной работе [80, с. 249-257].

Технологии и механизмы социальной работы можно разделить на следующие направления: социально-реабилитационная и социально-педагогическая деятельность, развитие сферы социальных услуг и государственного социального заказа, а также социальное проектирование. К социально-педагогической деятельности как форме социальной работы примыкает *социальная реклама*.

Начнем с социального проектирования, как обобщающей категории. *Социальное проектирование* представляет собой творческий процесс конструирования системы социальных действий, направленных на преодоление существующих социальных проблем, на позитивные изменения, на развитие социальной ситуации [68]. Социальное проектирование есть процесс продуцирования проектов и моделей перспективного развития общества в целом либо отдельных социальных групп. Оно выступает в качестве научного осмысления и оценки состояния социального объекта, явления или процесса, с определением наиболее и наименее вероятных тенденций их изменения с помощью целенаправленного воздействия управляющего субъекта. На этой основе формулируется проект будущего состояния социального явления или объекта. Это могут быть макропроекты – преобразование социальной структуры и социального пространства общества, форматирование массового политического сознания с выработкой новых мировоззренческих основ, организация политического дискурса как формы социального поведения и отбор «проектов социальной реальности», так и микропроекты – улучшение демографической ситуации, сохранение социальной

направленности государственной политики, выработка долгосрочных социальных программ и т.д.

Социальное проектирование, таким образом, является видом деятельности тесно связанным с развитием социальной сферы и конструированием социальной реальности. Как отмечает российский социолог В. А. Луков: «социальное проектирование – не только технология достижения ожидаемого результата в социальной сфере. Наше время выдвинуло на передний план более обширную по объему и более привлекательную для думающих людей задачу – утверждение в социальной практике проектного мышления (или мышления проектами) [81, с.3].

Как способ мышления, социальное проектирование внедряется практически во все сферы жизнедеятельности общества – предпринимательство, техническое развитие, социальную сферу, наконец, политику, оказывая прямое и косвенное воздействие на организацию социального взаимодействия, формирование социального пространства. «Мышление проектами» позволяет проникать управляющему воздействию на трудно или слабо регулируемые области общественной жизни и организовывать определенным образом социальное действие как на макро- так и на микроуровне. Такое мышление является основой политического сознания и идейно-ценностной конкуренции «социальных проектов» в коммуникативном пространстве политического дискурса при формировании повестки дня государственной политики.

Многообразие практики разработки и реализации социально-политических проектов позволяет каждому человеку, небольшому сообществу или макроорганизациям как на уровне распорядителей крупных по масштабам ресурсов (государство, ТНК и т.д.), так и на уровне владельцев ресурсов, ограниченных возможностями узкого социального круга проявить себя в конкретных видах деятельности и реализовать свои интересы, цели и задачи.

Социально-реабилитационная деятельность направлена на предупреждение или снижение ограничений жизнедеятельности и социальной недостаточности среди разных категорий населения с ограничениями жизнедеятельности вследствие личностных особенностей или последствий врожденных, приобретенных и возрастных дефектов здоровья в физической и психической сферах. Сюда можно отнести работу с инвалидами, предназначенную для их социальной адаптации, работу с пожилыми людьми, работу с девиантными подростками и детьми и т.д. К социально-реабилитационной деятельности можно отнести и социально-психологическую деятельность, выражающуюся в профилактике социальной недостаточности среди различных категорий населения, реадаптации и ресоциализации лиц с ограничениями жизнедеятельности психологического характера, оказание психологической помощи людям, оказавшимся в условиях стресса или получившим психологическую травму.

Социально-педагогическая деятельность ориентирована на решение социальных, личностных и поведенческих проблем семьи, детей и других

категорий населения, преимущественно социально-педагогическими методами в комплексе с другими методами обучения и воспитания. Сюда можно отнести и обучающие и психологические тренинги, и образовательные и воспитательные программы и т.д.

К социально-педагогической деятельности как форме социальной работы примыкает *социальная реклама*. Социальная реклама также является технологией государственного управления социальным полем. С.М. Исаев так охарактеризовал социальную рекламу: «Осуществляя функцию передачи общественно важной информации, которая направлена на формирование общественного мнения, социальных норм, моделей поведения, *социальная реклама* вовлекает индивидов в решение социальных проблем. Она фактически дает возможность социально ответственным гражданам участвовать в процессе управления. Социальной рекламой является та реклама, которая оформлена в соответствии с законами маркетинговой деятельности: имеет конкретную цель, создание и размещение мотивированы, сообщение не персонифицировано» [82].

В Законе Республике Беларусь «О рекламе» от 10 мая 2007 г. № 225-З в ст. 2 закреплено определение социальной рекламы: «это реклама прав, охраняемых законом интересов или обязанностей организаций или граждан, здорового образа жизни, мер по охране здоровья, безопасности населения, социальной защите, профилактике правонарушений, охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, развитию белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества, государственных программ в сфере здравоохранения, образования, культуры и спорта либо других явлений (мероприятий) социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламодателями которой являются государственные органы» [83]. В ст.24. названного закона определено, что деятельность «юридических и физических лиц по распространению социальной рекламы и передаче своего имущества, денежных средств другим юридическим и физическим лицам для распространения социальной рекламы признается благотворительной и осуществляется на безвозмездной основе». Государство является субъектом формирования информационного рынка и «производителем социальной рекламы». Социальная реклама в нашей стране реализуется государственными институтами: Министерством здравоохранения, Министерством по налогам и сборам, Министерством по чрезвычайным ситуациям, Госавтоинспекцией и др.

Коммуникативная функция социальной рекламы, в отличие от коммерческой или политической видов рекламы, заключается в формировании диалога власти и общества, привлечения внимания к социальным проблемам, актуальным будь то для всего общества, будь то для социально уязвимых групп. Социальная реклама – форма информационного послания и социальной практики, направленная на

формирование определенной модели поведения, посредством которой организуется общественная жизнь в стране, обеспечивается устойчивость отношений внутри общества.

Государство использует социальную рекламу как одну из важных технологий социальной политики. Социальная реклама как технология служит:

- 1) отражению проблем, которые стоят на повестке дня (общенациональной либо местной);
- 2) выполнению государством своих функций в процессе принятия и осуществления политических решений;
- 3) амортизации, смягчению проявившихся социальных проблем и формирования социально-приемлемых, позитивно функциональных моделей социального поведения.

Социальная реклама создает эмоциональный фон, на котором проходит косвенная политическая проблематизация, т.е. государство формирует импульсы, активизирующие гражданскую активность и ответственное поведение. Социальная политика должна не только смягчать негативные социальные явления, но и помогать гражданам адаптироваться к меняющимся условиям жизни, формировать готовность к поддержке реформ.

Социальная реклама «За Беларусь!» является лаконичной, визуализированной формой артикуляции политических ориентиров государства. Суть рекламного послания – «За Беларусь для всех», человек любой профессии может проявить себя в этой стране, при действующем конституционном строе и руководстве страны. Рекламное послание «За Беларусь!» – квинтэссенция внутренней и внешней политики государства, девиз правящей элиты, который признав объединить не только все население, но и различные политические силы по ключевым вопросам жизни нашей страны. Рекламная серия «За Беларусь!» имеет очень сложную информационную структуру, в которой социальные и политические задачи переплетены вокруг единого стержня – воплощение ценностей и идеалов белорусского народа, модели построения государства и общества.

Тематику сообщений социальной рекламы структурирована следующим образом: продвижение ценностей, разделяемых большинством населения: семья, здоровье, труд, благосостояние, безопасность; призывы к творчеству и созиданию как социальный идеал (творческий труд, профессиональное мастерство); акцент на стабильности и безопасности, достижениях правящей власти и народа. В период примерно с 2014 г. постепенно в социальной рекламе усиливается национально-этническая составляющая, национальная символика используется в дизайне бытовых предметов, в архитектуре.

Социальная работа способствует *развитию сферы социальных услуг*, ответственность за реализацию которых в равной мере ложится как на государство,

так и на гражданское общество. Через развитие социальных услуг формируется пространство, позволяющее обеспечить более весомое представительство интересов различных социальных групп, в котором отдельные граждане могут предъявлять запросы как к государству, так и гражданскому обществу. Гражданское общество создает площадку взаимодействия разных секторов, демократизирует общество и создает инструмент защиты против всевластия государства. Его задача состоит в формировании и представлении интересов граждан, защите прав и развитии сферы услуг; государство со своей стороны заботится о создании соответствующих механизмов, позволяющих сфере социальных услуг быть более дифференцированной и представительной.

Несмотря на приближенность социальной работы к непосредственному контакту с объектами воздействия, в условиях глобализации общественного сознания и формирования «мировой деревни», происходит и глобализация социальной работы. На сегодняшний день укрепился термин «*международная социальная работа*», который означает, что акторы развивающие теорию и практику социальной работы в своих странах, начинают участвовать в социальном обслуживании населения и обучении персонала в других странах. Международная социальная работа – это разветвленная многофункциональная сеть, имеющая характер децентрализованных практических акций. Глобализация составляет необходимый контекст для развития международной социальной работы. Обмен мнениями и информацией, повышение квалификации социальных работников и их дополнительное образование, привлечение ресурсов осуществляется на международном уровне в рамках деятельности Международной Федерации социальных работников [84, с.40-41].

В Беларуси социальная работа является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства труда и социальной защиты, а также его подразделений в местных органах власти. Особое место отводится государственному социальному заказу, который позволяет привлекать к осуществлению социальных функций НГО и некоммерческие организации (НКО) [85]. Как форма социального обслуживания и социальной работы, по определению, предложенному экс-министром труда и социальной защиты Республики Беларусь М. А. Щеткиной, государственный социальный заказ рассматривается как система «организованного социального взаимодействия различных социальных институтов (включая государство и гражданское общество), социальных групп и индивидов, которые совместно решают жизненно важные проблемы тех, кто относится к социально уязвимым категориям, и тех, кто располагает возможностями оказания им помощи» [86, с.3-4]. Механизм осуществления государственного социального заказа может являться проведение «открытого публичного конкурса, в результате которого происходит распределение средств, направляемых на решение социальных проблем,

позволяющее привлекать к участию в осуществлении социального обслуживания населения как государственные, так и общественные организации других форм собственности» [86, с.8-9]. Однако, при наличии политической воли государства реализовать солидарный корпоративный принцип организации социальной помощи и работы с включением заинтересованных НГО /НКО удастся не в полной мере. Как отмечала М.А. Щеткина: «слабым местом формирующегося рынка социальных услуг в условиях современной Беларуси является отсутствие конкуренции, что обуславливает необходимость привлечения в дополнение к действующим государственным учреждениям социального обслуживания НГО и индивидуальных предпринимателей. Их деятельность, как и государственных учреждений социального обслуживания, основана на договорной форме оказания услуг» [86, с.16].

В осуществлении социальной работы принимают участие не только уполномоченные государственные структуры – отделы социального обслуживания исполнительных комитетов, Фонд социальной защиты, министерство труда и социальной защиты, но и различные общественные объединения. Отметим, в первую очередь общественное объединение «Белорусская ассоциация социальных работников», осуществляющее консультирование и информирование (Бюро социальной информации), подготовку и реализацию социальных проектов и программ, повышение квалификации социальных работников. Кроме того, ассоциация издает специализированный научно-практический журнал «Социальная работа», способствующий распространению социальной информации и социальному просвещению.

Существенным в деятельности общественных объединений в сфере социальной работы в нашей стране является проведение мониторингов и анализа социального самочувствия общества в целом и отдельных социальных групп и категорий граждан, а также непосредственная помощь и участие в решение конкретных проблем. Активное участие в социальной работе принимают объединения, занимающиеся помощью неизлечимо больным ОО «Надежда», «Белорусский детский хоспис», социальные приюты «Дом Марии», «Дом милосердия», благотворительные организации (фонды) «Фонд помощи детям Чернобыля», фонд «Сотрудничество» и др.

Особой формой социальной работы занимаются группы взаимопомощи и самопомощи, занимающиеся проблемой поддержки и адаптации индивидов к социальной действительности. В фокусе их внимания находятся группы социального риска (бездомные, безработные, дети из неблагополучных семей). Подобные объединения организуют сети широкодоступных консультативных пунктов, «горячих линий» срочной психологической помощи, служб лечебно-реабилитационной и социально-правовой помощи для поддержки проблемных лиц

и их окружения. Здесь можно упомянуть общество «Анонимные алкоголики», «Анонимные наркоманы» и др. [87].

Таким образом, расширение участия институтов гражданского общества в социальной работе осуществляется в нашей стране давно и имеет широкие перспективы для дальнейшего развития. Во многом это обусловлено высокой степенью востребованности их деятельности и их способностью оперативно реагировать на вновь возникающие общественные проблемы.

Время патерналистской модели социальной политики на современном этапе развития белорусского общества и государства уходит. Важно подчеркнуть, что «упрощенная, минималистская трактовка государства» как «репрессивного аппарата» с гипертрофией функций поддержания внутренней и внешней безопасности, административного и общего политического управления, поддерживает неготовность общества к преобразованиям [77]. На современном этапе осуществляется переход к политике социального партнерства, к субсидиарной (корпоративной) модели, когда ответственность за решение социальных проблем распределяется между государством, обществом и самими гражданами.

Социальное партнерство и социальная работа являются одними из наиболее эффективных механизмов реализации социальной политики, которые предназначены для обеспечения социальной солидарности и сплоченности общества, решения его социальных проблем, установления социального мира и создание условий для дальнейшего развития.

Социальное партнерство изначально рассматривалось как способ или форма организации отношений между предпринимателями и наемными работниками при посредничестве государства с целью предотвращения социальных конфликтов и противоречий, для достижения социального мира и согласования условий труда и распределения общего блага. Однако с изменением социальной структуры современных обществ, её усложнением, особенно с развитием среднего класса, социальное партнерство стало не только способом достижения социального мира, но и механизмом организации нового, коммунитарного социального взаимодействия.

Трактовка социального партнёрства вышла за рамки традиционного «трипартизма». Внедрение некорпоративных представлений об организации политико-властных отношений по линии «горизонталь-вертикаль», распределение полномочий и социальной ответственности между государством, группами и индивидами обозначило социальное партнерство как средство обеспечения социальной солидарности на макроуровне социальной структуры. При этом договорные технологии социального партнерства являются средством реализации стратегии политики государства в достижении целей социального развития.

Социальное партнерство «сшивает» социальную ткань общества, направляя усилия на взаимодействие крупных групповых акторов социальных отношений на основе договорно-правового инструментария тем самым обеспечивая бесконфликтное взаимодействие и согласование интересов. Таким образом, социальное партнерство решает общие стратегические задачи в рамках социального конструирования.

При негативном развитии корпоративизма социальное партнерство может стать косвенной причиной социальных дисфункций, исключения отдельных групп из макросоциального взаимодействия и предоставления эксклюзивных возможностей другим, либо к доминированию государственного контроля и диффузности социальной структуры в целом. Однако в самой социальной политике есть механизмы преодоления эксклюзивно-инклюзивной проблемы и структурной дезорганизации общества путем гармоничного развития «общества-корпорации» и «государства-корпорации».

Одним из таких механизмов является социальная работа, поскольку она обращена на решение проблем в непосредственном контакте с индивидами или группами. В зависимости от того, в каком направлении (просветительском, реабилитационном и риадаптационном, проектном) проводится социальная работа, применяются определенные технологии. Инструментарий социальной работы в отличие от социального партнерства довольно широк. Он может включать социально-педагогическое и социально-психологическое сопровождение, социальную помощь и услуги, государственный социальный заказ и т.д. Социальная работа осуществляется на профессиональной основе и государственной системой социальной защиты и обеспечения, и институтами гражданского общества (специализированными общественными объединениями).

Социальная работа регулирует микроструктуры общества, воссоздавая и формируя социальные связи и отношения, формируя социальные сети и обеспечивая условия для накопления человеческого и социального капитала. Социальная работа на горизонтальном уровне социальной структуры долгосрочно укрепляет группы, которые на макроуровне становятся участниками социального партнерства.

Социальное партнерство и социальная работа используются в качестве эффективного инструментария для конструирования устойчивого социального пространства с развитой социальной структурой. Однако в независимости от успеха социального партнерства, государство как институт решения социально значимых проблем, ищет разные формы для реализации своей социальной функции. Наряду с партнерством государства с общественными объединениями особое значение имеет партнерство с коммерческой составляющей, где частная инициатива по получению прибыли в итоге имеет позитивное значения для

общества в целом. Речь и идет о государственно-частном партнерстве, которому посвящена следующая часть НИР.

3.4 Государственно-частное партнерство в формулировании и решении социально значимых проблем и их переводе в политический дискурс (сравнительный анализ)

Опыт развитых стран мира свидетельствует о том, что партнерские отношения государства и частного бизнеса – это последовательный процесс, который связан в первую очередь с развитием законодательства о государственно-частном партнерстве, а также с передачей ряда властных полномочий с центрального на местный уровень. Проблемы государственного долга и вопросы оптимизации государственных закупок породили практику партнерства государства и бизнеса (public-private partnership (PPP)) в 1970-80-е годы в западных странах. Активное развитие проектов подобного партнерства пришлось на 1990-е гг. Лидерами по развитию таких партнерств в мире считаются Великобритания, Австралия, скандинавские страны.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) – это направление в современной управленческой практике, представляющее собой сотрудничество государства и бизнеса в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля; это организационно оформленное взаимодействие государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов.

Определяют несколько стадий развития ГЧП в мировой практике: 1) обоснование рамочных условий партнерства в приоритетных областях, создание нормативно-правовой базы; 2) развитие рынка проектов для ГЧП, создание специализированных подразделений в отраслевых органах власти; 3) появление комплексных программ по реализации приоритетных проектов. На первой стадии находятся страны Восточной Европы и Латинской Америки, СНГ. На второй – Франция, Испания, Италия, Греция, Германия, США, Канада, Япония. На третьей стадии – Великобритания и Австралия [88, с.13].

Проблематика ГЧП активно разрабатывается по всему миру и в первую очередь экономистами, а также правоведами, социологами и политологами. За последние пять лет проблематике связи ГЧП и политического процесса были посвящены диссертационные исследования следующих российских авторов: А. И. Абдрахманов [89], П. С. Алимбиев [90], А. И. Попандопуло [91], А. И. Сергеев [92]. Значителен вклад белорусских ученых в исследование ГЧП. Регулярные международные конференции, посвященные ГЧП, проходят в Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Ряд публикаций вышли под редакцией Г. В. Турбана, А. Г. Печенко, Л. Е. Филипповой. Минский

столичный союз предпринимателей и работодателей выпускает сборники о приоритетах и перспективах ГЧП для Беларуси (под ред. В. Н. Карягина), регулярно выходят сборники «Национальная платформа бизнеса Беларуси». Советом по развитию предпринимательства в Республике Беларусь в 2013 г. был подготовлен обширный отчет «Государственно-частное партнерство: международный опыт и перспективы развития в Республике Беларусь»[93].

По мнению белорусского государственного деятеля А. Н. Тура, сотрудничество государства и бизнеса – «своеобразная управленческая альтернатива приватизации», когда «стратегически важные объекты не могут быть переданы в частную собственность, но государственный бюджет не в состоянии обеспечить их финансирование в должном объеме» [94, с. 31]. В этом случае государство и бизнес заключают юридическое соглашение, согласно которому объект остается в госсобственности, но частный бизнес получает права временного владения, пользования или управления им. Выгода государства заключается в привлечение внебюджетных средств для реализации государственных проектов и программ со стороны субъекта, обладающего финансовыми ресурсами, эффективными методами управления и технологиями. Выгода бизнеса – это инвестиционный проект, гарантированный государством, взявшим на себя часть рисков и обеспечивающим поддержку проекту административным ресурсом и налоговыми льготами. Таким образом, как отмечала белорусская исследовательница И. Новикова, государственно-частное партнерство «это не просто сотрудничество государственного и частного секторов ... а бизнес-модель взаимодействия государства и бизнеса» [95, с. 52].

Эксперты Всемирного банка понимают ГЧП как «механизм, используемый для государственных закупок и развития государственной инфраструктуры и/или услуг, используя ресурсы и опыт частного сектора». Этот механизм востребован в тех ситуациях, где правительства сталкиваются с устареванием или отсутствием инфраструктуры, потребностью более эффективных услуг, где партнерство с частным сектором может помочь формированию новых решений и привлечь финансирование» [96]. Основными формами ГЧП Всемирным банком названы *концессии* (частная компания предоставляет услуги непосредственно населению и берет на себя риски) и *проекты «строительство – эксплуатация – передача»* (Built-Operate-Transfer) [97]. С нашей точки зрения базовые *формы (модели)* ГЧП таковы:

– *концессия*, в которой государство передает концессионеру право на эксплуатацию природных ресурсов, объектов инфраструктуры с частичной передачей правомочий собственности (обычно прав пользования, управления). Концессии могут создаваться как для создания новых объектов (в форме «проектирование/ строительство/ финансирование» (Design-Build-Finance), «строительство/ передача/ управление» (Build-Transfer-Operate), «строительство/

передача/ управление» (Build-Transfer-Operate), «строительство/ владение/ управление» (Build-Own-Operate)), так и для эксплуатации существующих («эксплуатация и техническое обслуживание» (Operations and maintenance Concession)). Продолжительность – от 1 до 30 лет.

– *кооперация*, в которой создаются фонды для реализации инвест-проектов, целевые программы, проектное финансирование, создаются совместные предприятия с долевым участием частного капитала в государственном предприятии.

– *в договорной модели* государственные предприятия приглашают «частников» выполнять определенные работы, заключают соглашения о разделе продукции. Могут заключаться контракты на поставку, техническую помощь, оказание услуг. К примеру, *в модели оператора* заключаются договоры на управление, на обслуживание (сервисный контракт, доверительное управление). При использовании *аренды и лизинга* формируется партнерство с разделенными правами собственности, применяется кредитование для приобретения станков и оборудования.

Основными *сферами реализации* ГЧП являются строительство, транспорт, энергетика, наука и инновации, социальная сфера: объекты здравоохранения, образования, спорта, культуры. В какой бы форме и сфере не реализовывалось ГЧП, его выгода очевидна и для граждан государства. «Это в первую очередь качественное и количественное развитие общественно значимой инфраструктуры ... что, безусловно, подразумевает стабильное оказание услуг населению на качественно новой основе по доступным ценам» [94, с. 32].

Взаимовыгодное партнерство государства и бизнеса возможно только в случае выполнения договорных обязательств на основе принципов ГЧП. А. Н. Тур выделил следующие принципы: законность; поддержка и поощрение развития государственно-частного партнерства со стороны правительства и других государственных органов на всех уровнях управления; учет интересов и потребностей населения; эффективность и консолидация использования ресурсов партнеров; добросовестность и равноправие сторон; взаимная ответственность; экологичность; соответствующий уровень квалификации при сопровождении проекта [94, с. 34].

Партнерство государства и бизнеса – важный фактор политического процесса. С политологической позиции ГЧП следует изучать как с институциональной точки зрения (нормативно-правовая база и институциональная структура, обеспечивающая реализацию ГЧП), так и с точки зрения моделей взаимодействия власти и бизнеса, в т.ч. с точки зрения влияния состояния и динамики политического поля на модели взаимодействия власти и бизнеса. Можно выделить *модели политического взаимодействия государства и бизнеса*: модель высокой автономии бизнес-структур и их прямого влияния на государство;

патерналистская модель с доминирующей ролью государства (в значительной степени благодаря гипертрофии контрольных функций); модель допущения участия бизнес-структур в формировании государственной политики.

Специфика ГЧП зависит от уровня развития государства и основных направлений его общественной политики. При этом суть ГЧП не меняется в зависимости от страны реализации – это взаимная выгода государства и бизнеса. ГЧП является типом сотрудничества между государством и частным сектором, которое создает новый подход к управлению экономическими рисками и к сочетанию взаимодополняющих навыков.

На основе сравнительного анализа нами выявлены факторы, влияющие на развитие ГЧП:

- 1) принятие политического решения о партнерстве, стабильная политическая система, создающая условия для ГЧП;
- 2) формирование нормативно-правовой базы и специализированной институциональной структуры, включающей регулирующие органы, в т.ч. рабочие группы для отбора, поддержки и мониторинга реализации проектов ГЧП;
- 3) контроль государства за финансовыми потоками,
- 4) учет интересов частного сектора, распределение рисков между сторонами партнерства и институционализация средств урегулирования споров;
- 5) достижение открытого диалога между партнерами и конечными потребителями, развитие публичного дискурса о проектах ГЧП.

Фон для стадийного развития ГЧП – рост общей культуры населения, включая культуру предпринимательской деятельности, а также политическую и правовую составляющие культуры. Необходимы социальная ответственность бизнеса, ориентация на получение прибыли при условии предоставления качественных товаров и услуг в условиях конкуренции, стремление к формированию позитивного образа и репутации частных фирм.

Помимо декларируемых и очевидных преимуществ ГЧП следует брать в расчет последствия указанной практики: гарантии государства для бизнеса в случае кардинального изменения рыночной конъюнктуры, форс-мажорных обстоятельств (к примеру, природных катаклизмов), а также вероятную практику коррупционных схем сращивания интересов бизнеса и государственных служащих. Важен учет рисков и вероятных потерь при реализации проектов ГЧП.

3.5 Государственно-частное партнерство в Республике Беларусь

В Республике Беларусь ГЧП активно обсуждается в рамках общественного и политического дискурса как один из эффективных инструментов инновационного развития страны. Об этом свидетельствует множество научных и журналистских публикаций, образовательных семинаров с участием государственных управленцев

разного уровня, международных встреч [98]. Это обусловлено тем, что в настоящее время Республика Беларусь испытывает значительный дефицит инвестиций. ГЧП является способом реализации инфраструктурных проектов, с целью повышения конкурентоспособности и качества предоставляемых услуг. Проект Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 г. определяет ГЧП как неотъемлемый атрибут нашей экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе [99].

Обратимся к белорусскому официальному дискурсу по проблемам ГЧП. Анализ посланий, выступлений и нормативных актов Президента Республики Беларусь, основанный на выявлении *ключевого словосочетания* «государственно-частное партнерство», показал, что данное понятие было закреплено в:

– Директиве Президента Республики Беларусь № 3 от 14 июня 2007 г. (указывалось на необходимость «обеспечить формирование и развитие системы государственно-частного партнерства, предусматривающей вовлечение частного бизнеса в процесс создания инновационной экономики»);

– Докладе Президента на четвертом Всебелорусском народном собрании (6 декабря 2010 г.);

– Директиве Президента № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» от 31 декабря 2010 г. (предлагалось «сформировать правовую базу, стимулирующую развитие в Республике Беларусь механизмов государственно-частного партнерства»);

– ряде выступлений Президента в 2011 г., в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2011 г., в Послании 8 мая 2012 г., в ответах на вопросы на Пресс-конференции для белорусских и зарубежных СМИ 15 января 2013 г.;

– Указе № 26 «О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3» от 26 января 2016 г. (в части о приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства, об организации производств, основанных на технологиях V и VI технологических укладов указано: «обеспечить формирование и развитие системы государственно-частного партнерства, предусматривающей вовлечение частного бизнеса в процесс создания инновационно ориентированной экономики»);

– выступлении Президента на вручении дипломов доктора наук и аттестатов профессора научным и перед научно-педагогическим работникам 12 февраля 2016 г.

Таким образом, можно выявить следующую тенденцию: от введения термина «ГЧП» в официальный политический дискурс (2007 г.), к дискуссионной актуализации проблематики партнерства и далее – к официальному нормативно-правовому закреплению феномена (2015 г. был принят Закон «О государственно-частном партнерстве») и переходу к системному формированию феномена ГЧП в

публичном дискурсе 2016 г. В научном дискурсе проблематика ГЧП нашла активное отражение с 2006 г. (данные приводятся на основе анализа фондов Национальной библиотеки Республики Беларусь). Количество публикаций по данной проблематике нарастает: к примеру, на 19.06.2016 г. – поисковик Национальной библиотеки по запросу «государственно-частное партнерство» выдал 628 публикаций, на 28.08.2016 г. – 642 публикации.

Переломным моментом в становлении института ГЧП стало принятие Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» от 30.12.2015 г. № 345-З. Закон разработан с учетом мировой практики ГЧП в сотрудничестве с ведущими международными экспертами в данной области и «направлен на привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь, определяет правовые условия государственно-частного партнерства, регулирует общественные отношения, складывающиеся в процессе заключения, исполнения и расторжения соглашений о государственно-частном партнерстве» [100]. Закон предусматривает, что государственными партнерами в рамках проектов ГЧП могут являться Республика Беларусь или административно-территориальная единица. Частным партнером ГЧП вправе выступить: юридическое лицо, иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом и индивидуальный предприниматель [100].

Законодательная база для развития ГЧП также включает нормативные акты, регулирующие заключение концессий, ведение инвестиционной деятельности, соглашения о разделе продукции. В нашей стране взаимодействие государства и бизнеса могут быть реализованы в форме соглашения о ГЧП; концессионного договора; инвестиционного договора с Республикой Беларусь.

Законом (ст. 6) определены следующие этапы проекта ГЧП: подготовка, рассмотрение и оценка предложения о реализации проекта ГЧП ; принятие решения о реализации проекта; конкурс по выбору частного партнера для заключения соглашения; заключение и исполнение соглашения. Подготовку предложений о реализации проектов ГЧП в Республике Беларусь осуществляют: государственные органы и иные государственные организации, подчиненные Президенту Республики Беларусь, республиканские органы государственного управления и иные государственные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы, а также Юридические лица, иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами, индивидуальные предприниматели [100]. Подобная формулировка субъектов государственно-частной инициативы не исключает участие граждан в инициировании проектов государственно-частного партнерства. Все органы государственной власти Республики Беларусь аккумулируют и агрегируют интересы граждан.

Исходя из задач политического анализа, А. А. Семенин выделил следующие этапы ГЧП:

- 1) формирование политики по развитию ГЧП,
- 2) поиск потенциальных проектов,
- 3) анализ отдельных проектов,
- 4) транзакционный менеджмент,
- 5) управление проектами, мониторинг и принуждение к исполнению обязательств по контракту ГЧП [101, с.5].

На первом этапе определяются приоритетные сектора экономики и возможные формы сотрудничества государства и бизнеса. Здесь можно привести цитату А. И. Попандопуло: «рамки для возможных моделей взаимоотношений государства и бизнеса задает правящий политический режим» [91, с.15]. На втором этапе идет поиск подходящих проектов. Например, в Южной Корее и ЮАР инициативы одновременно могут исходить от государственных организаций и частных компаний. Третий этап – анализ и отбор проектов. Четвертый этап связан с процессом государственных закупок. Пятый этап – проверка исполнения контрактных обязательств инвестором, работ и услуг по установленным договором ценам [101, с.6].

Важным вопросом реализации ГЧП в Республике Беларусь является заинтересованность частного бизнеса в участии в решении социально значимых проблем. С одной стороны, любой проект в рамках ГЧП может быть рассмотрен как социальный. Закон в качестве основных задач ГЧП называет «создание условий для обеспечения устойчивого социально-экономического развития ... Республики Беларусь», «повышение уровня жизни населения» и «обеспечение роста занятости населения» [100]. С другой стороны, возможно ли привлечь бизнес в собственно социальные проекты (социальное обслуживание, здравоохранения, образование, культура). Эксперт группы специалистов по ГЧП Европейской экономической комиссии ООН В. Максимов заявил, что «для прихода бизнеса в социальные проекты необходим явный призыв государства». По мнению эксперта, для привлечения бизнеса в социальные проекты необходима гарантия частичного или полного возврата инвестиций [цит.по: 102].

При реализации ГЧП необходимо учитывать два момента. Во-первых, инвестиционная привлекательность проекта определяется индивидуальным бизнес планом и не предполагает автоматического исключения проектов в области социального обслуживания, здравоохранения, образования, культуры. Во-вторых, необходимо учитывать, что частным партнером в ГЧП может выступать субъект, не преследующий цель получения прибыли или сверхприбыли. Белорусский исследователь Е. П. Борушко отмечал, что частными субъектами ГЧП выступают не только инвесторы, частные компании, кредитно-финансовые организации, но и общественные объединения предпринимателей и мировые институты развития [103, с. 81]. Отметим, что в Законе предусмотрен такой участник ГЧП как кредитор частного партнера [100].

В настоящее время в Республике Беларусь реализуется 7 проектов ГЧП. Из них один по строительству детских дошкольных учреждений в регионах Минской области, второй – реконструкция учреждения здравоохранения в городе Гродно. В обоих проектах преимущество ГЧП обозначено как «получение стабильного долгосрочного дохода на вложенный капитал», «гарантия сбыта и загруженности мощностей на долгосрочной основе», а затем «повышение имиджа компании» и «формирование кредитной истории и роста кредитного рейтинга» [98].

Важную роль в процессе развития ГЧП играет проект международной технической помощи «Укрепление национального потенциала в области применения механизмов ГЧП в Республике Беларусь», финансируемый Европейским союзом и реализуемый ПРООН. Как отмечала куратор проекта Е. Дадеркина, «Беларусь обладает необходимым потенциалом и благоприятными условиями для реализации проектов», однако «имеет место проблема непонимания сущности этого института и его отличия от иных форм сотрудничества власти и бизнеса, а также отсутствие базовых знаний об этом механизме у работников органов государственного управления, банковского и строительного секторов» [104].

Успех государства в решении социально значимых проблем зависит и от умения выбрать «правильного» частного партнера. Именно поэтому Закон предполагает «проведение конкурса по выбору частного партнера для заключения соглашения» по ГЧП [100]. С нашей точки зрения, именно этот этап и отражает дискурсивное измерение ГЧП в формулировании и решении социально значимых проблем.

В ряде стран создаются специализированные институты и аналитические центры для развития ГЧП. Лидирует в этом плане Великобритания, где в начале 1990-х гг. была создана «Частная финансовая инициатива», а в 1999 г. создан центр Partnerships UK (просуществовал до 2011 г.). В ЕС в 2004 г. опубликована «Зеленая книга» по развитию ГЧП. В ЕС применяются два основных вида ГЧП – концессионные соглашения и государственные закупки. В 2011 г. по инициативе Европейской комиссии и Европейского банка, а также государств-членов ЕС и стран-кандидатов был создан Европейский экспертный центр ГЧП (European PPP Expertise Centre – ЕРЕС – <http://www.eib.org>).

В Китае уже в 1990-е гг. во многих провинциях реализовывались совместные проекты по строительству электростанций и водоканалов. В 2003 г. создан China Center for Public-Private Partnerships.

В России в 2008 г. создан Центр развития ГЧП при Внешэкономбанке и при поддержке Торгово-промышленной Палаты с 2009 г. действует Центр развития ГЧП, с 2013 г. действует официальный ресурс Единая информационная система государственно-частного партнерства в Российской Федерации (<http://pppi.ru>).

В Республике Корея за развитие ГЧП отвечают государственные организации: Министерство стратегии и финансов, Центр управления инвестициями и развития государственной и частной инфраструктуры при Корейском институте развития. Принятие программы «строительство-передача-лизинг» знаменовало новый этап развития ГЧП (<http://www.pimac.org>). В Казахстане действует Казахский центр по развитию ГЧП (<http://kzppp.kz>), реализована Программа по развитию государственно-частного партнерства на 2010-2014 гг. В Израиле проекты ГЧП курируются Канцелярией Главного Казначейя Министерства финансов Израиля, а также страховая компания INBAL, принадлежащая правительству Израиля.

В Республике Беларусь основным институциональным посредником и «агитатором» ГЧП является созданный в 2014 г. *Центр государственно-частного партнерства Республики Беларусь* при Министерстве экономики Республики Беларусь. В задачи Центра входят следующие мероприятия: проведение консультаций и оказание методологической поддержки органам государственного управления по развитию государственно-частного партнерства; организация деятельности и мероприятий, направленных на повышение потенциала и уровня знаний представителей государственного и частного секторов по проблемам ГЧП; оказание содействия органам государственного управления по координации, подготовке, управлению, анализу и информационному обеспечению ГЧП на всех этапах; привлечение зарубежных и частных партнеров для реализации планов ГЧП [104]. Так, Д. Березовский, начальник Центра ГЧП при Министерстве экономики, считает, что «наличие специализированного закона по вопросам ГЧП служит своего рода индикатором проводимой политики государства в этой области и является стимулирующим фактором для частного бизнеса» [цит. по 105].

Важным звеном в реализации ГЧП в Республике Беларусь является и *Межведомственный инфраструктурный координационный совет* (МИКС), в сферу деятельности которого входило формирование Национального инфраструктурного плана и отбор проектов ГЧП [106].

А.И. Абдрахмановым сделан вывод о том, что «успешность развития ГЧП как фактора модернизации и инструмента реализации официально закрепленных целей и задач развития страны коррелирует с необходимостью концептуального изменения модели государственного управления (в сторону «активизирующего государства»)» [89, с. 15]. Именно государству необходимо выступать инициатором проектов ГЧП. Решение социально значимых проблем должно выгодно презентоваться государством как материальная выгода для бизнеса в долгосрочной перспективе и как нематериальная выгода в краткосрочной. При этом не стоит забывать, что частный сектор чувствителен к благоприятному бизнес-климату и, безусловно, налоговым преференциям.

Республика Беларусь последовательно реализует политику ГЧП, уделяя особое внимание не только обучению специалистов органов государственного управления, но и подготовке национального законодательства в этой сфере. Проводится активная работа над приведением актов законодательства Республики Беларусь, разработан Национальный инфраструктурный план на период с 2016 по 2030 гг. Однако количество самих проектов не отвечает потенциалу белорусской экономики и социальным требованиям времени. Это означает необходимость более динамичного внедрения темы ГЧП в политический дискурс Республики Беларусь.

Социальная политика государства в форме ГЧП – это «инвестиции государства в самого себя», направленные на повышение совокупной социальной капитализации общества. Социальное партнерство направлено в первую очередь на то, чтобы в перспективе активным партнером государства стало само население. Такой модус самовоспроизводства государства требует равного и должного развития всех сфер жизнедеятельности общества. Однако отправным состоянием повышения активности населения является «общество знаний», способное не только мотивировать население на развитие, но и стать непосредственным ресурсом этого развития.

3.6 Государственное регулирование совокупной капитализации субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь

Глобальные изменения с силу масштабности происходящих событий проявляются в росте социальных и экологических рисков, снижении социальной безопасности, требованиях к скорости реагирования на стресс. Концепция устойчивого развития, как ответ на вызовы, связанные с рисками глобализационного развития, стала неотъемлемой частью международного политического дискурса. Основой устойчивого развития выступает развитие и накопление *человеческого капитала*.

Капитализация человеческого потенциала (и такой его составляющей, как интеллектуальный капитал) находится в авангарде обеспечения жизнедеятельности социума. Традиционная роль государства как регулятора этого процесса возрастает, в силу требования быстрой и адекватной реакции, как на инновации социального воспроизводства, так и на деструктивные практики. Социальная капитализация человечества затрагивает и Республику Беларусь. Необходимость включения в глобальные процессы в рамках суверенного пути развития возлагает на белорусское государство ответственность за качество и своевременность реформ. В этой связи особое значение приобретает высшее образование и сфера науки. С одной стороны, как объекта модернизации, с другой стороны, как носителя и двигателя совокупного субъекта интеллектуального капитала страны.

Концепция устойчивого развития (частью которой и является идея человеческого капитала / человеческого потенциала) появилась в результате объединения экономической, социальной и экологической точек зрения на проблему современности и роль человека в ней. Экономический подход акцентирует внимание на рациональном использовании ресурсов. Экологический подход требует соотнести человеческую деятельность с возможностями восстановления природной среды. Социально-политический – на стабильности жизни человека и справедливости распределения благ.

ООН понимает под устойчивым развитием состояние мировой цивилизации, отвечающее «потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [107]. В продолжение программных установок ООН, Всемирный банк определил устойчивое развитие как «процесс управления совокупностью активов, направленный на сохранение и расширение возможностей, имеющихся у людей». Понимание ограниченности и истощения природного капитала Земли побуждает Всемирный банк (как «мирового координатора») делать акцент на человеческом капитале и его потенциале для постиндустриального общества [108]. «Общество знаний», «экономика знаний», основанные на инвестициях в человеческий капитал, признаны гуманистическим вариантом для современного развития.

Формирование *теории человеческого капитала* пришлось на конец 1950-х начало 1960-х годов и связано с идеями американских экономистов Т. Шульца и Г. Беккера. Хотя есть мнение, что интеллектуальными истоками теории человеческого капитала является российская экономическая наука XIX начала XX веков с ее социальной направленностью, что особенно проявилось в трудах С. Н. Булгакова. (Также отмечают труды Н. А. Бердяева, В. К. Дмитриева, И. Н. Миклашевского, П. Б. Струве, И. И. Янжула) [109, с.46]. В 1960 г. вышла статья Т. Шульца «Образование как источник формирования капитала» (*Journal of Political Economy*), а в 1961 году – «Инвестиции в человеческий капитал». Г. Беккер в 1962 году опубликовал статью «Инвестиции в человеческий капитал», а два года спустя, был издан его труд «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ».

Т. Шульц и Г. Беккер в своих исследованиях человеческого капитала уделяли первоочередное внимание *капиталу образования*. Так Т. Шульц пришел к выводу, что ФРГ и Япония смогли быстро восстановиться после второй мировой войны, так как их экономика опиралась на образованное население. Т. Шульц стал популяризатором идеи образовательного капитала, особенно для развивающихся экономик [110, с.40–56]. Г. Беккер, развивая идеи Т. Шульца, осуществил статистический подсчет экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал в целом, и в образование в частности [111]. Он исходил из того, что

«повышение уровня образования будет способствовать улучшению состояния здоровья» человека, что в итоге принесет экономический эффект [112].

Ряд исследований, посвященных проблеме человеческого капитала, капитала образования привели к тому, что в общественном дискурсе сложилось устойчивое понимание: «затраты на образование превращаются в такие последствия развития интеллекта, культуры человека, которые являются определенным вознаграждением, прибылью как для самого человека, так и всего общества» [109, с. 63].

Человеческий капитал – это совокупность качеств человека как активного социального актора, которые формируются благодаря общественным инвестициям в его развитие и имеют обратный эффект в виде конструктивной социальной отдачи.

Основными фондами человеческого капитала являются следующие:

- интеллектуальный капитал, включающий образовательный фонд, фонд науки, инновационный фонд;
- фонд подготовки на производстве (квалификация, навыки, производственный опыт);
- фонд здоровья;
- фонд миграции, обеспечивающий мобильность работников;
- фонд мотивации экономической деятельности [113, с. 84].

Можно предложить также определение *социального капитала* – это социальное доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешного сотрудничества в условиях, основанного на демократии социального и политического взаимодействия (на макросоциальном уровне); это знания и ресурсы отдельной личности, формируемы и используемые в рамках социальных организаций (на макросоциальном уровне).

Белорусский социолог С. А. Шавель указывает: «по мере усложнения всех видов деятельности и повышения ценности и ответственности рабочих мест, все более настоятельной становится потребность в точном определении возможностей человека с точки зрения их соответствия ролевым ожиданиям, деловым требованиям конкретной деятельности – работы, учебы, службы и т. д.» [114].

Концепция устойчивого развития, теория человеческого капитала и понимание социально-экономического эффекта от инвестиций в образование оказывает влияние на формирование определенной социальной политики государства. Политика развития человеческого капитала становится областью взаимодействия институтов государства, гражданского общества и бизнеса, которая способна создать прочную базу для социального партнерства нового уровня. Новое широкое понимание капитала и введение в политико-общественный дискурс категории «*совокупная социальная капитализация*» отражает уровень развития общества и его ключевых социально-политических институтов.

Инвестиции в человеческий капитал являются неотъемлемым направлением политики всех государств. Развитие человеческого потенциала кладется в долгосрочные программы развития, инвестиции в его носят возрастающий характер. На настоящий момент именно в высокоразвитых странах человеческий капитал стал основным драйвером экономического развития. Удельный вес человеческого капитала в высокоразвитых странах составляют до 80 % их национального богатства, тогда как в странах СНГ только 50 % [115, с.109].

Развитие человеческого потенциала признано критерием международной конкуренции государств. Так, согласно «Индексу человеческого развития» 2015 г. Республика Беларусь занимает 50 место и относится к группе стран с высоким уровнем человеческого развития [116]. Беларусь и Россия вошли в группу стран с высоким уровнем индекса человеческого развития с индексами 0,798 (<http://report.hdr.undp.org/>). Несмотря на этот высокий показатель, определенные трудности экономического развития нашей страны, по мнению белорусского исследователя Ф. П. Витко, связаны с «нерациональным и неэффективным использованием человеческого потенциала» [117, с.70].

Отметим, что сама идея человеческого капитала действительно предполагает широкое понимание экономики. Инвестиции в человеческий капитал как инвестиции в экономическое развитие государства – это многоуровневый процесс, который включает развитие образования, науки, здравоохранения, культуры, гражданской и предпринимательской инициативы, коридоров социальной и профессиональной мобильности, информационного пространства, а также накопление результатов этих инвестиций и развитие самих носителей человеческого капитала. Поэтому, несмотря на главенствующее значение государства в развитии экономики знаний, надо понимать, что его деятельность в этом направлении расчленяется на множество политик со своими субъектами и особенностями управления, а также поставленными целями, задачами и границами ответственности и компетенции.

Совокупная капитализация субъектов социального пространства нами определена как целенаправленная деятельность государства во взаимодействии с гражданским обществом и коммерческим сектором по развитию *человеческого капитала* по следующим составляющим: инновационно-технологической, интеллектуальной, профессиональной и информационной, а также *социального капитала*, отражающего развитость социальной структуры в средство инновационного развития и политической эффективности.

Инструменты государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства включает спектр мер социальной политики в сфере занятости и социально-трудовых отношений, социального обеспечения и защиты, политики в области здравоохранения, образования, науки, культуры, формирования дружественной окружающей среды. К ним также можно отнести

политическое проектирование социального пространства, которое осуществляется, как уже было показано в предыдущих отчетах, официальными и неофициальными субъектами политического процесса. Общие направления и инструменты государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства закрепляются в программных документах национального развития. *Программа социально экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 гг.* (как пример общенационального политического проектирования социального пространства) в качестве главной цели национального развития на указанный период определяет повышение качества жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики, привлечения инвестиций и инновационного развития. Приоритеты государственной политики на период *2016 – 2020 гг.* : инвестиции (в том числе новейший опыт и технологии), занятость, экспорт, информатизация и молодежь.

Одним из главных направлений политики человеческого капитала является *государственное регулирование совокупной капитализации субъектов социального пространства на уровне образования*. Образование/образованность – это накопленный и регулируемый интеллектуальный капитал. Этот капитал играл существенную роль на всем протяжении человеческой истории, однако только сравнительно недавно приобрел массовый характер. В современном мире именно люди, обладающие большим объемом знаний, информации, занимают более выгодные места в жизни. Физический труд уступает место умственному труду; знание становится основным фактором создания прибавочной стоимости; интеллектуальный потенциал – одним из критериев оценки успешности государственного строительства. Это и определяет увеличившиеся инвестиции в интеллектуальный капитал как в совокупность всех знаний и умений человека, организации или социума, делающих их способными к самовоспроизводству, развитию и конкуренции.

Уровень интеллектуальной капитализации общества определяет как устойчивость его систем (экономической, политической, культурной), так и задает темп и характер обновления общества. В мире тотальной конкуренции и быстрого темпа развития интеллектуальный капитал стоит в авангарде социального прогресса и социальной адаптации.

Авторы монографии «Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование» называют следующие особенности интеллектуального капитала:

- формирование интеллектуального капитала требует значительных инвестиций (в наукоемких отраслях инвестиции в интеллектуальный капитал могут достигать 40-50% всех инвестиционных затрат на инновации [118, с.739-740]);

- дополнительные инвестиции в интеллектуальный капитал не имеют предела активности; разработка и освоение кардинальных научно-технологических

решений может давать длительный сетевой эффект от «шлейфа инноваций» в других отраслях;

– интеллектуальный капитал требует разработки особых форм учета, оценки, возмещения, спецификации и защиты прав собственности по сравнению с физическим капиталом [109, с. 233-234].

Комплексный подход к оценке интеллектуального капитала предложен финским исследователем К. Э. Свейби [119]. Он выделил *четыре* категории методов оценки интеллектуального капитала:

– методы прямого измерения интеллектуального капитала, основанные на оценке в деньгах отдельных компонентов интеллектуального капитала;

– методы рыночной капитализации, с помощью которых вычисляется разность между рыночной капитализацией компании и собственным капиталом ее акционеров. Полученная величина – это стоимость ее интеллектуального капитала или нематериальных активов;

– методы отдачи на активы, которые позволяют сравнить средний доход компании с аналогичным показателем для отрасли в целом. Чтобы вычислить дополнительный доход от интеллектуального капитала, полученная разность умножается на материальные активы компании;

– методы подсчета очков идентифицируют различные компоненты нематериальных активов или интеллектуального капитала, которые затем генерируются в индикаторы (или индексы) для подсчета очков [119].

Высшее образование является важнейшим фондом интеллектуального капитала государства. Реализация стратегии устойчивого развития возможна только на основе первоочередного внимания к этой сфере общественных отношений. Благодаря высшему образованию формируется интеллектуальная элита как базис экономики знаний. Инновационная экономика невозможна без инновационного образования. От современности и адекватности высшего образования зависит адаптивная способность государства к вызовам глобализации.

Республика Беларусь уделяет особое внимание высшему образованию. Государственное регулирование происходит по двум основным направлениям: сохранение и воспроизводство достигнутого потенциала, а также его развитие. Это проявляется во взвешенной образовательной политике белорусского государства, где позитивный национальный опыт органично соотносится с новеллами международного образовательного пространства. Кодекс «Об образовании» Республики Беларусь среди основ государственной политики в сфере образования называет интеграцию «в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования» [120].

Республика Беларусь развивается, исходя из интересов белорусского народа. При этом наша страна активно включена в международные отношения и не может не учитывать системных требований глобального пространства. Это касается

тенденций высшего образования к его международной универсализации и стандартизации, к конкуренции в сфере экспорта образовательных услуг. Именно поэтому Республика Беларусь становится полноправным членом европейского пространства высшего образования в рамках Болонского процесса.

В Совместной Декларации Европейских министров образования «Европейское пространство высшего образования» (Болонья, 19 июня 1999 г.) отмечалось, что «Европа Знаний теперь широко признана как незаменимый фактор социального и человеческого роста и как обязательный компонент для объединения и обогащения европейского гражданства, способствующий предоставлению его гражданам необходимой компетентности для достойной встречи проблем нового тысячелетия, а также понимания общих ценностей и принадлежности к общему социальному и культурному пространству». Главная цель Болонского процесса – это «повышение международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования» [121].

Конкурентоспособность образования есть один из показателей уровня интеллектуального потенциала страны, а государственное регулирование конкурентоспособности – модус капитализации социального пространства Беларуси. На Республиканском совете ректоров учреждений высшего образования 2014 г. отмечалась необходимость «сконцентрировать внимание на отдельных элементах дальнейшей оптимизации национальной системы высшего образования в целях повышения качества и конкурентоспособности белорусской высшей школы» [122].

Значение Болонского процесса для капитализации интеллектуального пространства Беларуси раскрывается через цели и задачи Европейского пространства высшего образования. Цели:

- повышение качества и актуальности обучения и преподавания,
- содействие трудоустройству выпускников в течение всей их трудовой жизни,
- инклюзивность системы высшего образования,
- реализация согласованных структурных реформ [123].

Задачи (обязательства) Европейского пространства высшего образования, обозначенные в Ереванском коммюнике конференции европейских министров высшего образования:

- устранить препятствия для признания предшествующего обучения в целях обеспечения доступа к программам высшего образования и содействия присуждению квалификаций на основе ранее полученного обучения, а также поощрять высшие учебные заведения в области признания ранее полученного обучения;

– пересмотреть национальные рамки квалификаций так, чтобы траектории обучения в пределах рамки обеспечивали адекватное признание предшествующего обучения;

– сформировать исследовательскую группу по профессиональному признанию из числа стран и организаций, добровольно выразивших желание войти в нее;

– способствовать мобильности преподавательского состава с учетом рекомендаций Рабочей группы по мобильности и интернационализации;

– способствовать переносу грантов и займов с учетом рекомендаций Рабочей группы по мобильности и интернационализации;

– сделать наше высшее образование более социально ориентированным, применяя Стратегию социального измерения Европейского пространства высшего образования;

– гарантировать, что квалификации из других стран Европейского пространства высшего образования будут автоматически признаваться на том же самом уровне, который соответствует национальным квалификациям;

– предоставить возможность нашим высшим учебным заведениям использовать подходящее агентство, зарегистрированное в Европейском регистре оценки качества, для внешнего процесса проверки качества, уважая национальные требования для принятия решения по результатам обеспечения качества [123].

Значимой позицией в модернизации высшего образования Беларуси является Указ Президента Республики Беларусь о присоединении к «Конвенции о признании квалификаций в Европейском регионе» (2002 г.). В 2015 г. принята Дорожная карта по проведению Беларусью реформы системы высшего образования. Министерство образования, Республиканский институт высшей школы, университеты и общественные объединения включены в процесс поступательного и обдуманного вхождения Республики Беларусь в единое Европейское пространство высшего образования. Проводятся многочисленные совещания, конференции, круглые столы, а также ведется публицистическая и просветительская деятельность по этому вопросу.

А. И. Жук выделил следующие причины необходимости унификации национальных и международных подходов к развитию высшего образования Беларуси: «европейские корни белорусской системы высшего образования; необходимость совместных образовательных реформ в рамках Союзного государства; требования рыночной экономики и динамика социально-экономических изменений в белорусском обществе; рост популярности зарубежного образования среди граждан Беларуси; занятость граждан Беларуси на иностранных и совместных предприятиях, а также значительная доля белорусского экспорта в Европейский союз; расширение экспорта образовательных услуг» [124, с.3–4].

Республика Беларусь активно преобразует образовательную систему с целью повышения конкурентоспособности белорусского интеллектуального капитала. И главным здесь среди прочего является внедрение модели компетентности высшего образования и развитие модели непрерывного образования. Компетентностная модель подготовки специалиста с высшим образованием внедрена в образовательную практику Республики Беларусь в 2008 г. и стала основой образовательных стандартов ныне действующего поколения [125, с.7].

Разработан и введен в действие «Макет образовательного стандарта высшего образования первой ступени» (2006, 2013 гг.). Разработан и подготовлен к введению «Макет образовательного стандарта высшего образования второй ступени» (2011 г.). В основу *компетентностной модели специалиста* нынешнего поколения стандартов были положены Дублинские дескрипторы (элементы рамки квалификаций Европейского пространства высшего образования), которые устанавливают общие требования к результатам обучения на соответствующих уровнях и циклах высшего образования. На первой ступени высшего образования (бакалавриат) – речь идет о способности демонстрации знаний и понимания предмета познания; на второй ступени (магистратура) – об овладении системным мышлением в изучаемой области знаний; на высшей (послевузовской) ступени – об овладении мастерством исследователя [125, с.8].

М. А. Журавков (экс-министр образования Республики Беларусь) в 2015 г. отмечал: «Болонская система – гибкий инструмент, позволяющий адаптировать ее к реалиям конкретной страны» [126, с.3].

Модернизация системы образования основана на компетентностном практикоориентированном подходе. Во многих странах, в том числе в США, РФ и КНР, реализуется идея «*национального исследовательского университета*» (НИУ) как форма так называемой «кластеризации» (формировании групп взаимосвязанных компаний по отраслевому либо географическому признаку). В 2014 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь закреплено внедрение в экономику новых форм организации и интеграции науки, образования, производства и бизнеса – *инновационно-промышленных кластеров* (Постановление Совета Министров № 27 «Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и плана мероприятий по ее реализации»). Авторы монографии «*Инновационный стратегии глобализации*» считают, что для реализации концепции образовательных кластеров в Республике Беларусь необходимы:

– нацеленность глобальные стратегии научно-технологического развития и формирование национальных механизмов «экономики знаний»;

– интеграция с мировыми центрами развития, в том числе через экспорт/импорт образовательных услуг, научных и методических достижений,

свободную ротацию профессоров, аспирантов и студентов, а также доступную международную финансовую инвестиционную среду развития;

– формирование национальной элиты и новых инновационных подходов к социогуманитарному, культурному и технологическому развитию;

– обеспечение свободного ресурсного доступа к мировым источникам информации, глобальным культурным ценностям и мировым научным достижениям [127, с. 291].

Таким образом, приращение совокупной капитализации населения – это процесс государственного регулирования социального пространства. Современное высшее образование и высокий уровень интеллектуального капитала страны способствует не только удовлетворению запросов граждан и общества на доступ к получению качественного профессионального образования, но и достижению лидирующих позиций в научной и производственной сферах, закреплению международного авторитета белорусского государства.

4 Основные направления проектной деятельности органов государства по управлению социальным пространством в соответствии с потребностями национально-государственного строительства в Республике Беларусь, перспективы дальнейшего развития и практического использования полученных результатов

В ходе реализации проекта НИР достигнуты следующие результаты.

1) Выявлены основные направления применения теории социального и политического пространства, а именно: исследование полицентричных сетевых взаимодействий социальных акторов; сравнительный анализ эволюции политического мышления и политического дискурса официальных и неофициальных субъектов политики; функционирование дискурсивного контроля в структуре массовой культуры; исследование влияния диспозиций субъектов политического поля на функционирование политико-административной системы.

2) На основе структурирования уровней и компонентов политического мышления выявлены позитивистские, реалистические и интерпретационистские основания научного политического мышления, показана актуальность конструктивистского подхода в современных политических науках; структурированы проблемные ситуации, актуальные для массового сознания с точки зрения перспектив их постановки на повестку дня политики, а также регулятивных, распределительных и коммуникативных требований на «входе» политической системы; выявлены ключевые тенденции развития и базовые ценностные основания массового политического мышления в Беларуси.

3) Выявлено, что в Республике Беларусь в социально-проектной деятельности при определении различных направлений государственной политики доминируют институты государства; показано, что в социальном проектировании возрастает значение групп интересов, общественных объединений, политических

партий, СМИ, экспертного сообщества, действующих в рамках фрагментарного общественного дискурса; конкуренция за социальное проектирование в Республике Беларусь связана с борьбой за контроль над различными формами публичного дискурса. Обоснована трактовка государственного управления социальным пространством как формы социально-проектной деятельности и установления дискурсивного контроля над постановкой социально значимых проблем на повестку дня политики с опорой на ценностные ориентации массового политического сознания.

4) Выявлено, что эффективность социально-проектной деятельности и управления социальным пространством зависят от: установления государством дискурсивного контроля над постановкой политических проблем в пространстве массовой культуры; разработки национально-государственной символической политики как способа конкуренции в интерпретации социальности с целью противодействия внешнему дискурсивному контролю; внесения в повестку дня политики негосударственных социальных проектов с целью укрепления стабильности общества. Обрисована модель (план) поэтапного становления господства транснационального капитала в современном мире: вовлечение в потребление – принуждение к потреблению – участие в потреблении продукта транснационального капитала. Выявлены агенты (СМИ) и каналы этого процесса, а именно технологии массовой культуры и коммуникации: манипуляция экономическими потребностями с целью влияния на поведение масс; упрощение политического языка с целью стандартизации политического сознания и мышления; продвижение неолиберального проекта глобализации как универсального и обязательного для исполнения независимыми государствами.

5) Выявлено, что социальное партнерство и социальная работа выступают в качестве форм организации взаимодействия между государством, негосударственными объединениями и индивидами при реализации социальной политики государства; определено, что социальное партнерство формирует социальное взаимодействие в виде договорно-правовых отношений на макроуровне общества, а социальная работа располагает инструментарием регулирования социального взаимодействия на микроуровне социума; ядро социальной политики в государствах разного типа (в том числе в социальном государстве) составляет перераспределительная политика, реализацию которой следуют оценивать исходя из дихотомии между справедливостью и эффективностью; сравнительный анализ социального партнерства и социальной работы позволил выявить типы социальной политики по степени вмешательства государства в экономику и социальные отношения, а также замещения рыночного обмена бюрократическим распределением: неолиберальный, консервативно-корпоративистский и социал-демократический

6) На основе изучения белорусской нормативно-правовой базы и научных публикаций отечественных исследователей определено современное состояние и динамика ГЧП в формулировании и решении социально-значимых проблем в

Республике Беларусь; определена степень присутствия темы ГЧП в информационном пространстве Беларуси, выявлена тенденция динамики официального политического дискурса по проблемам государственно-частного партнерства.

7) Выявлены инструменты государственного регулирования капитализации субъектов социального пространства для реализации устойчивого развития страны; определено современное состояние и динамика государственного регулирования социального пространства в Республике Беларусь на примере системы высшего образования; проанализированы краткосрочные задачи модернизации высшего образования Республики Беларусь.

8) Сформулированы и обоснованы ведущие направления проектной деятельности государства в сфере управления социальным пространством в соответствии с задачей национально-государственного строительства в контексте обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь.

Руководителем НИР доктором политических наук, профессором Решетниковым Сергеем Васильевичем в ходе выполнения НИР выполнен концептуальный анализ эволюции политического мышления в социальном пространстве, проведено структурирование уровней и компонентов политического мышления. Выявлено значение политического сознания для постановки общественных проблем на повестку дня политики на примере Республики Беларусь (на данную тему подготовлена статья).

Руководитель данной НИР профессор С.В. Решетников в выступлениях на научных конференциях, семинарах, в публикациях обосновал научное понимание инструментария государственного регулирования социального пространства, совокупной капитализации его субъектов, включая политическое проектирование в системе образования и науки.

Проводилось исследование сущности и форм дискурсивного контроля в разных типах политических систем, а также политического дискурса официальных субъектов политического процесса Республики Беларусь. Выявлены особенности презентации социально значимых проблем в политическом дискурсе (на данную тему подготовлена статья), в том числе применительно к ГЧП.

Определены инструменты подготовки кадров высшей квалификации, специализирующихся в области политологии, государственной политики и управления в Республике Беларусь (на данную тему подготовлена статья).

Осуществлено общее руководство НИР, контроль над выполнением научно-исследовательской и технической работы членами ВНК, велись проверка и визирование документации. Профессором С.В. Решетниковым подготовлена и сдана в печать монография: «Политическая наука: методология и технологии», Минск, 2017.

Кандидатом политических наук, доцентом Антанович Ниной Арсеньевной в ходе работы над НИР проведена концептуализация понятий «социальное

пространство», «политическое пространство», «политико-административная система»; раскрыта концептуальная динамика в политической науке: от системных измерений к сетевым; раскрыта суть понятия «политическое пространство», подготовлена и опубликована статья на данную тему. На основе изучения трансформации социального пространства под влиянием динамики политического мышления, выявлены механизмы постановки проблем на повестку для политики, произведена типология повестки дня политики; проблемные ситуации, актуальные для массового сознания с точки зрения перспектив их постановки на повестку дня политики, структурированы с учетом групп требований на «входе» политической системы (на данную тему подготовлена статья).

Исследовался дискурсивный контроль в политике как инструмент реализации властных полномочий. Знание механизмов социального партнерства в реализации политики государства применено для изучения состояния ГЧП и презентации информации о ГЧП в публичном дискурсе в Республике Беларусь (на данную тему подготовлена статья). Выявлены типы социальной политики, раскрыто, что переосмысление роли государственных институтов происходит в маятниковом режиме. Исследована роль социальной рекламы как инструмента социальной политики государства.

Проведена работа по изучению инструментария государственного регулирования в подготовке кадров высшей квалификации в области политологии, изучалась роль системы высшего образования в накоплении интеллектуального капитала страны в области политологии (на данную тему подготовлена статья). Разрабатывала основные понятия и основные выводы НИР. Осуществляла координацию работы ВНК с ГУН БГУ, вела работу по составлению и редактированию текущей документации и отчетов.

Кандидатом политических наук Побережной Ольгой Евгеньевной в ходе работы над НИР проводилось исследование сущности понятий «социальное» и «политическое пространство»; значения политического сознания для постановки общественных проблем на повестку дня политики на примере Республики Беларусь (на данную тему подготовлена статья); механизмов формирования повестки дня общественной политики в условиях конкуренции государственных и негосударственных социальных проектов в пространстве функционирования массовой культуры.

Выявлены механизмы социального партнерства и социальной работы как управленческого инструментария реализации социальной политики. Выявлены модели формирования социальной солидарности, основанные на инкорпорации корпоративистского понимания выстраивания политико-властных отношений (горизонтально-вертикальные связи) в организацию социального взаимодействия на макро- и микроуровнях социальной структуры общества.

Определены концептуальные различия в формулировании целевых установок субъектов ГЧП в классической форме с привлечением частного бизнес-инвестора к решению структурных и институциональных государственных задач и использованием организационного потенциала бизнеса и общественных объединений для реализации социально значимых целей государства в контексте управления социальной сферой.

Выявлены основные направления организации социальной работы и её инструментарий. Определена роль социальной работы в организации и укреплении микроструктур общества и формировании социального пространства. Проанализировано участие институтов гражданского общества в осуществлении социальной работы и её основные направления в Республике Беларусь. Обоснована интернационализация социальной работы в условиях глобализации социальной солидарности (на данную тему подготовлена статья).

Выяснен инструментарий государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь. Осуществляла координацию работы ВНК с ГУН БГУ, вела работу по составлению и редактированию текущей документации и отчетов.

Кандидатом политических наук Михайловским Вадимом Сергеевичем в ходе работы над НИР выявлены подходы к пониманию массовой культуры, произведен критический анализ роли массовой культуры в символизации политического пространства и в политическом процессе Республики Беларусь. Исследование проведено по следующим направлениям: манипуляция экономическими потребностями и моделями поведения в политике, упрощение политического языка, стандартизация политического сознания и мышления, попытка подрыва легитимности белорусской государственной власти с целью укоренения неолиберального проекта развития как универсального. Сделан вывод о возрастающих угрозах для белорусской независимости со стороны массовой культуры глобального потребления, указана необходимость разработки собственной эффективной символической политики (на данную тему подготовлены тезисы для двух международных конференций).

Проведен концептуальный анализ сущности политического проектирования социального пространства, выявлены его субъекты. Изучена социально-проектная деятельность официальных и неофициальных субъектов политического процесса Республики Беларусь на основе сравнительного анализа политического дискурса.

Проведен сравнительный анализ подходов к пониманию и содержанию государственно-частного партнерства. На основе изучения белорусской нормативной базы и научных публикаций отечественных исследователей определено современное состояние и динамика государственно-частного

партнерства в формулировании и решении социально-значимых проблем в Республике Беларусь.

Исследовано государственное регулирование совокупной капитализации субъектов социального пространства (на примере системы высшего образования в Республике Беларусь). Выявлена схема государственного регулирования капитализации социального пространства. Проанализировано значение краткосрочных и долгосрочных программ Болонского процесса для интеллектуальной капитализации Беларуси. Рассмотрено влияние интеллектуальной капитализации на международную конкурентоспособность белорусской экономики и государственности. Внесен вклад в разработку основных понятий и выводов НИР.

Аспирантом Писарчик Алесей Сергеевной в ходе работы над НИР проводилось исследование сущности понятий «политическое поле» и «политическое пространство», выявлены механизмы дискурсивного контроля в условиях глобального коммуникативного пространства, в том числе средствами массовой культуры (по данной теме подготовлена публикация).

Принимала участие в сборе литературы по этапам концептуального анализа понятий «социальное партнерство», «социальная работа» и исследования функционирования данных объектов в качестве управленческого инструментария реализации социальной политики государства. Внесла вклад в концептуальный анализ понятий «человеческий капитал», «интеллектуальная капитализация социального пространства». Изучала государственное регулирование совокупной капитализацией субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь. Вела техническое оформление текущей отчетной документации, обеспечивала коммуникацию между членами ВНК и сотрудниками ГУН БГУ и БРФФИ.

Научная разработка данной темы исследования апробировалась руководителем и исполнителями НИР на 15 международных научных конференциях, а также на четырех круглых столах, научных и научно-практических семинарах. Результаты НИР в следующей научной продукции: монография – 1 (в печати); научно-методические, справочные, учебные – 3; статьи в рецензируемых научных журналах – 12, из них 4 находятся в печати; статьи в сборниках научных трудов, сборниках докладов конференций – 6; тезисы докладов/сообщений – 10; типовая программа – 1.

Разработки по отчетной теме НИР использованы в учебном процессе кафедры политологии юридического факультета БГУ в 2015–2016 гг. в лекционных курсах, семинарских занятиях по следующим учебным дисциплинам: «Теория и практика социального государства», «Политический менеджмент», «Общественная политика», «Государственная политика и управление», «Политическая идеология», «Теория принятия политических решений», «Организация избирательных

кампаний», при написании курсовых и дипломных работ студентами специальности «Политология», что подтверждено соответствующими актами внедрения (№ 0304/453 от 15.06.2016 г., № 0304/454 от 15.06.2016 г.). Разработки позволяют усовершенствовать практическую составляющую подготовки студентов политологов: сформировать четкие знания о механизмах связи теоретического и прикладного политического знания, сформулировать перспективные направления фундаментальных политических исследований в контексте современного этапа развития белорусского государства и общества.

Результаты НИР используются при разработке стандартов и учебных программ нового поколения 3+ в рамках вхождения Республики Беларусь в Болонский процесс и перехода на двухступенчатую систему образования.

Перспективы дальнейшего развития и практического использования полученных результатов: полученные результаты НИР могут служить теоретической базой применения методологии социального конструктивизма и социально-проектной деятельности для научного обеспечения формирования повестки дня государственных институтов, выработки и реализации общественной политики в Республике Беларусь. Результаты исследования расширяют и уточняют понятийный аппарат политической науки, методологию анализа общественной политики и государственного управления социальным пространством.

1) Установлено, что сформированная в исследовании модель пространственного измерения социальности обладает инструментальным объяснительным потенциалом для изучения государственного и политического управления. Предлагаются к внедрению в структуру научных исследований понятия «социальное пространство» и «политическое пространство».

2) Предлагается к внедрению в практику научных исследований в Республике Беларусь направление «Политическое пространство Республики Беларусь и современного мира», которое будет раскрываться с применением следующих концепций: «типические формы политического бытия», «многообразие форм политической жизни», «борьба идеологических проектов управления социальным пространством», «социальный конструктивизм в формировании символического пространства политики», «символический мир политики в знаковом пространстве культуры», «органичная и репрессивная символизация социального пространства». Предлагаются к внедрению в практику научных исследований в Республике Беларусь следующие темы: роль массовой культуры в политике; репрессивная символизация политического пространства, политическая конкуренция в интерпретации социального пространства; символическая политика государства; культура потребления как технология господства транснационального капитала.

3) Исследована роль политического языка в управлении социальным пространством, в формировании повестки дня политики и доминирующего политического дискурса. Раскрыты особенности внедрения в практику

политического языка в рамках информационного потока политических шаблонов и клише.

Предлагаются отправные концепты для формирования эффективной символической политики белорусского государства на основе модели поэтапного становления господства транснационального капитала в современном мире (вовлечение в потребление – принуждение к потреблению – участие в потреблении продукта транснационального капитала). Выявляются агенты и каналы этого процесса, экономические и политические функции массовой культуры потребления.

4) Рекомендовано к внедрению в преподавание учебной дисциплины «Политология» структурирование базовых ценностей политического сознания в Беларуси (мировоззренческие и социально-структурные ценности); структурирование типов повестки дня политики (публичная/общественная, институциональная, межличностная / микрогрупповая, информационная / «медийная» и воображаемая повестки).

5) Рекомендованы к внедрению в политическую науку и практику следующие дискурсы: механизмы постановки на повестку дня проблем различной значимости, политическое проектирование социального пространства как комплексная практика по достижению нового общественного уклада; регулятивные механизмы социально-проектной деятельности в политическом пространстве Республики Беларусь (социальное партнерство, государственно-частное партнерство и социальная работа).

6) Рекомендованы для внедрения механизмы государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства на примере высшего образования в Республике Беларусь: инвестиции в высшее образование → модернизация высшего образования → интеллектуальная капитализация нации → развитие человеческого капитала → формирование экономики знаний → реализация устойчивого развития.

Разработана *концептуальная модель* государственного управления социальным пространством, включающая: механизмы постановки на повестку дня политики социально значимых проблем; технологии дискурсивного контроля в структуре массовой культуры; механизмы социально-проектной деятельности (социальное партнерство, государственно-частное партнерство, социальная работа) как управленческого инструментария в сфере социальной политики; инструментарий государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства в системе высшего образования.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в дальнейших научных разработках и преподавании в вузах Республики Беларусь следующих учебных дисциплин: «Политология», «Государственная политика и управление», «Теория и практика социального государства», «Политический менеджмент», «Общественная политика», «Политическая идеология», «Теория принятия политических решений»,

«Методология политической науки», «Теория политических систем». Содержащиеся в исследовании положения и выводы могут быть использованы государственными структурами с целью принятия конкретных управленческих решений по реализации национально-государственных интересов, при формировании общественной политики; аналитическими службами министерств и ведомств при осуществлении социально-проектной деятельности в сфере конструирования социального пространства Республики Беларусь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования коллективом авторов НИР сделаны следующие выводы:

1) Проведенный анализ показал, что на протяжении десятков лет обобщающей категорией политической науки было понятие «политическая система». Концепции социального и политического пространства позволяют дополнить системный анализ исследованием полицентричных сетевых взаимодействий социальных акторов. В результате реализации НИР разработаны дефиниции и определен проектный потенциал категорий «социальное пространство» и «политическое пространство» в политической науке. Их отличительной характеристикой является социальный конструктивизм, направленный на разработку приемов символической и институциональной организации социума. Выявлено, что применение понятия «политическое пространство» позволяет анализировать несколько составляющих политической реальности:

– пространственную локализацию тех или иных политических институтов по линии «центр–периферия»;

– интерсубъективное и коммуникативное пространство взаимодействия акторов;

– символическое пространство борьбы за определенный идеологический проект устройства общества и государства.

2) На конфигурацию социального пространства в каждый исторический период влияет уровень развития сознания и мышления. Понятие «политическое мышление» как составная часть понятия «политическое сознание», отражает специфику аргументации как формы социально-политического дискурса и особенности эмоционально-психологического восприятия политики. Определены компоненты и уровни политического мышления. В качестве компонентов выступают ценности (имеют долгосрочный характер) и массовые настроения (ситуативны, связаны с объективными и конструируемыми проблемными ситуациями). *Научное мышление о сути политики* формирует научно-теоретический уровень, а *обыденное политическое мышление* об общественно значимых проблемах формирует массовый житейский уровень представлений о политике, переплетается с эмоциями, «ценностно окрашено».

Выявлены онтологические (постулаты о политическом бытии) и эпистемологические (познавательное отношение к миру политики) основания научного политического мышления. *Конструктивистской* подход в противовес позитивизму и реализму ориентирован на изучение того, как социальная реальность презентуется и интерпретируется официальными и неофициальными

субъектами политики. В данном исследовании использован конструктивистский подход и методология дискурс-анализа.

3) Показано, что обыденное политическое мышление проявляется в распознавании людьми конкретных проблемных ситуаций и реакциях на них. Проблемные ситуации влияют на формирование повестки дня политики, которая включает социально значимые и публично представленные вопросы, выстроенные в порядке приоритетности, требующие решения со стороны политических институтов.

Проблемные ситуации получают социальное звучание (дискурсивное измерение), будучи актуальными, как минимум для отдельных социальных групп, либо распространяясь на несколько социальных групп, формируя повестку дня политики. Структурированы *типы повестки дня политики*:

а) публичная/общественная и институциональная повестки (в зависимости от субъектов формирования);

б) личная, межличностная / микрогрупповая повестки (по уровню охвата социальных групп);

в) информационная / «медийная» и воображаемая повестки по коммуникативному критерию.

4) Выявлены *механизмы постановки проблем на повестку дня политики*: программы социально-экономического развития страны, послания главы государства, парламентские дебаты и законодательный процесс, официальные заявления высших должностных лиц государства; программы политических партий, программы и заявления кандидатов на выборах, обращения граждан в государственные органы, функционирование институтов гражданского общества, информационные и общественно политические публикации и программы СМИ, избирательный процесс, в ходе которого различные политические силы могут донести информацию о своих целях до граждан (стадия агитации).

Базовые ценности политического сознания в Беларуси классифицированы на *мировоззренческие* (стабильность и безопасность, национальная консолидация и чувство национальной гордости/идентичности, вопросы исторической памяти) и *социально-структурные* (работа/трудовые отношения, семья, конструирование полей социального влияния, социальные связи и т.д.). Данные группы ценностей влияют на актуализацию *проблемных ситуаций*, которые формируют повестку дня политики: национальная и общественная безопасность, социальная стратификация, распределение благ и социальная поддержка населения, отношения в системе «наниматель – работник», права собственности и дилемма частного – государственного, формирование окружающего физического пространства. Смысловое поле проблемных ситуаций, отраженных в массовом политическом сознании, охватывается рамками поисками образа будущего для белорусского общества.

5) Определены *этапы эволюции политического мышления* в социальном пространстве Беларуси:

– конец 1980-х – 1991 гг. – доминировала проблематика демократизации политической жизни и национальное возрождение;

– 1992 – 1994 гг. – определяющий этап в формировании политической системы, связанный с выбором типа власти (формы государственного устройства).

– вторая половина 1994 г. – ноябрь 1996 г. – «тестирование» массового политического мышления белорусского общества на выбор пути общественного развития, подтверждение преемственности политических позиций в запросе на стабильность политической системы и создание властной вертикали.

– конец 1996 г. по настоящее время – в социальном пространстве открываются «окна возможностей» и «политические потоки», происходит их соединение в единый процесс, что в итоге создает высокую вероятность принятия рациональных политических решений в соответствующих сферах государственного управления.

В результате работы над НИР выявлены тенденции в эволюции политического мышления в Беларуси:

– высокий уровень поддержки Главы государства означает поддержку политического курса развития страны, государственного регулирования экономики и социальных процессов;

– высокие ожидания по отношению к действующей государственной власти в сфере социальной поддержки и социальных гарантий;

– скептическое отношение либо настороженность по отношению к оппозиционным политическим силам, неверие в их способность решать практические проблемы жизни государства и рядовых граждан (оппозиционные акторы стремятся получить поддержку части населения, ориентированы на политическую альтернативу);

– идеологическую мозаичность массового сознания: переплетение элементов коммунистической, консервативной, социалистической и либеральной идеологий, доминирование ценностей социального равенства по отношению к свободе;

– многообразие толкования политических идей, когда может достигаться согласие на принятие определенных идей, однако их трактовка разнится;

– стремление к усилению элементов национально-культурной идентичности при доминировании процессов формирования гражданской идентичности, идущих под влиянием государственных институтов;

– традиционализм с опорой на выработанный опыт реагирования и интерпретации политических событий внутри страны и за рубежом, следование проверенным нормам и правилам поведения и взаимодействия в социальном и политическом пространстве;

– консолидированность общественного мнения при решении критических политических вопросов, сплочение перед ситуациями, представляющими угрозу стабильности и безопасности общества.

6) В результате сравнительного анализа определено, что социально-проектная деятельность субъектов политического процесса в Республике Беларусь разворачивается в рамках сложного взаимодействия государственной власти и иных субъектов (общественных объединений, политических партий, СМИ, экспертного сообщества). Выявлено, что обретения социальным проектом публичного и социально-критического характера недостаточно в современных условиях. Социальный проект должен содержать конкретные предложения по решению проблем, а также обладать бифуркационным потенциалом по отношению к сложившимся общественным отношениям.

Государственные институты в социально-проектной деятельности доминируют в силу центральной роли в решении публичных дел. Применяется селективная стратегия в отборе негосударственных социальных проектов, которая может использоваться для стабильности белорусского общественного процесса, а также для упреждения угроз легитимности. Показано, что отдельное внимание властных институтов должно быть обращено на возрастающее влияние спонтанных групп интересов в социально-проектной деятельности. Несмотря на продвижение своих проектов в информационном пространстве фрагментарного интернет-дискурса, эти социальные силы не несут должной ответственности за предложенные социальные проекты, что не дает возможности претендовать на практическую реализацию. В таких условиях конкуренция за социальное проектирование в Республике Беларусь связана с борьбой за контроль над различными формами публичного дискурса и символизации социального пространства. В этой связи важным стало разграничение органичной (естественной; исходящей из истинных интересов белорусского народа) и репрессивной (навязанной извне) символизации социального пространства Беларуси.

Обоснован вывод о том, что государственное управление социальным пространством связано с социально-проектной деятельностью и установлением государством дискурсивного контроля над постановкой социально значимых проблем на повестку дня политики с опорой на ценностные ориентации массового политического сознания.

7) Исследованы неолиберальный и неомарксистский (критический) подходы в анализе массовой культуры как особого способа символизации социального пространства. Выявлено понимание массовой культуры, с одной стороны, как особого состояния современной культуры в привязке к информационной революции, с другой стороны, как кризиса «культурного кода» человечества с перспективой формирования «мировой деревни» и «одномерного человечества».

Массовая культура рассмотрена как коммуникативная практика по закреплению определенных форм общественно-политического сознания посредством индустрии развлечений, информационных атак, «эстетизации политики».

Критический анализ роли массовой культуры в политическом процессе Республики Беларусь позволил сделать вывод о возрастающих угрозах со стороны массовой культуры глобального потребления. Функция (задача) массовой культуры должна привести в итоге к реализации интереса транснационального капитала как основного получателя доходов от современного глобального потребления в ущерб национальным интересам белорусского государства. Обрисована модель поэтапного становления господства транснационального капитала в современном мире (вовлечение в потребление – принуждение к потреблению – участие в потреблении продукта транснационального капитала). Выявлены агенты (СМИ) и каналы этого процесса, в частности экономические и политические функции массовой культуры потребления: манипуляция экономическими потребностями с целью влияния на поведение в политике; упрощение политического языка для стандартизации политического сознания и мышления; продвижение неолиберального проекта глобализации как универсального и обязательного к исполнению независимыми государствами. Указываются имеющиеся и должные ресурсы Беларуси для противодействия этому процессу – политический принцип «обдумываем глобальное – потребляем национальное».

Роль массовой культуры в политике демонстрирует, что современная политическая борьба все более уходит в семиотическое пространство. В результате обосновано, что разработка национально-государственной символической политики в рамках конкуренции за интерпретацию социальности важна для эффективного противодействия внешнему контролю и давлению.

При этом показано, что массовая культура как форма глобальной коммуникации, имеет и позитивное значение. Это связано с диалогом культур и как следствие со стабилизацией международных отношений.

8) Социальное партнерство и социальная работа рассмотрены как управленческий инструмент реализации функций социального государства. Проведен сравнительный анализ солидаристской и корпоративистской концепций, определяющих основы различных типов социальной политики. Солидаристская концепция формировалась в противовес «классовой борьбе» социалистов и «общественному договору» либералов. Корпоративистская концепция демонстрирует ключевую роль форм взаимодействия государства, бизнеса и групп интереса /общественных объединений в социальном развитии. Корпоративистские отношения могут приобретать форму «*трипартизма*» (система отношений государство–наиматель (в т.ч. бизнес) – профсоюзы), «*бипартизма*» (система отношений государство–профсоюзы с преобладанием позиции государства), а также *коммунитаризма* (расширение прямой инклюзивной демократии, развитие

государственно-частного партнерства). Поиск новых форм солидарности в перспективе может привести социальное партнерство в Беларуси к коммуитаризму, минуя «классический» трипартизм как форму солидарности классового общества.

Выявлено, что при негативном развитии корпоративизма могут возникать социальные дисфункции, проявляющиеся в исключении отдельных групп из макросоциального взаимодействия и предоставлении эксклюзивных возможностей избранным группам, в феномене «рентоориентированного поведения». Рационально в социальной политике создавать механизмы преодоления эксклюзивного поведения путем развития «общества-корпорации» и «государства-корпорации».

9) На основе сравнительного анализа форм социальной солидарности выявлены типы социальной политики: неолиберальный / англо-американский, консервативно-корпоративистский / франко-германский и социал-демократический / скандинавский. Их различия прослеживаются по степени вмешательства государства в экономику и социальные отношения, а также замещения рыночного обмена бюрократическим распределением.

Раскрыто, что переосмысление роли государственных институтов происходит в маятниковом режиме: от «минималистского» государства (которое сконцентрирована на поддержании законности и обеспечении безопасности) – к «максималистскому» государству (т.е. государству социальному, государства всеобщего благоденствия).

В государствах с «максималистской» социальной политикой, направленной на развитие человеческого потенциала, доминируют механизмы перераспределения ресурсов, что порождает ряд проблем: снижение темпов экономического роста; сокращение объема налоговых поступлений и рост налогов; снижение стимулов к производительному труду (в том числе в силу смягчения законодательства в сфере трудовых отношений); социального иждивенчества; бюрократизма и гипертрофии контрольных функций исполнительной ветви власти. Доминирование перераспределительного типа политики оправдано для растущих наций. А когда демографическая ситуация такова, что число лиц трудоспособного возраста сокращается, то нарастает бюджетный дефицит. В этих условиях качество человеческого капитала должно формироваться не только государством, но и путем раскрепощения инициативы общества при условии принятия рисков и ответственности гражданами на себя.

10) Механизмом реализации социальной функции государства выступает *социальная работа*, суть которой заключается в обеспечении социальных гарантий и направленной помощи социально незащищенным группам. Социальная работа осуществляется на *микроуровне* социально-стратификационной структуры в непосредственном контакте с отдельными группами и индивидами. Это позволяет

достигать более эффективного воздействия социальной политики государства на взаимодействия в базовых структурах общества.

Технологии и механизмы осуществления социальной работы разделены на следующие направления: социально-реабилитационная и социально-педагогическая деятельность, развитие сферы социальных услуг и государственного социального заказа, а также социальное проектирование. К социально-педагогической деятельности как форме социальной работы примыкает социальная реклама.

В Беларуси социальная работа является одним из приоритетных направлений деятельности Министерства труда и социальной защиты, а также его подразделений в местных органах власти. Особое место отводится государственному социальному заказу, который позволяет привлекать к осуществлению социальных функций НГО и НКО.

Технологией государственного управления социальным полем также является социальная реклама. Государство использует социальную рекламу как одну из важных технологий социальной политики. Как технология она служит:

а) отражению проблем, которые стоят на повестке дня (общенациональной либо местной);

б) выполнению государством своих функций в процессе принятия и осуществления политических решений;

в) амортизации, смягчению проявившихся социальных проблем и формирования социально-приемлемых, позитивно функциональных моделей социального поведения.

Социальная реклама создает эмоциональный фон, на котором проходит косвенная политическая проблематизация, т.е. государство формирует импульсы, активизирующие гражданскую активность и ответственное поведение. Социальная политика должна не только смягчать негативные социальные явления, но и помогать гражданам адаптироваться к меняющимся условиям жизни, формировать готовность к поддержке реформ.

11) Обеспечение конкурентоспособности государств в условиях новейших мировых процессов зависит от *качества человеческого потенциала*, которым обладают конкретные страны, движения по пути формирования «общества знаний». Соответственно, для этого требуется реализация функций государства в следующих сферах: социальное обеспечение образование и наука, здравоохранение. Наряду с концепцией развития сектора услуг, политический курс белорусского государства должен сохранять ориентацию на инновационную реиндустриализацию.

Социальное партнерство и социальная работа в рамках реализации стратегии социальной политики государства дополняют друг друга. В качестве эффективного инструментария они используются для конструирования устойчивого и

стабильного социального пространства скрепленного развитой социальной структурой. Через механизмы социального партнерства и социальной работы осуществляется привлечение гражданского общества к решению государственных задач.

12) Определено современное состояние и раскрыта динамика ГЧП в формулировании и решении социально значимых проблем и их переводе в политический дискурс.

Специфика ГЧП зависит от уровня развития государства и основных направлений его общественной политики. При этом суть ГЧП не меняется в зависимости от страны реализации – это взаимная выгода государства и бизнеса. ГЧП является типом сотрудничества между государством и частным сектором, которое создает новый подход к управлению. Теория и практика ГЧП коррелирует с концептуальным изменением модели государственного управления по линии «активизирующего государства».

Факторы, которые способны активизировать развитие ГЧП:

а) движение от принятия политического решения о партнерстве к выработке государственной политики по созданию условий для реализации проектов ГЧП;

б) формирование нормативно-правовой базы и специализированной институциональной структуры для отбора, поддержки, мониторинга и контроля реализации проектов ГЧП;

в) учет интересов частного сектора, распределение рисков между сторонами партнерства и институционализация средств урегулирования споров;

г) достижение открытого диалога между партнерами и конечными потребителями, развитие публичного дискурса о проектах ГЧП.

Для развития ГЧП важна социальная динамика, проявляющаяся в росте общей культуры населения, культуры предпринимательской деятельности, политической и правовой составляющих культуры. Необходимы социальная ответственность бизнеса, ориентация на получение прибыли при условии предоставления качественных товаров и услуг, стремление к формированию позитивного образа и репутации частных фирм.

В информационном пространстве Беларуси: ГЧП обсуждается в рамках общественно-политического дискурса как один из инструментов инновационного развития. Выявлена тенденция динамики официального политического дискурса по проблемам ГЧП: от введения термина «ГЧП» в официальный политический дискурс – к дискуссионной актуализации проблематики партнерства и далее – к официальному нормативно-правовому закреплению феномена ГЧП (2015 г.) и фазе перехода к системному формированию феномена политическом дискурсе к 2016 г. В научном дискурсе проблематика ГЧП нашла свое активное отражение с 2006 г.

Республика Беларусь последовательно реализует политику ГЧП, уделяя особое внимание не только обучению специалистов органов государственного

управления, но и подготовке национального законодательства в этой сфере. Проводится активная работа над приведением актов законодательства Республики Беларусь, разработан Национальный инфраструктурный план на период с 2016 по 2030 гг. Однако количество самих проектов не отвечает потенциалу белорусской экономики и социальным требованиям времени. Это означает необходимость более динамичного внедрения темы ГЧП в политический дискурс Республики Беларусь.

13) Раскрыт инструментарий государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства на примере системы высшего образования в Республике Беларусь. *Совокупная капитализация субъектов социального пространства* определена как целенаправленная деятельность государства, во взаимодействии с гражданским обществом и коммерческим сектором по развитию *человеческого капитала* (по следующим составляющим: инновационно-технологической, интеллектуальной, профессиональной и информационной), а также *социального капитала* (как отражающего развитость социальных связей и социальной структуры) в средство инновационного развития и политической эффективности.

Инструменты государственного регулирования совокупной капитализации субъектов социального пространства включает меры социальной политики в сфере занятости и социально-трудовых отношений, социального обеспечения и защиты, политики в области здравоохранения, образования, науки, культуры, формирования дружественной окружающей среды. К ним также можно отнести политическое проектирование социального пространства, которое осуществляется официальными и неофициальными субъектами политического процесса.

Значение образования в развитии и укреплении мирных демократических обществ получило признание на международном уровне. Устойчивое развитие Беларуси невозможно без наращивания интеллектуального капитала, формирующего социальное пространство. Приращение совокупной капитализации происходит в процессе государственного регулирования социального пространства.

Государственное регулирование социального пространства современной Беларуси основывается на прагматизме и взвешенных реформах. Модернизация образования имеет фундаментальное значение для становления экономики знаний и совокупной капитализации социального пространства. Вхождение Беларуси в европейское пространство высшего образования есть органичный шаг в реализации стратегии устойчивого развития страны. Развитие высшего образования и высокий уровень интеллектуального капитала страны способствуют достижению лидирующих позиций в научной и производственной сферах, закреплению международного авторитета белорусского государства.

14) Определены основные направления и сформулированы рекомендации по оптимизации деятельности государства в сфере управления социальным

пространством. Результаты исследования могут применяться в:

- практике вузовского преподавания в качестве учебного материала;
- монографических изданиях и учебных пособиях;
- идеологической работе по актуальным проблемам внутренней и внешней политики Республики Беларусь, в качестве информационно-методических материалов;
- работе информационно-аналитических структур, занимающихся проблемами оптимизации деятельности государственных институтов по реализации социально значимых целей с использованием средств ценностно-символического регулирования и применения механизмов социально-проектной деятельности в конструировании социальной реальности;
- подготовке экспертных оценок для органов государственного управления, занимающихся проблемами стратегии развития Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд [и др.]; науч. ред. пер.: М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М. : Аспект пресс, 2002. – 535 с.
- 2 Антанович, Н. А. Методология политического анализа процесса государственного управления / Н. А. Антанович. – Мн.: БГУ, 2012. – 247 с.
- 3 Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.У. Ларсена. – М. : РОССПЭН, 2009. – 751 с.
- 4 Штомпка, П. Социология социальных изменений /Пер, с англ, под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
- 5 Прохоренко, И. Л. О методологических особенностях анализа современных политических пространств / И.Л. Прохоренко // Полис. Политические исследования.– 2012. – № 6. – С.68-80.
- 6 Бурдые, П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.– 336 с.
- 7 Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. / Под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
- 8 Бикбов, А.Т. Пространственная схема социальной теории как форма объективации властного интереса теоретика: Парсонс, Фуко / А. Т. Бикбов, С.М. Гавриленко // Пространство и время в современной социологической теории. М.: Институт социологии РАН, 2000. – С. 33-65.
- 9 Аванесова, Г.А. Пространство социальное / Г.А.Аванесова, О.Н.Астафьева // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев.– М., 2014. – с. 367-368.
- 10 Филиппов, А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы. / А. Ф. Филиппов. – Электронный ресурс. Философско-литературный журнал «Логос». – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html – Дата доступа: 30. 05.2015.
- 11 Михалевский, Д.В. Формирование социального пространства и его структур (социально-философский анализ) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н. : 09.00.11/ Д.В. Михалевский. – М., 2011. – 26 с.
- 12 Performativity, Politics, and the Production of Social Space/ Edited by Michael R. Glass and Reuben Rose-Redwood. – NY.: Routledge, 2014. – 278 p.
- 13 Плугатаренко, П.Н. Современное политическое пространство: особенности и тенденции его формирования (теоретико-методологический анализ): автореф. дис ... канд. полит. наук: 23.00.01 / П. Н. Плугатаренко. – М. : Б.В., 2012 . – 21 с.
- 14 Гришин, Н. В. Политическое пространство как объект теоретических и прикладных политических исследований : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук: 23.00.02 / Н. В. Гришин; [Волгогр. акад. гос. службы]. – Волгоград, 2001. – 24 с.

- 15 Пушкарева, Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации / Г.В. Пушкарева // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – с.166-176.
- 16 Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля / [Д.Г. Ротман и др.]; под редакцией Д. Г. Ротмана, В.В. Правдивца. – Минск : Бел. гос. ун-т, 2007. – 139 с.
- 17 Политическая психология / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопап. – Ростов-на-Дону, 1996. – 450 с.
- 18 Баранов, Н.А. Трансформация политического сознания современного российского общества /Н.А. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Том 3. № 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С.87-103.
- 19 Sanders, D. Behavioralizm / D. Sanders /Teorie i metody w naukach politycznych. - Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006. - 361 s.
- 20 Geertz Clifford. The interpretation of cultures: selected essays / C.Geertz. New York: Basic Books, 1973. - 470 p.
- 21 Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. / М. В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.
- 22 Меньшиков, А. С. Как теоретизировать политику? / А. С. Меньшиков. //Полис. Политические исследования. – 2010. – № 1. – С. 82-101.
- 23 Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса [Электронный ресурс] / Р. Водак // Русский филол. портал. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/vodak-11.htm>. – Дата доступа: 16.01.2016.
- 24 Гаврилова, М. В. Критический дискурс анализ в современной зарубежной лингвистике / М. В. Гаврилова. – СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т, 2003. – 24 с.
- 25 Сартр, Ж.-П. Проблемы метода = Questions de methode / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. В. П. Гайдамака. – М. : Прогресс, 1993. – 240 с.
- 26 Митрохина, Т.Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти // Власть. – 2012. – №5. – С.4-8.
- 27 Казаков, А.А. Роль СМИ в устранении рассогласованности «повесток дня» в России: к постановке проблемы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litterref.ru/ujgujgujgujgqasotr.html> Дата доступа: 21.08.2015.
- 28 Казаков, А.А. Взаимодействие информационной и политической «повесток дня»: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. – 2011. Т. 11. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. – С. 70-73.
- 29 Гончарова, С. В. Исследования проблемы «повестки дня» в политической науке // Известия СПбУЭФ . – 2007. – №2. –С. 320-324.
- 30 Мейер, М.М. Механизмы и технологии формирования информационно-политической повестки дня в российских СМИ в 1996-2000 гг. 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mehanizmy-i-tehnologii->

formirovaniya-informatsionno-politicheskoy-povestki-dnya-v-rossijskih-smi-v-1996-2000-gg#ixzz3izAO8nzJ– Дата доступа: 21.07.2015.

31 Ценностный мир современного человека: Беларусь и её соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.]; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2013. – 175 с.

32 Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 22 апреля 2014 года [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2014. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/ – Дата доступа: 21.07.2015.

33 Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 29 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. – 2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/ Дата доступа: 05.05.2015.

34 Вручение премии «За духовное возрождение», спецпремий деятелям культуры и искусства и «Белорусский спортивный Олимп» 10 января 2017 г. [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. – 2017. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vruchenie-premij-za-duhovnoe-vozhrozhdenie-spetspremij-dejateljam-kultury-i-iskusstva-i-belorusskij-15349/ Дата доступа: 10.01.2017.

35 Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, 21 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu-13517/ Дата доступа: 30.04.2016.

36 Гриняев, С.Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. М.: Харвест, 2004. – 448 с.

37 Маркова, Г. И. Массовая культура: содержание и социальные функции : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Г. И. Маркова ; Моск. гос. ун-т культуры. – М., 1996. – 37 с.

38 Гофман, А. Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения / А.Б. Гофман. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

- 39 Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
- 40 Marshall, Mc. Understanding media / Mc. Marshall. – Corte Madera: Gingko Press, 2003. – 616 p.
- 41 Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака = Pour une critique de l'économie politique du signe / Ж. Бодрийяр ; пер с фр. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – М. : Акад. Проект, 2007. – 335 с.
- 42 Сантус, Т. Д. Структура зависимости [Электронный ресурс] / Т.Д. Сантус; пер. с англ. В. Плотникова ; под ред. А. Тарасова // Скепсис. – 2008. – № 5. – Режим доступа: [http:// http://scepsis.net/library/id_2297.html](http://scepsis.net/library/id_2297.html). – Дата доступа: 09.02.2013.
- 43 Бузгалин, А. В. Ренессанс социализма (курс лекций, прочитанный в Молодежном университете современного социализма) / А. В. Бузгалин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 512 с.
- 44 Бурдьё, П. О символической власти / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н.А. Шматко // Социология социального пространства = Sociologie de l'espace social : [сборник] / П. Бурдьё. – М., 2005. – С. 87–96.
- 45 Harvey, D. The party of Wall Street meets its nemesis / D. Harvey // Verso Bk. – Mode of access: <http://www.versobooks.com/blogs/777-david-harvey-the-party-of-wall-street-meets-its-nemesis>. – Date of access: 15.08.2014.
- 46 Фромм, Э. «Иметь» или «быть» = Haben oder Sein / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2008. – 314 с.
- 47 Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм ; пер. с англ. Д. Н. Дудинский. – Минск : Попурри, 1998. – 672 с.
- 48 Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Академ. Проект, 2007. – 384 с.
- 49 Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма / А. Зиновьев // Запад / А. Зиновьев. – М., 2000. – С. 7–448.
- 50 Блюмінов, О. Иностранные инвестиции – путевка в «третий мир» [Электронный ресурс] / О. Блюмінов // Ліва. – Режим доступа: <http://www.liva.com.ua/foreign-investment.html>. – Дата доступа: 27.08.2014.
- 51 Маркос, С. Семь деталей мировой головоломки [Электронный ресурс] / С. Маркос; пер. с исп. О. Ясинского // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_575.html. – Дата доступа: 09.02.2014.
- 52 Кляйн, Н. Шоковая доктрина [Электронный ресурс] / Н. Кляйн // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1465.html. – Дата доступа: 09.02.2014.
- 53 Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе ; пер. с англ. А.А. Юдина. – М. : АСТ : Ермак, 2003. – 312 с.
- 54 Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества : пер. с англ. / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.

- 55 Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас ; пер. В. И. Иванова // THESIS : [сб. науч. тр.] / Ин-т гуманитар. ист.-теор. исслед. Высш. шк. экономики. – 1993. – Вып. 2. – С. 123–136.
- 56 Фурс, В. Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории / В.Н. Фурс // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 115–130.
- 57 Валлерстайн, И. Европейский универсализм: риторика власти / И. Валлерстайн // Прогнозис. – 2008. – № 2. – С. 3–56.
- 58 Hahn, N. S. C. Neoliberal imperialism and pan-African resistance / N.S. C. Hahn // J. of World-System Research. – 2007. – Vol. 13, № 2. – P. 142–178.
- 59 Гароди, Р. Марксизм XX века = Marxisme du XXeme siecle : пер. с фр. / Р. Гароди. – М. : Прометей, 1994. – 175 с.
- 60 Символическая политика : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук ; ред. О. Ю. Малинова. – М., 2012. – Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – 336 с.
- 61 Слука, О.Г. Идеологические процессы в Беларуси/ О.Г. Слука. – Мн.: РИВШ, 2010. – 220 с.
- 62 Лукашенко, А.Г. Доклад Президента Беларуси на пятом Всебелорусском народном собрании 22 июня 2016 г. // [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Официальный интернет-портал президента Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-pjatom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-13867/ Дата доступа: 30.06.2016.
- 63 Хардт, М. Империя = Empire : пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
- 64 Бодрийяр, Ж. После оргии / Ж. Бодрийяр // Прозрачность зла = La transparence du Mal : [сборник] / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М., 2000. – С. 7–22.
- 65 Красин, Ю.А. Вязкая колея российского выбора / Ю.А. Красин // Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития: сборник статей / Ин-т «Справедливый мир», Рос.ас-соц. полит. науки, Фонд им. Фридриха Эберта, Ин-т социологии РАН; [редкол.: Л.И. Никовская и др.]. – Москва: Ключ-С, 2013. – 504 с
- 66 Judt, T. Ill Fares the Land. Treatise On Our Present Discontents / T. Judt. – L.: Penguin Books, 2011. – P. 129.]
- 67 Павроз, А.В. Государство всеобщего благосостояния: сущность политики и фундаментальные противоречия / А.В. Павроз // Политика и общество. – 2011. – № 11 (89). – С. 21-29.
- 68 Холостова, Е.И. Зарубежный опыт социальной работы. / Е.И. Холостова, А.Н. Дашкина, И.В. Малофеев. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. – 368 с.

69 Неокорпоративизм в странах Запада. [Электронный ресурс]. // Экономическая и социальная политика. – 2013. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/29/1251413770/20.pdf> – Дата доступа: 10.05.2016.

70 Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер. [Электронный ресурс]. // Библиотека Гумер. – 2016. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/34.php. – Дата доступа: 16.05.2016

71 Павроз, А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России / А. В. Павроз; СПбГУ. – Санкт-Петербург : Издательство С.-Петербургского университета, 2008. – 357 с.

72 Krueger, A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // The American Economic Review. – Vol. 64. – № 3. – 1974. – P. 291-303.

73 Кривошеев, В. Т. Социальное партнерство и корпоративизм: российская специфика / В. Т. Кривошеев // Социс. Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 38–45.

74 Черныш, М. Ф. Противоречия становления социального партнерства. // Социс. Социологические исследования. – 2004 – № 6 – С. 16–26.

75 Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G.Esping-Andersen. – Princeton: University Press, 1979. – 260 p.

76 Павроз, А. В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние / А.В. Павроз // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2009. – № 4 – С. 50-62.

77 Никовская, Л. И. Проблемные аспекты социально-политической трансформации современной России // Л.И. Никовская / Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С.94-101.

78 Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2014–2015 гг. [Электронный ресурс] // Федерация профсоюзов Беларуси. – 2015. – Режим доступа: http://fpb.by/dfiles/000159_3395__soglashenie_na_20142015_gody.doc – Дата доступа: 20.01.2015.

79 Клипина-Литовченко, В. И. Теории и модели социальной работы как системный объект исследования / В. И. Клипина-Литовченко // Соц.-пед. работа. – 2002. – № 4. – С. 11–29.

80 Павленок, П.Д. Теория, история и методика социальной работы / П.Д. Павленок – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К, 2012. – 592 с.

81 Луков, В.А. Социальное проектирование: учеб.пособие для вузов. – М.: Изд-во Московского государственного университета: Флинта, 2007. – 240 с.

82 Исаев, С. М. Социальная реклама как инструмент гос. соц. политики : автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. экон. наук : 8.00.05. / С.М. Исаев / Рос.акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации /. – Москва,- 2002 г. – 24 с.

83 О рекламе: Закон Респ. Беларусь, от 10.05.2010 г. № 225-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

84 Ахмади, Н. Глобализация сознания и новые требования к международной социальной работе / Н. Ахмади // Журнал исследований социальной политики – 2005. – Т. 3 № 1. – С. 39–58.

85 Социальный заказ как инструмент социальной политики / Авторы-составители: М.А. Щёткина, И.Н. Куропатенкова, Т.И. Костюкович, Л.К.Злотников, Н.В. Ефременко. – Минск: Представительство ООН/ПРООН в Республике Беларусь, 2009. – 59 с.

86 Щеткина, М. А. Государственный социальный заказ в организации социального обслуживания населения Беларуси: социологический подход: автореф. дис. ....канд. соц. наук: 22.00.08 / Белор. госуд. университет. – Минск, 2016. – 27 с.

87 Григорьев, А.Д. История социальной работы. Учебное пособие для студентов вузов. В 2-х частях. Ч. 2. – Мн. ТетраСистем, 2006. – 464 с.

88 Шамбир, В.Н. Государственно-частное партнерство как форма инвестирования приоритетных муниципальных проектов : автореф. дис. ... канд. эконом.Наук: 08.00.01 / В. Н. Шамбир; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 28 с.

89 Абдрахманов, А. И. Государственно-частное партнерство в России и государствах Западной Европы: политологический анализ : автореф. дис.... канд. полит.наук: 23.00.02 / А.И.Абдрахманов ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2013. – 29 с

90 Алимпиев, П.С. Взаимоотношения федеральных институтов государственной власти и крупного бизнеса в современной России: автореф. дис.... канд. полит.наук: 23.00.02 / П.С. Алимпиев; Моск. гос. обл. ун-т.– Москва, 2009. – 25 с.

91 Попандопуло А. И Государство и бизнес: модели взаимодействия и трансформация деловых коммуникаций в России : автореф. дис. на ... канд. полит.наук: 23.00.02/ А. И. Попандопуло ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2012. – 22 с.

92 Сергеев, А.И. Политическая институализация предпринимательства как фактор становления гражданского общества в России : автореф. дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / А. И. Сергеев ; Высшая школа экономики. – Москва, 2009. – 26 с.

93 Государственно-частное партнерство: международный опыт и перспективы развития в Республике Беларусь // Совет по развитию

предпринимательства в Республике Беларусь. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://ced.by/ru/publication/books/~shownews/gos-chastnoe-partnerstvo-megd-opyt>– Дата доступа: 22.08.2016.

94 Тур, А. Н. Особенности формирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / А. Н. Тур // Проблемы упр. – 2011. – № 2 (39). – С. 31–36.

95 Новикова, И. Государственно-частное партнерство: мода или тренд / И. Новикова // Экономика Беларуси. – 2013. – № 1. – С. 48–53.

96 Public-private partnerships [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/node/335/>. – Дата доступа: 18.08.2016.

97 What are Public-private partnerships? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/overview/what-are-public-private-partnerships>. – Дата доступа: 18.08.2016.

98 Государственно-частное партнерство [Электронный ресурс] // Государственно-частное партнерство. – Режим доступа: <http://pppbelarus.by/>. – Дата доступа: 05.07.2016.

99 О проекте Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 11 дек. 2013 г., № 1066 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.12.2013. – 5/38139.

100 О государственно-частном партнерстве : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 01.01.2016. – 2/2340.

101 Семенин, А.А. Центры развития государственно-частного партнерства: сравнительный анализ / А. А. Семенин. – М., 2010 – 27 с.

102 Пономарева, С. Для чего Беларуси нужно государственно-частное партнерство [Электронный ресурс] // Бизнес Лидер. – 2014. – Режим доступа: <http://www.profi-forex.by/news/entry5000026498.html>. – Дата доступа: 06.07.2016.

103 Борушко, Е. П. Проблемы становления государственно-частного партнерства в Беларуси и пути их решения / Е. П. Борушко // Белорус.эконом. журн. – 2011. – № 2. – С. 79–89.

104 Дадеркина, Е. Развитие государственно-частного партнерства в Беларуси [Электронный ресурс] // Наука и инновации. – 2015. – № 2 (144). – Режим доступа: <http://innosfera.by/node/3374>. – Дата доступа: 05.07.2016.

105 Снежина, А. Государственно-частное партнерство в Беларуси: возможности и перспективы [Электронный ресурс] // Агентство новостей Telegraf.by. – 2016. – Режим доступа: <http://telegraf.by/2016/06/48/323069-gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-belarusi-vozmojnosti-i-perspektivi>. – Дата доступа: 05.07.2016.

106 О Межведомственном инфраструктурном координационном совете : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 мая 2014 г., № 508 (с изм. и доп.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.06.2014. – 5/38933; 18.09.2015. – 5/41050.

107 Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) [Электронный ресурс] / пер. с англ. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета // Междунар. науч. школа устойч. развития. – Режим доступа: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommon Future-introduction.pdf>. – Дата доступа: 07.10.2016.

108 Экологическое устойчивое развитие. Оценка поддержки Группы организаций Всемирного банка [Электронный ресурс] // Всемирный банк. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/EXTENVIRONMENT/Resources/EvalSumm_ru.pdf – Дата доступа: 06.10.2016.

109 Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование : монография / В. Т. Смирнов [и др.] ; ред.: В. Т. Смирнов. – М. : Машиностроение-1; Орел : ОрелГТУ, 2005. – 513 с.

110 Schultz, T. W. Investing in People: The Economics of Population Quality / T. W. Schultz. – Berkeley : Univ. of California Press, 1981. – 173 p.

111 Becker, G. S. Investment in human capital: theoretical analysis / G. S. Becker // J. of Polit. Economy. – 1962. – Vol. 70, Iss. 5. – P. 9–49.

112 Беккер, Г. С. Экономический анализ и экономическое поведение [Электронный ресурс] / Г. С. Беккер ; пер. Р. И. Капелюшниковой // Галерея экономистов. – Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=./in/becker/works/becker_w1.txt&img=works.jpg&name=becker#i. – Дата доступа: 05.10.2016.

113 Даниленко, Н. Н. Формирование человеческого капитала / Н. Н. Даниленко, И. С. Долгополова. – Иркутск : БГУЭП, 2009. – 119 с.

114 Шавель, С.А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск: Издательский дом «Белорусская наука», 2015. – 105 с.

115 Нестеров, Л. Национальное богатство и человеческий капитал / Л. Нестеров, Г. Аширова // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. – С. 102–110.

116 Belarus. Human Development Indicators [Electronic resource] // Un. Nations Development Prog. – 2015. – Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/BLR>. – Date of access: 07.10.2016.

117 Витко, Ф. П. Человеческий капитал – ключевой фактор устойчивого развития экономики / Ф. П. Витко // Социальные факторы инновационного развития экономики : сб. науч. ст. / Гос. ин.управления и социальных технологий БГУ. – Минск, 2011. – С. 67–72.

118 Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности / В. М. Макаров [и др.]. – М. : Наука, 2004. – 880 с.

119 Sveiby, K. R. Measuring Intangibles and Intellectual Capital – An Emerging First Standard [Electronic resource] / K. R. Sveiby // Sveiby. Knowledge Associates. – Mode of access: <http://www.sveiby.com/articles/emergingstandard.html>. – Date of access: 06.10.2016.

120 Кодекс Республики Беларусь об образовании : Кодекс Респ. Беларусь, 13 янв. 2011 г., № 243-З (с изм. и доп.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 13. – 2/1795 ; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.01.2014. – 2/2124.

121 Совместная Декларация Европейских министров образования «Европейское пространство высшего образования» (Болонья, 19 июня 1999 года) [Электронный ресурс] // ФГБУ «Главэкспертцентр». – Режим доступа: http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/other/declaration_1999. – Дата доступа: 07.10.2016.

122 Решение № 1 Республиканского совета ректоров учреждений высшего образования от 9 окт. 2014 г. [Электронный ресурс] // Республиканский совет ректоров учреждений высшего образования. – 2014. – Режим доступа: http://www.srrb.niks.by/info/post_09_14_14.htm. – Дата доступа: 06.11.2016.

123 Ереванское коммюнике конференции европейских министров образования (2015) [Электронный ресурс] // ФГБУ «Главэкспертцентр». – Режим доступа: <http://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/bologna/ek>. – Дата доступа: 07.10.2016.

124 Жук, А.И. Модернизация высшей школы Беларуси созвучна идеям Болонского процесса / А. И. Жук // Вышэйшая школа. – 2009. – № 2. – С. 3–6.

125 Демчук, М.И. Высшая школа Республики Беларусь в Европейском пространстве высшего образования / М. И. Демчук // Вышэйшая школа. – 2011. – № 6. – С. 6–9.

126 Журавков, М.А. Об имплементации инструментов Европейского пространства высшего образования / М. А. Журавков // Вышэйшая школа. – 2015. – № 3. – С. 3–5.

127 Малевич, Ю. И. Инновационные стратегии глобализации / Ю. И. Малевич, И. А. Малевич; под общ.ред. Ю. И. Малевич. – Минск : РИВШ, 2016. – 408 с.